60(6Абх)
А 17

ҚЫРҬТӘЫЛАТӘИ ССР АНАУҚАҚУА РАҚАДЕМИА
საქართველოს სსრ მეცნიერებათა აკადემია
АКАДЕМИЯ НАУК ГРУЗИНСКОЙ ССР

Д. И. Гулиа ихьз зхыу Аԥснытәи абызшәеи, алитературеи, аҭоурыхи ринститут

დ. ი. გულიას სახელობის აფხაზეთის ენის, ლიტერატურისა და ისტორიის ინსტიტუტი

Абхазский институт языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа

АДЫРРАҚУА ⁝ მოამბე
ИЗВЕСТИЯ

XVI

მეცნიერება
Мецниереба

Қарҭ—თბილისი—Тбилиси

А 17

ҚЫРТӘЫЛАТӘИ ССР АНАУКАҚУА РАКАДЕМИА
საქართველოს სსრ მეცნიერებათა აკადემია
АКАДЕМИЯ НАУК ГРУЗИНСКОЙ ССР

Д. И. Гулиа ихьз зхыу Аҧснытәи абызшәеи, алитературеи, аҭоурыхи ринститут

დ. ი. გულიას სახელობის აფხაზეთის ენის, ლიტერატურისა და ისტორიის ინსტიტუტი

Абхазский институт языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа

АДЫРРАҚУА ¦ ᲛᲝᲬᲐᲑᲔ
ИЗВЕСТИЯ

XVI

(СЕРИЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКАЯ)

16440

მეცნიერება
Мецниереба

Қарҭ—თბილისი—Тбилиси
1988

ОГЛАВЛЕНИЕ

Циколия М. М. Простое предложение в абхазском и древнегрузинском языках 3
Аршба Н. В. Типы слогов и слогообразующие звуки в абхазском языке 20
Конджария В. Х. О значении газет «Апсны» и «Апсны капш» в развитии абхазского литературного языка . . 37
Кишев А. С. Способы образования тайных языков адыгов . 53
Дзидзария О. П. К этимологии некоторых мегрельских пастбищных лексем 69
Дзидзария О. П. Отражение мотива пиратства абхазов в исторических документах и в языке 71
Бгажба В. М. К вопросу о происхождении и функциях абхазских топонимических морфем с элементом (комплексом) пшь 79
Хагба Л. Р. Коррелятивные образования с элементом -ш- в абхазском и абазинском языках 92
Халбад Т. Х. Об одной абхазо-абазино-осетинской лексической встрече 101
Начкебия С. М. Антонимы в абхазском языке . . . 103
Начкебия С. М. О некоторых терминах, связанных с религиозными обрядами (в аспекте судопроизводства) . . 114
Чирикба В. А. К германо-западнокавказским лексическим параллелям 121
Лакоба Н. П. Об абхазской поэзии периода Великой Отечественной войны 129
Кварчия З. Г. О некоторых идейно-художественных особенностях абхазских бытовых сказок 135

9 (С 4I)
63.3 (2 Г)
9 (47.922)
И 33

"Известия" являются печатным органом Абхазского института языка, литературы и истории им.Д.И.Гулиа Академии наук ГССР. В них публикуются научные статьи по вопросам абхазского языка, литературы и фольклора.

Редакционная коллегия

Г.А.Дзидзария(ответственный редактор),
Ш.Д.Инал-Ипа, Ш.К.Салакая, Л.П.Чкадуа (зам.редактора),
В.Х.Конджария, В.В.Дарсалия, С.Л.Зухба,
Б.Г.Джонуа (секретарь)

И 4602020200 I28-88
М 607(06)-88

ISBN 5-520-00I28-6

© Издательство "Мецниереба", I988

М.М.ЦИКОЛИА

ПРОСТОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ В АБХАЗСКОМ И ДРЕВНЕГРУЗИНСКОМ ЯЗЫКАХ

Основательное рассмотрение фактического материала абхазского и древнегрузинского языков выявляет целый ряд морфологическо-синтаксических параллелей, вызывающих интерес как в диахроническом, так и синхроническом аспектах. Толчок к такому, сравнительному, изучению фактов впервые дало исследование Арн. Чикобава, в котором проанализированы морфологические встречи абхазского языка с картвельскими языками[I]. В нем, в частности, отмечается, что в результате теснейшего контакта на протяжении длительного периода времени абхазского языка и мегрельской речи, в спряжении мегрельского глагола были использованы абхазские ლა, ტა, ნა, ზა элементы, происходящие от адвербиальных основ: ქი - ლა - ბე, ქი - ტო - ბე " сидит внутри", ჯ - ზო - ბე " сидит впереди чего-то" (ср. абх. ღ - ტა - ᲥᲘᲛᲔᲓᲔᲑᲐ " сидит (он, чел.) внутри", ღა - ლა - ᲥᲘᲛᲔᲓᲔᲑᲐ"сидит (он, чел.) между"... ღა - ზა - ᲥᲘᲛᲔᲓᲔᲑᲐ"сидит (он, чел.) впереди чего-то...").

Некоторые интересные абхазско-грузинские параллели засвидетельствованы и в синтаксисе. К.В.Ломтатидзе заметила, что в древнегрузинском языке, подобно абхазско-адыгейским языкам, в глаголы с превербами вставляются разные слова-частицы, как, например: ღა - ენე - ნებოს " утихомирился", "успокойся", ძარე - ენე - იქცა " обратился вокруг", ქო - ცა - ძიძაცნეს " и возненавидели меня", შე - ვრა - ხოალთ " не войдете" (ср. абх. ღ-ვხ- ᲪᲐ " куда (он, чел.) пошел", ღგ - შჲ - ᲪᲐᲮᲓ " как (он, чел.) пошел", ღ - ვნ - ᲪᲐ "когда (он, чел.) пошел"[2].

Установлено также, что мегрельские словосочетания с глаголом, включающим в себя аффикс - ნი , в определенном понимании идентичны некоторым инфинитным образованиям:

I Арн.Чикобава. Морфологические встречи абхазского языка с картвельскими языками. Известия Института языка, истории и материальной культуры им. акад.Н.Марра, ХП, Тбилиси, I942.

2 Ломтатидзе К.В. Следы инфинитного образования в древнегрузинском языке. Иберийско-кавказское языкознание, IX-X, Тбилиси, I958, с.III-II4.

დაჩქარ ორწყვეშიი თქი ქვდმოხუნევა (ср.абх.აშცა ახრუშთ ჩქრცია იჰიუდტ) "посади, мол, меня там, где ты видишь огонь"; ძლაბიქ ნონარით ქიჩიი ჰუ-ქტ აციშქეროო ქორვნი (ср.абх. ანძლაბგრ ილ-ღრიც იბვე აცა აციშქრარ დშჲყოთ) "и девушка узнала по голосу, что он - Алишкар"; ქჭოთოთს ათე ფუნაი ბჭმოუნსუნი თაქი (ср. абх. ჲაიდტ ანი აქვა ახრქრწა) "пришли сюда, где поднимается дым".

Особо ясна "инфинитность" форм с суффиксом - ნი тогда, когда предложение в определенных случаях замыкается глаголом ქოძიტ (увидел): ართი დილეში ყეშუნს ქი-ჯოხვნი ქოძიტ (ср. абх. თაჰაიჲეჭა ახიჲმთაიჯრა ლშჲქჩჰაიცტაშ იბეჯტ) "он (чел.) увидел, что старуха сидела у очага"; თე ძლაბიში გუნი ჭუხ ჭითოძჭ-ლჭნი ქოძიტ (ср. абх. ანი ანძლაშ ლჭიჭ ახაჰი იშჲაწჭეჭტ იბეჯტ " Он (чел.) увидел, как лежало сердце девушки под камнем"[3].

Для мегрельской речи характерна также конструкция, идентичная абхазскому словосочетанию с инфинитным глаголом, например: ჭუქო თიქ თქუნი თუში, გრ ახა დღაქ იძუ (ср. абх. ანი იშჲჯჰაიშტ ეჯეშჭა აშჭა ბაიჭს ეაიეჯტ) " как он полагал (как он сказал), наступила плохая погода"[4].

Разумеется, при таких обстоятельствах понятен интерес - еще глубже вникнуть в соответствующие материалы абхазского и древнегрузинского языков, установить общие и различные феномены, характерные для синтаксиса этих языков. Это даст возможность проследить ряд процессов, обращающих на себя внимание с точки зрения исторического развития грамматических категорий и их функционирования в словосочетании данных языков.

Предлагаемая работа ставит себе целью не всякого рода сравнение, а описание и дефиницию абхазско-древнегрузинских синтаксических параллелей, с одной стороны, и показ основных различий, с другой.

---

3 Циколиа М.М. Абхазско-картвельские синтаксические параллели. Известия Абхазского института языка, литературы и истории им. Д.И.Гулиа АН Грузинской ССР, Тбилиси, 1977, с.94 (на груз.яз., резюме на русск. яз.).

4 Там же.

x x x

В исследуемых языках удалось выделить следующие, наиболее примечательные, абхазско-древнегрузинские параллели:

а) Атрибутивное определяющее слово в абхазском языке, как правило, следует за определяемым постпозитивно: ა ჷ ა ვ ჳ გ ო ა ნ გ ო ა შ ჯ "человек коварный", ა თ ა ჯ ი ა ე ი ბ ე ც ჭ ა "старуха несчастная", ა ხ ნ ე ჯ ქ ი ა ნ ი ა " ночь темная", ა ქ ო ა ა დ შ ჯ ი ა ჯ ი ა "бумага белая"...

И в древнегрузинском языке определяющее слово обычно следует за определяемым постпозитивно[5], только с той разницей, что древнегрузинский, в отличие от абхазского языка, не исключает возможности перестановки определяющего слова в препозицию: დ ა ა ხ ვ ი თ ი ო ც ა შ ვ ი ე ს ა ს უ ყ უ ა რ ვ ე ს ა გ ა ხ-წ ა ვ ე ბ შ ე ნ (ქრესტ. 83) и сейчас учу тебя как сына любимого";

ვ ი თ ო რ ც ა მ ჴ ვ ე ც ნ ი ბ ო რ ო ტ ნ ი გ ა ნ ძ ვ ნ ე ბ უ ლ ნ ი, შ ე ე რ ი ნ ს ა ლ ტ ო ე ბ ა დ დ ა ე რ თ ი-ე რ თ ს ა უ ხ წ რ ო ბ დ ე ს (ქრესტ. 83) "ворвались как свирепые звери, опережая друг друга";

ი ხ ი ე ს რ ა მ ე გ ო რ ც ვ მ ც ი რ ე დ (ქრესტ. 84) " увидели холм маленький (холмик)";

ხ ო ე ო რ ო მ ე ე ი ვ ო ვ ი ს ს ი ტ ყ ო ა დ ჯ ე თ ი ე ი, შ ე ი ნ ყ-ნ ა ხ ტ ი ს (ქრესტ. I00) "тот, который найдет доброе слово, простит его"; ა რ ა ი ხ ი ე ს ე ა ნ ც ხ ო რ ე შ ი დ ს ა ე ო ე ნ ო დ (ქრესტ. 82) "не увидит (не удостоится) он вечной жизни"; დ ა ე ჳ რ ო დ ს გ ა ე ნ რ ა ვ ლ ა ე რ ი ე ბ ი ს ა რ წ მ ე ნ უ-ე ბ ი თ ა დ ი დ ი თ ა (ქრესტ. 5I) " умножился народ с помощью верования великого".

მ ი ე რ ი თ გ ა ნ წ ა რ ვ ი ნ ი რ ე თ ს ა ხ ო ე შ ი დ ე ე რ ი (ას 323) " с этого дня лишились мы всякой надежды";

ვ ი თ ა რ ც ა მ ჴ ვ ე ც ი მ ძ ვ ნ ვ ა რ დ ე ე რ ი ა (ქრესტ. 37) " кричал как зверь свирепый";

რ ა ე ი თ ე ვ ვ ი რ ე თ ვ ე ე ც ი ე ხ ე ბ ი ე ნ ი (ას. 3I5) " увидели мы человека порочного"...

В древнегрузинском языке имеется и препозиция определяющего слова: ა ლ ი ე ს ქ ვ ე ყ ა ნ ი თ ჰ ა ფ ი თ ი ს ა ნ ი ე ი გ უ ა მ ი

---

5 Кизириа А. Состав простого предложения в древнегрузинском языке. Тбилиси, I963, с.22I и послед.

"подняли с земли его святые останки"; ⴰⴽⴰ ⴋⴰⴍⴒⴁⴎⴀⴍ ⴆⴀⴍ-ⴆⴁⴍⴀⴑ ⴊⴍⴒⴁⴒⴁⴑ ⴎⴀⴑⴁⴍⴁⴑ ⴎⴍⴁⴑⴁⴑ "не удалялся от Хандзти истинный духовный сын"; ⴆⴀⴆⴀⴍⴒⴁⴑ ⴊⴍⴁⴑⴁⴑ ⴊⴍⴒⴁⴑⴁⴑ "увидели мы святую деву (священницу); ⴆⴍⴀⴎⴒⴀⴍⴀⴑ ⴊⴒⴀⴍⴀ ⴎⴍⴒⴁⴑⴁⴑⴁⴑ ⴊⴍⴒⴁⴒⴀⴍⴀ ⴑⴀⴊⴒⴀⴍⴀ ⴑⴁⴑⴁⴑ ⴎⴁⴑⴁⴍⴁⴑ "после многих лет пришел я к своему родственнику делать ему добро"; ⴆⴍⴀⴎⴒⴀⴍⴀ ⴑⴀ ⴊⴊⴀⴑⴊⴀ ⴆⴍⴀⴒⴀⴍⴀ ⴑⴀⴑⴁⴑⴁⴑⴁⴑ ⴆⴀⴎⴒⴀⴍⴀ ⴑⴁⴑⴁⴑ (ⴀⴆ. 317) " сильно обвиняли Павла"; ⴎⴒⴁⴑⴁⴑⴁⴍ ⴁⴑ-ⴁⴑⴀⴑ ⴊⴀⴑⴀⴑ ⴀⴊⴀ (ⴀⴆ. 321) "сказал Фестос громким голосом"...

Однако, как это отмечено и в специальной литературе, постпозиции в древнегрузинском языке исторически предшествовала препозиция. Доказывается, что препозиция определяющего слова в древнегрузинских оригинальных памятниках имеет, по сравнению с постпозицией, больший удельный вес"[6].

Примечательно, что хорошо развитая категория склонения в древнегрузинском языке дает возможность иной раз разъединить определяющее слово от определяемого: ⴊⴍⴀⴑⴀⴎⴀⴆⴍⴀⴑ ⴑⴀⴆⴀⴍⴆⴁⴑⴁⴑ ⴑⴀⴎⴀⴑⴁⴑ (ⴊⴀⴑⴁⴆ. 83)" все звезды, светившиеся, погасли"; ⴍⴀⴑⴀⴍ ⴆⴁⴑⴀⴆⴀⴑ ⴆⴀⴍⴀⴎ ⴑⴀⴆⴀⴎⴀⴑⴁⴑⴁⴑⴁⴑ ⴊⴁⴑⴁⴍⴁⴑ ⴎⴀⴑⴀⴍⴀⴑ (ⴊⴀⴑⴁⴆ. 78) "его останки повесили на очень высоком столбе"; ⴀⴍⴀⴎⴁⴍⴀ ⴊⴆⴀⴍⴀⴑⴆⴀⴑ ⴀⴑⴆⴁⴎⴁⴆⴑⴀⴑ ⴀⴑⴁⴑⴁⴑⴁⴑ ⴑⴀⴑⴁⴑⴁⴑⴁⴑ ⴀⴑⴁⴑⴁⴑⴁⴑ ⴀⴑⴁⴑⴁⴑⴁⴑ

ბეჭითთაო (ქრ.კ. 41) "ты не в силах вывести меня отсюда, разве только вытащив выведешь меня" (ср.абх. ... ԥշռՅəაგაղշ სდოշՏՀՅ-ბარც (ი)ჴՀՏშაოდც).

Для современного грузинского языка чужды подобные образования: здесь "описательные" варианты древнегрузинского языка обычно компенсируются лицевыми формами глагола, например, древнегруз. ლა ან ნულარა ურჩ იქნები, არამედ ჭოშჩიე იქჭეს ბრძანებასა ქრისტჱსასა (ქრ.კ. 102) " не будь упрям, а будь покорен велению Христа, (ср. новогруз. არე ნუ გაუხრელები (ნუ ურჩობ), არამედ დაემორჩილე-ლი ქრისტეს ბრძანებას); წასვიდა ხახიდ თვ-სა და სუნვიე იყო ხილვასა ჭათხა (89) " пошел он в свой дом, желая увидеть их" (ср.новогруз. თვეის სახლში წავიდა და სურდა ჭათი ნახვა); და ბრძოლასა ჭას ფიცხელსა ჭვნე იქნნეს ციხოანნი იგი (81) "в горячей схватке добро стояли защитники крепости" (ср.новогруз. ფიცხელ ბრძოლაში კაჭნავდნენ ქალიხოვნენი); რაჭეთუ ჭრისთე იქნა დღესასწაული ეს ღმრთის გამოცხადებისაჲ (ქრ.კ. 57) "удвоился (двойным сделался) праздник этот появления бога" (ср.новогруз. ეპიფანეწდა ღვთის გამოცხადების დღესას-წაული).

Сравнение этих данных абхазского и древнегрузинского языков позволяет думать, что наличие деепричастных конструкций не было чуждо для определенной ступени развития древнегрузинского языка. Предположение это как-то поддерживается некоторыми фактами самого древнегрузинского языка, а именно: в древнегрузинском же языке налицо своеобразные формы, передающие значение деепричастия абхазского и некоторых индоевропейских, в частности, русского, языков. Имеются в виду те случаи, когда к лицевой форме глагола присоединяется частица რა (რაჲ), как-то: ხოლო ესუა რაჲ უკუეღა ჭის დაბისათა, ვითარმცა უცხოთა ვიეთმე ჭონაზღანთა ჴნებავს აღშენებად ჭონასტერი, ჭათ არა ინებეს (ქრ.კ. 88) "сообщив священнику той деревни о том, что некие монахини хотят построить там собор, они не позволили"; და ჭიალ ჭოკრა რაჲ ძღინარეთა იგი, ჭოკიდეს დასავლით ჭიხსა (ქრ.კ. 88) "когда кругом обошли ту реку (обойдя ту реку), они пришли с западной ее стороны"; და თაყუანი სცეს რაჲ და აკურთხეს და გაინიხარეს დიდად ვრაჲ (ქრ.კ. 89)

" поклонившись, благословили их и обрадовались очень"[7].

г) Обращают на себя внимание древнегрузинские причастнообразные формы, как-то сходные с одного рода инфинитными (verb. причастными) конструкциями абхазского языка. В предложении они обычно выступают в роли определения субъекта, ближайшего и косвенного объектов, как, например: ხოლო ყოველი, ღმრთისა იოანე ეჭისთჳს, ჭეშმარიტ იყო (აბ. 223) "всякое, что сказал Иоанн (сказанное Иоанном), было истинно" (ср. абх. ხაჳეაარფჳსგრ ნაარჩრობ ჲეჲგჭა იხაწა-ლალა ზე ა ჳ ე ნ (ლ. 40) "и Хважварпис, подобно Нардчхиоу, был сильным человеком"); ჭე ვარ ჴორი ცხოველი, რომელი ზეცით გარდაჴოვჳლ (აბ. 210) " я есмь хлеб, который спустился (спустившийся) с неба" (ср.абх. ზეღაბ ეჲჭეგე იუჳ-ჳშ ჯაბაჯჯჯრე ხაჯჯა ლაახჩეჲც (ჱ. П, 69) " и Камачич, грустя шедшая, чуточку засмеялась"); ყოველჭან, რომელჭანე ქნის ცოდვაჲ, ჭონაჲ არს იგი ცოდვისაჲ (აბ. 217) " тот, который совершил грех, есть раб греха" (ср. абх. ჳარა ჳაფხა იუეჲჳშაც აშა იქაგჳხეჳჩაშა იბგეღაბ (ჱ. П, 279) " пришедшие раньше нас охая стояли"); ღრცჳნჳიეს ჭისთჳს ჰუნიანი იგი, რომელთა თქუა: ძე ჳარ ჳუნი იგი, რომელი ზეცით გარდაჴოვჳლ (აბ. 210) "беспокоились евреи за то, что он сказал:" я есмь хлеб, который спустился (спустившись) с неба" (ср.абх. იშეიგე იყაზ ანაჯჯე ღეცეეჲდც (ჱ. П, 48) " ребенок, который был испуган (напуганный), заснул"; ნუ გიკვირნ ესე, რამეთუ მოვალს ჟამი, რომელსა ყოველნი, რომელნი იხსენენ საფლავებსა, იხმიონ ჴმა ეჭისა ჭისიაჲ (აბ. 206) " не удивляйтесь этому, так как наступит пора, когда все, сидевшие на кладбищах, послушаются к его голосу" (ср. абх. აშრა იცეოთჳ ალჳაშაცეა ზეგე ჳაჳეჳითდც იშძაკეა-ა წ ა შ ე რ გ ჳ ა უ ე ჳ ი ა რ ა ზ ე (П, 143) "все старшие, сидящие здесь, просим тебя (мужч.)

---

7 Этот რა (რაჲ) по своей синтаксической нагрузке как-то разнится от რა (რაჲ), употребляемого в виде инфикса в глаголах древнегрузинского же языка в значении "когда": ხო-ლო გან-რაჲ-ლვიძეს, იხილეს დიდებაჲ ჭისი (აბ. 147) " когда проснулись, увидели его сиятельство", ხოლო აღ-რაჲ-დგა განთიად ვიერუსალჭს შაბათსა, ეჩვენა ვიერუსალ ჭარიამ ჭაგდალინელს (აბ. 117) "как только наступила заря первой субботы, показался он сначала Мариаму Магданели".

рассказать нам всю правду, не скрывая ничего",

Что же касается современного грузинского языка, то он, как правило, избегает такую описательную (წესრ. причастнообразную) конструкцию: древнегруз. ყოველმან, რომელმან ქმნეს ცოდვაჲ, მონაჲ არს იგი ცოდვისაჲ "тот, который совершит грех: есть раб греха" (ср.новогруз. ყოველი ცოდვის მქმნელი(ჩამდენი) ცოდვის მონაა).

д) В абхазском предложении, при несклоняемости имен, синтаксическая роль основных членов часто обусловливается их местоположением: ადამ მოკლა გოლიათი "человек убил великана", ср. გოლიათმა მოკლა ადამი "великан убил человека".

Примечательно, что в древнегрузинском языке собственное имя человека не склоняется и поэтому в предложении единственным различительным способом субъекта и объекта, представляющих из себя собственные имена людей, выступает порядок слов: на первом месте и тут, как и в абхазском словосочетании, стоит субъект, за ним (контактно или дистантно) следует прямой объект: აბრაამ შვა ისაკ "Авраам родил Исаака"; ხოლო შვა იუდა "Яков родил Иуду..."

е) В абхазском языке, за редким исключением, вопросительность в словосочетании передается с помощью аффиксов -შა, -უ, -ი, -ფუძ, -ლა [8]: უარა უნთ უბაცაბგრაც უგძ ითოუშა? (გ. П, 82) " ты (мужч.) намерен с ними соревноваться?" მეარა მელა უ-ვ ეყოაბუ იგცშ-ლრუა ჯგმოშ ა? (გ. П, 20) "вы думаете, что кроме вас никто ничего не знает?" ეგრ ეახაზფგრ თქმ ლგფთო ფა? (გ. П, 58) "когда он (чел.) шел домой, разве мог сидеть спокойно?" ბარა იბახვთ ბაკაუოუ? (გ. П, 271) " ты (женщ.) слышишь, что я тебе говорю?" ბაბა ირცახგ ლააუოუ? (გ. П, 49) "отец скоро придет" არი უბუოუ? (ლ. 107) " видишь ты (женщ.) это ?"

И в древнегрузинском языке часто выступают фонетические эквиваленты некоторых абхазских аффиксов, как -შუ (ср.абх. -შა и -ა (ср. абх. უ)[9]:

8 Ломтатидзе К.В. Вопросительные формы в абхазском языке. Известия Академии наук Грузинской ССР, т.III, № 9, 1942, с.973.

9 Кизириа А. Состав простого предложения в древнегрузинском языке, с.85; Джанашиа С. Труды, т.III, Тбилиси, 1959, с.103 (на груз. яз.).

Вопросительность передается посредством суффикса -შუ (ср.абх. -შა): ჩუენ ღა-შუ ვყოთ? (ა. 127) "что нам делать?" ხოლო ვაი შეეშინა და დაუკრძალა და იტყოდეს უკთიეთ: კინ-შუ არს უნე, რამეთუ ჰაერთაცა უბრძანებს და წყალთა?(143) "они испугались, удивились и начали разговаривать между собой: кто он такой, приказывающий и ветрам, и водам?" არა-შუ თქუენ უვრთ უმჯობეს ხართა ფრინველთა? (ა. 16) "вы разве не лучше птиц?" და ჰკითხეიდეს ვის კი იგი და ეტყოდეს: და ღა-შუ უნუ ვყოთ? (ა. 127) "спрашивал его народ: что нам делать?"

Средством выражения вопросительности выступает суффикс -ე (ср. абх. უ): ეს არა იცი? (ა. 199) "этого не знаешь?" ხოლო ჩემიდაი შუშანიკ ძმაო: ტირ ამის მე: ვითიერია ესმისთჳს ნაღირ? (ქრსტ. 40) "Спросила меня святая Шушаник: Ты плачешь из-за этой доброты?" ჰხედავე ამათ დიდ-დიდთა შენ ნებუდეთა?(ა. 107) " видишь ты эти большие постройки?" და ჰკითხა ვინ-ეთა? (ა. 144) "спросил Пилате его: ты ли царь евреев?" შენ ჩემდა ხარე? (ა. 9) "ты придешь ко мне?" ჰრქუა ვათ იესო: ჴელ-წიფებიან ძენი სიძისანი გლოვად? (ა. 17) "спросил их Иисус: могут ли горевать сыновья зятя?"

Современному грузинскому языку чуждо подобное образование вопросительных форм [10]; здесь вопрос передается одной интонацией : ჩვენ რა ვქნათ? "что нам делать? ეს არ იცი? "этого не знаешь?" შენ ჩემთან მოხვალ? ты придешь ко мне?"

ж) Небезинтересно, что в древнегрузинском, в отличие от современного грузинского, налицо описательное образование вопросительных конструкций, точные эквиваленты которых находим в абхазском языке: древнегруз. რაჲ არს ღმერთი ესე მეცნიერ ესე შენ ნათესავ? (ქრსტ. 64) (ср. абх. ჳარა უგჳ ირ ა ჰ ა უ ა? "что я слышу о тебе? древнегруз. ვინ ვინ ხარ, რომელი მაცნიერებ ხედვიდ მონასა? (ა. 395) (ср. абх. უბჳნთა ჳარა აცჳმჳ ირცხრა უ ა? "кто ты такой, помогающий (дающий милость) чужому рабу?"

10 -ე сохранился в некоторых диалектах грузинского языка. Его фонетический эквивалент -მ в настоящее время образует вопросительные формы в мегрельской речи (Джанашиа С. Труды, III, с.103).

В новогрузинском отсутствует описательное образование: რა მესმის შენზე?(ср. древнегруз. რაჲ არს, რომელი ეს მესმის შენთჳს?) "что я слышу о тебе?" შენ ჰგიხარიხარ ცოლო ჩემ ად? (ср. древнегруз. შენ ვიცა ხარ, რომელი მონანიხარ ბრალისა ჩემისა?) "это ты помогаешь чужому рабу?"

з) Основной глагол в предложениях абхазского и древнегрузинского языков располагается по-разному, что обусловлено внутренними закономерностями развития грамматических категорий этих языков: финитный глагол в абхазском словосочетании склонен к постпозиции, древнегрузинский же - к препозиции: абх. აქეჭხა აგზი აგჳიცეზშა ლა აცაიჟიაბ, ჳჳიცჩა იგნეყი ლეჯეიჯგ (поговорив с этой девушкой, Аликса взял ее женой домой), ср.древнегруз. და ჲითლიმოლა ჩუიჟად, ჭოჟი-ლოლს ჰეიცაჩოენი, ქოლს ჭაჩნი, და ეკნეთნს ხაჩიჩაძგ. და ამა ლაქცა,ჩაჭეთ ლაკუნძეშულ იყო აქლხა ზეილა (и хлынул дождь, пришли реки, продули ветры, врезались (они) в дом, но он (дом) не упал, ибо стоял на скале).

Как видим, с точки зрения расположения глагола в повествовательном предложении, абхазский и древнегрузинский в принципе показывают, вопреки ожиданию, противоположную картину, хотя в ряде других случаев, как убедились, абхазский и древнегрузинский следуют друг за другом.

Чем вызвано данное отклонение? Дело в том, что абхазские предложения в основном формируются с помощью финитных и инфинитных глаголов. Редки конструкции, в которых фигурирует один финитный глагол. Предложение, состоящее из нескольких инфинитных глаголов, обычно замыкается посредством финитного глагола. Он придает словосочетанию облик законченности. Поэтому тяготение финитного глагола к концу предложения, надо полагать, кроется в самой внутренней природе этого глагола, являющегося организующим стержнем всего предложения [II]. Что же касается древнегрузинского языка, то здесь, в условиях " однообразия" (zesp. отсутствия финитности и инфинитности) глаголов, разумеется, нет необходимости фиксировать место основного члена предложения, в данном случае, глагола. Другой вопрос - почему он дает предпочтение концу, а не, скажем, началу или середине конструкции.

II Циколиа М. Порядок слов в абхазском языке. Тбилиси, 1973, с. 186-192.

и) Известно, что в чужой (прямой) речи в абхазском языке часто присоединяется частица " ჰაა " (← აჰაიხა), "сказать". Она индифферентна, вопреки новогрузинскому языку, к различению лиц: აჳჭხეზგჲ ჰაა? — ლაგჴ აჲჭ აჲლგ აიჭხა აიგჳიცეზ (с. 209) "что: мол, с тобой случилось? - спросила жена Аликса"; ხახოჭყაა ჲაბ ჭეჭჳაა აბრ ლეჯჰაა-ლთნ:ხახ,ხრა აიჭჲაჲაჳა ლეყაჭაოჭჳ ჰაა? (с. 31) "Сасрыква каждый день так спрашивал свою мать: мама, есть ли кто-либо, который может победить (одолеть) меня? ბნეგნ ჰხაჳ-ლა თჭგა, ჲაჭეჳგხეჭ იჭაჰჴაა ჰაა, — აბჭჭ ნაჭჭ - ჭეჭჲგხგ აიაჰაჲე (с. 300) "иди (ты, женщ.), вынеси нашу пшеницу, посеем ее, - сказал он своей старухе"; ნახ, აყა-ლაგნჲე, ბგჭხჰაიჰაბგნჲ ჰაა? — ლ ჭ აგ ჩ ჩ აჲ (с. 397) "что случилось, мама, почему кричишь? - спросила дочь"; ჲ აბაყ ო ჳ ხ აიჭჭ ა ჩ ა ჭ აიაჰაჭ (с. 413) "где же дичь, которую я пригнал к тебе? - спросил великан";

В древнегрузинском же языке мало частиц, служащих передаче чужой речи.Чужая речь в предложении этого языка в основном выделяется посредством интонации (ცეზრ. знаков препинания): ახქუ ჲხ ულმთოხა,ვითოხჟლ „შენ ჲოჭკაც“ (ქორწ. 44) (ср. новогруз. ეთხახი ჲაჲ ულჳნთოხ: „შენ ჲოჭკაი-თქო (შენგან ვარ ჲოკული-თქო) "скажи ему, безбожному, ты, мол, меня убил"; და ვიარქუ, ვითოხჟლ: რა ა ჲ ბ ი - ნ ე ბ ნ ? (ქორწ. 38) "спросил я: чего ты, хочешь? (ср. новогруз. და ვკითხე: რა მ ნ ე ბ ა ვ ს - შ ე თ ქ ი ?); და იმ ი ახწ ა ვ ე ნ ლ ა ლ ი ლ ა ვ ი ს ჰა ხ ლ ა ი ც ყ ო ლ ა, ვ ი თ ო ხ ჟ ლ: ჰ ე ი ც ა ჩ ო ე ნ ი ლ ი ე ს უ ს ე ქ ჲ ლ და გ ა ნ ნ ჭ ი ლ ნ ე გ ა ნ თ ო ე ბ ი ს ა გ ა ნ მ ა ნ ე ბ ი ს ა გ ა ნ შ ე ნ ი ს ა (ქორწ. 40) (ср. новогруз. ან ისწავლიდა(ითიქლა) ლილისს და ეუბნებოდა: წადი იერუსალიმ და ვედრებოდი ღმერთსა ბოდიშისათვის შენისა "он наставлял женщину и говорил ей: пойди в Иерусалим и исцелись, мол, от твоей чумы"; ხოლო წმიდანი ეკლესიის ჰრქუა: ახ, ხოლო თუ მიანჯილ მანგჭილებულ ვინ ჭამილეს სიყვარულისათჳს, ჩანაჭელ სიკუდილსცა თჳი ჩემი ისა მ ე წ ყ ა ლ ი ს (ქორწ. 45) (ср. новогруз. წმინდა ეკლესიის ეუბნა: ახლა თუ მოკვდები ქრისტეს სიყვარულისთვის, ანგელო ცაიკი (ისე ეკ ა ხ ა ი ც ა ვ ს ა ც ა ხ ა ვ ე ბ ი ს ა თ ვ ი ს) "сказал святой Евстати: "готов я из-за любви к Христу не только к мученичеству, но не жалею и себя принести ему в жертву".

Надо полагать, что формирование частицы ჰიაᲘ(← აჰიაᲘა) в абхазском языке для передачи чужой речи явление не так уж давнего прошлого. И тут чужая речь с самого начала, подобно древнегрузинскому, передавалась, по всей видимости, одной интонацией. Об этом свидетельствует и тот факт, что в абхазском языке частица ჰიაᲘ и ныне часто заменяется полной (лицевой) формой глагола აჰიაᲘა , например: სახა აჰიეᲘჭაᲘ იყნეᲘი იმოუᲘ აᲘსი სეᲘაᲘ ლოუ, ფიხეᲘ სახეᲘ ლეᲘშეიჰშაᲘი აჰიეᲘᲘ (ქ. 218) "то, что я получил от государя – это моя жена: как нам (тебе и мне) разделить ее между собой?" სათოუჭნაᲘ, სიეᲘიძრაᲘა იშეუᲘ ფიხეᲘ, ნაიეᲘ ნახეს(sic) სიანიაუ იქეᲘეᲘუ აᲘ, ფიაჰი ქეᲘეᲘუ აძ ქჰიეᲘᲘ (ქ. 348) "прости (ты, мужч.) меня; то, что сделал я своей свекрови по глупости, больше не буду, – сказала".

к) Интересно, что древнегрузинским союзом ვითარცა/ვითარ ("как") в сочетании с глаголом, наподобие инфинитной формы абхазского глагола с обстоятельственным аффиксом –(ა)ᲘᲐ , обычно передается обстоятельство времени, а не образа действия: და ესე ჩუენეᲘაძე ვითარცა იხილა, ჰა ნიანიახრაᲘა ლიაᲘ ფრიაძ (ქრონ. 103) " когда увидел призрак этот, он очень обрадовался" (ср.абх. ჩაᲘეᲘ ჯეაჰიეა ეᲘყიაᲘა ძეᲘყაᲘᲘ აᲘეჭეᲘუაᲘ/ეᲘეᲘეᲘ ლეᲘჭ აᲘᲘᲘ ძეᲘ-ჭეᲘეᲘᲘᲘ ჭეᲘ აᲘაჯაᲘᲘ ძეᲘაᲘᲘა (ქ. 62) "однажды, когда Киагуа возвращался с путешествия, сойдя с коня, сел под дубом: немножко, мол, отдохну"): და ვითარცა მიიწიენს იგი ჩუენეᲘად აბხაზეთისა, მთავარმან მისმან ჩუენეᲘიაჭაᲘ შეიწყნარა ნეᲘს ყოველით ქონით შისითურთ (ქრონ. 61) "когда они приблизились к стране Абхазии, владетель ее любезно принял Нерсе со своей свитой" (ср. абх. აშეᲘ აᲘა აᲘᲘ ჰაᲘეᲘუ/თიᲘიᲘთაᲘ ჩაᲘეᲘა ჩაᲘეᲘაძ ძეᲘᲘ აᲘეᲘაჰაᲘეა აᲘეᲘა ძიᲘიᲘᲘᲘ (ქ. П, 152) " оставалось еще порядочно времени до рассвета, когда (люди), предводительствуемые Татластаном, с шумом ворвались во двор"); და ვითარცა შევიდეს ციხესა, ჰოვეს სახლი ერთი ჩრდილოეთად კარსა (ქრონ. 39) "когда вошли в крепость, нашли на северной стороне один домик" (ср. абх. სასრჩეაა ძეᲘყაა-ᲘეᲘᲘუა ძეᲘᲘეᲘეᲘუᲘ/აᲘᲘეᲘეᲘ ლეᲘუᲘ აᲘᲘᲘ ძეᲘ-ᲘᲘᲘᲘᲘᲘᲘᲘ ეᲘᲘᲘᲘᲘᲘᲘᲘ ᲘᲘᲘ აᲘᲘᲘᲘᲘᲘᲘ ძეᲘᲘᲘᲘᲘᲘᲘᲘ

же текстах союз რაჟამს , передающий, если так выразиться, обстоятельство времени в чистом виде, встречается несравненно реже: და რაჟამს მოვიდა ნერსე ერისთავი ძეგვიხა ძის ხაზართაჲსა, მეიწყნარა იგი (ქრესტ. 6I) "когда пришел Нерсе Эристави к царю хазаров, он (царь) добродушно принял его"; რაჟამს მკუდრთა სიკუდილი ჩემი, ჰნდრძენ წახილეთ გუამი ჩემი მცხეთას და მუნ დაჰ ხ ა რ ხ უ თ (ქრესტ. 54) " когда услышите о моей смерти, возьмите мои останки в Мцхету и там похороните"; რაჟამს იტყჳნ, ბრძნად აღიღოს პირი თჳსი (ქრესტ. I00) " когда скажет, мудро откроет рот свой"; ხოლო რაჟამს მიიქცინეს და უკუე უკუს ღმერთი, კერპთა იკადრეს ხილვად მათა (ქრესტ. 40) " когда они обратились к другому вероваию, отказавшись от бога, не посмели увидеть его (бога)".

Здесь же следует отметить, что и в мегрельской речи, подобно данным абхазского и древнегрузинского языков, союз обстоятельства образа действия მუქთო (მუქთოთ) в предложении очень часто служит обозначению обстоятельства времени: მუქთო თქჳა ჭოთქუ ღო, ქიხხოღო ჩიქ ღო ჭოჭოხქ ჭიჭიოტეს ოხერჟე (ხუბ. 33) " когда он сказал это, муж и жена, оба, перестали ужинать (оставили ужин)"; მუქთო ითქ თაჭი ჰკიხქუე ღო, კახიჭი ჱოხქ ტ ი ლ ო თ ქ ე ზ ი ბ ი (ხუბ. 37) " как-только это случилось, швейцар выстрелил через пулемет"; მუქთო კახს თოქი ჭიძვოტი ღო, ჰკიხთქ ღო ჭქღიხთხქ (ხუბ. 44) " как-только взглянул я на дверь, он расшатался и упал"; მუქთო ჭოძიხ თქჳა ხქხჭქოქჭქხ: თჭჳა ხქხჭქოქ ღოტქთ ღო ჭი ღოხ ქ უ ხ ქ ჭ ი ი ქ ო ? (ხუბ. 69) " когда государь увидел это, (сказал): как я осрамился оказывается, вы царь!" მუქთოთ ჭიჭქხთქ ჭიოხტი— ჭქხ, ტქიიშჭქ ქ ძქიხი (ხუბ. I50) "когда пришел Георгий, он отпустил эту девушку"; მუქთოთ ჭუ- მუხხ ტჳქხშჳპიო, ითქა ჭქტშიშჭჳია ღ უ ხ ი ა (ხუბ. I50) "когда придет кит, ударь мне это по голове!..."

Анализ фактических материалов абхазского и древнегрузинского языков дают возможность заключить:

а) простые предложения абхазского и древнегрузинского языков, наряду с наличествующими в них значительными различиями, обнаруживают ряд примечательных структурных (синтаксических) общностей, что обусловлено едиными чертами исторического развития грамматического механизма иберийско-кавказских языков. Па-

мятники древнегрузинского языка (У-Х вв.), использованные в данной работе, отражают определенную (историческую) ступень развития грузинского языка. Поэтому, естестченно, что у древнегрузинского языка больше точек соприкосновения с грамматическим (т.е. синтаксическим) строем абхазского языка, чем у новогрузинского. Ведь абхазский язык, как известно, до сих пор сохранил такие, в языковом отношении особо ценные, категории (например, обозначение класс-категории человека и вещи в глаголе, морфологическое (а не синтаксическое) выражение эргативной конструкции предложения при отсутствии склонения имен и др.), которые картвельские языки либо давно утеряли, либо проявили себя в ином аспекте;

б) различные языковые явления, проследить которые становится возможным в результате сравнения данных абхазского и древнегрузинского языков (например, постпозиция основного (финитного) глагола в предложении абхазского языка, с одной стороны, и препозиция - в древнегрузинском, с другой) опять-таки являются фактами, исходящими из внутренней природы развития этих языков: кое-что в этом измерении можно воспринять как факт вторичного порядка или же как закономерное отклонение от когда-то существовавшей нормы, которое, как известно, не в силах избегнуть отдельные грамматические категории даже самих родственных языков на определенном этапе развития (ср.гипотаксис, как синтаксическая категория в картвельских языках и отсутствие этого последнего в абхазском языке);

в) что же касается особо ценных синтаксических параллелей абхазского языка и мегрельской речи, то в основе их в ряде случаев лежит теснейший контакт - на протяжении длительного периода времени - языковых явлений, "контакт, ведущий почти что к смешению" [12].

Условные сокращения

ახ. - Новый завет. Тбилиси, I963 (на груз.яз.)
გ.ი. - Д.И.Гулиа, Сочинения, т.П, Сухуми, I952 (на абх.яз.).
ქ. - Абхазские сказки. Сухуми, I940 (на абхаз.яз.)
ქრესტ. - Хрестоматия древнегрузинской литературы, I, Тбилиси, I946 (на груз.яз.).
ხუბ. - М.Хубуа. Мегрельские тексты. Тбилиси, I936.

I2 Арн.Чикобава. Морфологические встречи абхазского языка с картвельскими языками, с.I65.

Н.В.АРШБА

ТИПЫ СЛОГОВ И СЛОГООБРАЗУЮЩИЕ ЗВУКИ В АБХАЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Как известно, слог - наименьшая произносительная целостная единица. Звуки речи, входящие в один слог, не произносятся по отдельности, а характеризуются максимальной слитностью, определенной взаимосвязанностью и взаимовлиянием. Это взаимовлияние звуков слога, как и его состав, различны в разных языках.

Как считают специалисты, из сегментов потока речи - фразы, речевые такты, фонетические слова, слоги, звуки речи, слог - самая сложная фонетическая единица, поэтому до сих пор нет единой теории его определения. "Слог является очень важной единицей системы любого языка. Мы не знаем ни одного языка на земле, где бы речевой поток не делился на слоги. Но именно для этой единицы существен парадоксальный факт: в то время как говорящие на данном языке совершенно естественно воспринимают деление на слоги, научаются производить это еще в детском возрасте, научное решение проблемы, однозначное определение этой операции при всем большом практическом значении получения этого решения, наталкивается на очень большие трудности, и пока в полном виде еще не найдено"[I]. Каждая из имеющихся различных теорий объясняет преимущественно одни какие-либо черты, оставляя без объяснения другие, указывает Ю.С.Степанов[2]. Обзор основных, более принятых теорий слога дает Л.Р.Зиндер[3]. Он отмечает, что ныне господствующими являются экспираторная и сонорная теории. Первая из них трактикует слог как звукосочетание, которое произносится одним выдыхательным толчком, который, по уточнению американского фонетика Стетсона, "обычно становится слышимым благодаря гласному и начинается или заканчивается согласным[4]. Согласно же сонорной теории слог представляет собой сочетание более звучного (сонорного) элемента с менее звучным. Гласный не является обязательным элементом слога, для него необходимо лишь, чтобы сочетающиеся звуки различались по степени звучности. Применяя эту теорию к русскому языку, Р.И.Аванесов выделяет три градации звучности: I - гласные, 2 - сонорные

I Кузнецов П.С. Отзыв на экспериментально-фонетическую работу Р.К.Потаповой. - В кн.: Различные типы слогового стыка, М., I965, с.62.

2 Степанов Ю.С. Основы общего языкознания. М., I975, с.89.

3 Зиндер Л.Р. Общая фонетика. М., с.253-256.

4 Stetson R.H. Motor Phonetics. Amsterdam, I95I, с.36.

согласные, 3 - шумные согласные и считает, что " основной закон слогораздела в русском языке заключается в том, что неначальный слог всегда строится по принципу восходящей звучности, начинаясь с наименее звучного"[5]. Исследовав русское слогоделение, Л.В.Бондаренко и Л.П. Павлова пришли к выводу о том, что "... поток речи членится на последовательность открытых слогов, даже если между гласными нахсдятся сочетания согласных, независимо от качества этих согласных"[6]. Исследовав акустическую выраженность слогораздела на материале английского и немецкого языков, Р.К.Потапова и Н.Г.Камышная пришли к выводу о том, что определение границы слога зависит: I) от артикуляторно-акустических особенностей исследуемого языка, 2) наличия или отсутствия ударения в слоге, 3) акустической выделяемости компонентов слога, 4) позиции слога в фонетическом слове, 5) позиции слога во фразе[7]. Г.П.Торсуев отмечает, что "фонемная структура слова определяет количество слогов в слове, однако с возможным варьированием в некоторых звукосочетаниях"[8]. Перечень работ, посвященных разным проблемам слогоделения, можно увеличить. По справедливому замечанию А.Э.Калнынь и Л.И.Масленниковой, "В каждой последующей работе часто отрицаются или значительно корректируются результаты, полученные предшественниками[9].

Учитывая то обстоятельство, что хотя сущность слога и его артикуляторно-слуховые основы универсальны, но само строение слогов, их структурные типы и способы слогообразования различны в разных языках, мы попытались выделить типы и подтипы слогов и описать их слогообразующие гласные. С этой целью мы произвели деление на слоги свыше I0 000 абхазский словоформ. Исследование абхазского слогоделения затрудняется особенно богатством консонантной системы и сложной сочетаемостью согласных, с одной стороны, и неизученностью артикуляционно-акустических свойств сочетающихся звуков, с другой.

5 Аванесов Р.И. Фонетика современного русского литературного языка. М., I956, с.42.

6 Бондаренко Л.В., Павлова Л.П. О фонетических критериях при определении места слоговой границы. - Русский язык за рубежом, I967, № 4, с.9.

7 Потапова Р.К., Камышная Н.Г. Слогоделение с позиций сегментирующей функции речи, ВЯ, I973, № 3, с.63.

8 Торсуев Г.П. Строение слога и аллофоны в английском языке. М., I975, с.4-5.

9 Калнынь Л.Э., Масленникова Л.И. Опыт изучения слога в славянских диалектах. М., I985, с.3.

Как известно, в языках фонематического строя, каким является и абхазский язык, слог может состоять и из отдельного звука и из сочетания звуков. Основными, наиболее распространенными типами слогов являются открытые - оканчивающиеся на гласный и закрытые - оканчивающиеся на согласный; неприкрытые - начинающиеся с гласного, прикрытые - начинающиеся с согласного. В дальнейшем, пользуясь терминологией Г.П.Торсуева, состоящий из одного гласного звука слог мы будем называть полностью открытым, слог, одновременно прикрытый и закрытый - полностью закрытым, начинающийся с согласного - прикрытым в начале, начинающийся с гласного - прикрытым в конце[10].

В абхазском языке имеются все четыре возможных типа слога:

I) Г (гласный) - полностью открытый,

2) СГ (согласный + гласный) - прикрытый в начале,

3) ГС (гласный + согласный) - прикрытый в конце,

4) СГС (согласный + гласный + согласный) - прикрытый и в начале и в конце, т.е. полностью закрытый.

Из этих типов первый Г, естественно, не может иметь подтипов:

I Г: а/ий "собака", а/ба/а "крепость", а/ҩас "птичка", а/хы "голова", е/гьы́ҧгъ "другие", и/на/гьы "его рука", у/шьа/гьы́ "твоя нога";

2 СГ: са/ий "я", а/ча́/ра "люлька", а/ҧа/ий "идти", ла/ий "она", а/ҧза/ҩа/на́ "внести в".

Подтипы СГ:

I) ССГ: хҳа "три", ҩба "два", Шҧа "теперь" мчы́/ла "насильно", зҳы "тысяча", ҳшаа/а́/ла "тихо",

2) СССГ: а/ҳэс/р/ҳшэа́ "оспа", а/хаҳ/шьа́/рзы "гончарь", а/ча́/рзы "пекарь",

3) ГС: ам/хы́ "нива", аа/ны́ "дом", аб/жьы́ "голос", а́ш/ха "гора", ам/ма́ "жир", а́/ам/ҧа "время, ан "мать", аш/ҧы́н/гы/ла "послелог".

Подтипы ГС:

I) ГСС: аша "день", ашэҳ "цветок", а́ҳс/уа "абхаз", а́ч/ра "власть", а́ҳҕ/ҕба "ущелье", а́бҳ/ҧэга "плохой язык",

2) Г ССС: ашҳу "лишний" с параллельным вариантом а́/шыҳу аҳҳэ "чесоточный" с параллельным вариантом а́/ҳҳ,ҳ.

3) СГС: а/ҧзы́ҳ "место", а/ха́ҳэ "камень", бжьы/бы "семь", а́ш/ҳа́ҕэ "ложка", дна/сы́ҧо/ҧзы́ч "я его (ее) послал", а/ры/р/ны́л "перец".

I0 Торсуев Г.П., указ. раб., с.8.

Подтипы СГС:

I) ССГС: бзык "один лист", ҽнак "однажды" шшк "один день", шьы́ш/куа "не обманывая".

2) СССГС: ҳшҳак с параллельным вариантом ҳшы́/ҳак "одно красивое", ҳҳтзык, с вариантом ҳшх/ҳшы́к "один чесоточный", хышьа/бра́к "какие-то пастухи" с вариантом хышь/ҳа/бра́к, ҳетзык "какое-то животное" с вариантом ҳзыс/ҳтэык.

3) СССССГС: ҳсҳзҳак "одна туча" с вариантом ҳзыс/ҳзҳа́к

4) СГСС: а/ба́рд "кустарник", а-куа́ҧз "квочка", а́шы/ҳзыка "звук", а/ҕэ́ҳшҳ "гвоздь", а/ҳшҳзҳс "рог".

5) СГССС: ҕэ́ҳшҳк "один гвоздь", //ҕэ́ш/ҳы́/ҳзык, ҕҳазшк "одна помада", и/сы́шэҳт // и/сы́ш/ҳзы́ҧҳ "вы мне его дали",

6) СГСССС: даҳсхт // даҳс/хшы́т "я его от него отняла", и/сы́ҳсхт чаще и/сы́/шэкс/хшы́т "я его сняла с ног",

7) ССГСС: ҕуашшь назв.реки, шаашы "счастливого пути", скуа/гдэ "моя скамья",

8) ССГССС: ччаҧхус // ччаа/р/хуыс "в насмешку", дзаҳхт // дзаа/р/хшы́т "они его посадили", уҳҳы́ҳшэк "одна поляна",

9) СССГСС: ҳсашшк "один тополь" с вариантом ҳзык/ҳы́шк, ҧзшаҳс // ҧшҳ/ма́кс "в качестве рюкзака", ҳсшаҳк // ҳзыс/шаҳк "одна дикая коза",

I0) СССГССС: ҳсашшаҳк "один песок" // ҳзык/ша́шаҳк

Таким образом, из 4-х типов слогов, только полностью открытый Г не имеет подтипов, остальные три типа вместе насчитывают I4 подтипов. Все типы и подтипы слогов вместе составляют I8 видов, которые распределены следующим образом:

I	Г	(полностью открытый)	а/ла	"собака"
2	СГ	(прикрытый в начале)	са/ий	"я"
3	ССГ	(прикрытый в начале)	хҳа	"три"
4	СССГ	(прикрытый в начале)	а/ҳэс/р/ҳшэа	"оспа"
5	ГС	(прикрытый в конце)	аб/ны́с	"дом"
6	ГСС	(прикрытый в конце)	аша	"день"
7	ГССС	(прикрытый в конце)	ашҳу	"лишний" // а/шҳу
8	СГС	(полностью закрытый)	а/хаҳэ	"камень"
9	ССГС	(полностью закрытый)	ҽнак	"однажды"
I0	СССГС	(полностью закрытый)	ҳшҳак // ҳзык/ҳа́к	"Одна красавица"
II	СССГС	(полностью закрытый)	ҳсҳзҳак // ҳзыс/ҧзҳак	"одна туча"
I2	СГСС	(полностью закрытый)	ҕуазык	"одна косточка"

I3 СГССС (полностью закрытый) ӷәмызк "один гвоздь"//ӷәы́м/зк

I4 СГСССС (полностью закрытый) дамсхьт//дамс/хы́йт "его я отняла у него"

I5 ССГСС (полностью закрытый) мшаны "счастливого пути"

I6 ССГССС (полностью закрытый) ҽҳәызк "одна поляна"

I7 СССГСС (полностью закрытый) ҵсылык "один тополь"//ҵыс/лы́йк

I8 СССГССС (полностью закрытый) ҵсамызк "один песок"//ҵыс/мы́зк

В данном сообщении мы не приводим статистику частотности указанных видов слогов, но предварительно можно сказать, что все основные типы слогов: Г, СГ, ГС, СГС в абхазском языке имеют широкое распространение. Из подтипов же слогов чаще всего встречаются ССГ, ГСС, ССГС, СГСС, ССГСС, СГС. Реже встречаются слоги, которые состоят или часть которых составляют сочетания из трех (и тем более четырех) согласных подряд. Как было видно выше, все эти слоги с тремя (или четырьмя) согласными имеют параллельно двусложные варианты со слогообразующим гласным ы: а/цҳьр/ҵыза́ //а/цҳьр/ҵыш/за́, амцху//а/мыцху и т.д. Обращает на себя внимание и качественный состав последних: как правило, обязательным компонентом трех согласных (и четырех согласных) слогов или компонентов слогов являются придыхательные смычные ҵ (чаще в инициале) ҵ, ҭ (чаще в финале), сонорные р, л, м, глухие щелевые с, ш, шә, х и т.д.: ҵыцзак//, ҵыш/зәк "одна красивая", ҵәпҳәжәк//ҵысҭ/хәк "одна туча", амцху//а/мыцху "лишний", дҭа/ҳьт //дҭа́/р/кыйт "его посадили", в разговорной речи встречается даже ды/ҭа/р/кыйт (в абжуйском диалекте), дамсхьт //да́м/схыйт " я отняла его" и т.д.

Следует отметить, что СССГ и ГССС (и тем более ССССГ и ГССС) как слоги или компоненты слога в полностью закрытом слоге в финале слова встречаются чаще, чем в начале за счет скопления согласных суффиксов в конце глагольных словоформ: дыр/ҵт "они его потеряли", дамсхьт "я его отняла", дыш/ҵәҷыйт "они его положили". Любые линейные сочетания согласных из двух, трех (и четырех) согласных в одном слоге в принципе встречаются и в абжуйском диалекте, но они там реже, чем в бзыбском диалекте, в котором, как известно, из-за большей редукции безударных гласных происходит более частое скопление согласных: бз.: дыб/за́/рпәҭ "они его оживили", абж. дыб/за́/р/тәыйт, бз.: и/бы́мсхьт "я то у тебя отняла", абжы.: и/бы́м/схыйт и т.д.

Слоговые гласные.

В абхазском языке слог образуют все гласные монофтонги а, ы, о, е, сонанты и у в определенной позиции и различные дифтонги ай, аў, ўа, ей, йе, ой, йо, ый, йы, ыў, ўа ... и трифтонги ейе, уей, йаў, ўоў, ўый, йыў и т.д.

Слогообразование гласными а, о, е как ударными, так и безударными, а также ударными ы не представляет никаких особенностей:

а: а/ры́ "здесь", а́ш/ца "огонь", а/ҩа//ҧа́ "нести",

о: О/ма́р имя, жәо́ҧуоныҵәа "пятнадцать раз", дак/цо́ў "когда он шел"

е: е/цы́ "вчера" а́/гьсҳьса "круглый", е/ҧа́з/нах "сразу"

ы: а/хы́ш/за "шапка", а/ны/ҵы́ "рука", а/ды́р/ҵа "знак".

В различных дифтонгах и трифтонгах, образующихся различными комбинациями гласных а, ы, о, е с сонантами й, ў, слогообразующим ядром всегда является, один из гласных а,ы,о,е:

ай:ай/да́/рый "груз", ай/ха́ "железо" аҳа/ҳа́й междометие

йа:а/йа́р/ҵа "постель", йа-ра "он", йа/за́ "больше"

йы:а/ҷы́ш "потомок", аб/жы́й "укус", ды/гы́ҵт "он его взял"

аў:аў/ра "рост", аў/ра́ "урожай", ҳаўҵ "мы есть"

ўа:ўа/ра́ "ты", ўа/ха́ "сегодня ночью", а/ўа/са́ "овца"

ўа:ўа/ра́ "мой рост", а/дәҳ/ха́ "дух", Ҵпоҷ назв.села

аў:аў/ра́ "этот", и/хы́ш/хы́йт "он то снимает сверху"

йы:йы́ш/ца " его огонь (ср. сы́ш/ца "мой огонь"

ыў:а/ды́ў "большой", и/ны́ў/хыйт "ты потратил то"

ҷы:а/ҷы́ҵ/ра "город", а/ҷы́с "дело", "великан"

йы:ды́й/ҵәйт "он ему его отдал", йы́й/ҳәа "то, что он сказал йы́й/баз "то, что он увидел"

йы:йы́/гы́йт "ты то взял", йы́ҳ/ҳа́ы́ҵт "ты, то сказал", йы́й/баз "ты то увидел"

ўы:и/ўы́ў//ра "быть", ўы́ў/ўы́ў междометие

ўы:ўы́ "тот", и/ўы́й/ҵәа́ҵт "он тебе отдал то", и/ўы́йт "он разрешил"

ўа:ўа/йа́ "он идет туда", йа/ха/ўы́й междометие

ўа:ўа/сы́ "припев", ҷҳы/ўсы́т (диалектн.) "плачет он, она"

йы:йы́/ҳәйт "он ему сказал то", йы́й/ма/а "его обувь и т.д.

Значительной сложностью и потому до конца еще невыясненным характеризуется слогообразование посредством безударного так называемого "беглого" или "иррационального" гласного ы, а также посредством сонантов й, ў.

Слоговой ы (безударный).

Начиная еще с П.К.Услара, в литературе было много различных суждений о природе гласного ы ударного и безударного в абхазском языке. Эти суждения касаются отдельных различных характеристик ы: артикуляционно-акустических свойств; происхождения из гласного а (которого придерживались Г.Борк[II], А.Шифнер[I2], его употребления для разделения комплексов согласных (Г.Борк[I3], П.Услар[I4], В.Аллен[I5]), разграничения ударного и безударного ы в отношении его фонематичности (В.Аллен[I6], Г.Дюмезиль[I7], частично и А.Генко[I8]) ы как "слоговой признак согласного" (А.Генко[I9]), ы как слогообразующий и носитель ударения (рядом с и, у) (Д.Гулиа[20]).

Проанализировав имеющиеся мнения, К.Ломтатидзе заключает, что хотя большей частью очевидно происхождение гласного ы из а, и отчасти его можно рассматривать и как разделитель согласных (особенно в заимствованных словах), но ы в целом ряде случаев выражает различные функции: противоположные направления в основах - превербах (атаҷара - аты́ҷра), различает обстоятельственные наречия от абсолютных форм (ибзиан -ибзианы), обозначает объект косвенного отношения (длыстоит), является частью косвенного аффикса в ряде глаголов (ы-ма "иметь"), в тап.диалекте выражает каузатив (рҳара-рыҳара) и поэтому " для современной

II Bork F. Zur Lautlehre des Abchasischen Beiträge zur Sprachwissenschaft. Königsberg, I909, с.3.

I2 Schiefner A. Ausführlicher Bericht über das Verdienste Baron Peter von Uslars Abchasische Studien Von A. Schiefner St. - Petersburg. I863, с.VI.

I3 Bork F. указ. раб., с.3-4.

I4 Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. I, Абхазский язык. Тифлис, I887, с.8.

I5 Allen W.S Structure and System in the Abasa Verbal Complex. Transactions of the Phil. Soc. Hertford. I956, с.I7I.

I6 Там же, с.3.

I7 Dumezil G. Documents Anatoliens sur les Langues et les Traditions du Caucase V Etudes Abkhaz. Paris I967, с.I0.

I8 Генко А.Н. Абазинский язык. М., I955, с.29-30.

I9 Там же, с.30

20 Гулиа Д. Грамматические очерки абхазского языка. Сухуми, I935, с.7.

абхазско-абазинской системы ы - основная гласная фонема и его исключение из вокальной системы было бы неоправдано"[2I].

Нам представляется, что для определения лингвистического статуса гласного ы в синхронном аспекте, правомернее придерживаться мнения тех специалистов, которые считают ы фонемой в ударной позиции. В пользу этого говорит и то обстоятельство, что за исключением одного случая, когда безударный ы отличает абсолютив от обстоятельственного наречия, во всех остальных перечисленных выше функциях ы является ударным. И неустойчивостью, факультативностью, беглостью, иррациональностью характеризуется только безударный, но не ударный ы. И можно полагать, что это происходит потому, что безударный ы в современном абхазском языке является большей частью не единицей языка, а речи, не носителем смыслоразличительной функции, а слогообразующей огласовкой.

В связи с исследованием процесса аблаута гласных а/ы/о (нуль звука) в ударной и безударной позициях мы указывали, что "сильной было и остается положение гласной а под ударением, в этой позиции она или не изменилась вовсе, или, перейдя в гласную ы, сохранила свою фонологическую значимость и в этом варианте. В определенную эпоху шаткой стала, видимо, позиция безударной гласной а, она во многих случаях или полностью выпала... или, перейдя в гласную ы, стала еще более шаткой в употреблении, ее наличие стало зависеть в основном от способов слогообразования"[22]. Таким образом, в абхазском наличен гласный ы, который получен: от ударного гласного а; в редких случаях от безударного а; безударный ы, который появляется в основном для образования слога[23].

Более детально проанализировав особенности абхазского слогообразования, повторяя ранее сказанное о слогообразующем безударном ы, мы уточняем, что в любой словоформе при линейном стечении в одном слоге более 2-х согласных (3-х и более) между первым и вторым согласным от начала слова появляется обычно гласный ы, на наш взгляд, для удобства артикуляции и слышимости всех входящих в

2I ლომთათიძე ქ. აფხაზური და აბაზური ენების ფონეტიკის ისტორიულ შეფარდებითი ანალიზი. თბილისი, I977, გვ.33-45.

22 Аршба Н.В. О гласной фонеме ы в абхазском языке. Известия Абхазского ИЯЛИ им.Д.Гулиа АН ГССР, т.У, Тбилиси, I976, с.62.

23 Аршба Н.В. Динамическое ударение и редукция гласных в абхазском языке. Тбилиси, I979, с.98

состав слога согласных: абжьы́ "голос", делится на слоги: аб/жьы́, но сбжьы "мой голос" уже не может оставаться односложным, так как, на наш взгляд, произношение в одном слоге, одним произносительным толчком 3-х согласных подряд хотя и возможно в принципе, но артикуляционно неудобно и, что очень важно, при этом почти не слышно первого согласного с: сбжьы́ и поэтому, нам кажется, именно после него становится слогообразующий ы в данной словоформе: сы́б/жьы́ ; бы́жьы/бу́ай "одни голоса" - и здесь при стечении 3-х согласных б, жь, бу, слогообразующий ы становится между б и жь, опять между первым и вторым согласным в трехчленной цепи согласных: бы́жьы/бу́ай бы́жь/за́ам "не есть голос". И видимо, так необходима огласовка в трехчленной цепи согласных, что это правило распространяется и на сочетания слов: бы́жь зы́дак "особый голос" - произносится одним ударением, слитно и в цепи согласных б, жь, ҷ между б и жь необходим ы, так же и в бы́жь ҟабаа́к "какой-то глухой (букв.гнилой) голос", бы́жь гуа́бак "какой-то громкий голос"; но между б и жь нет ы, если в одном слоге не оказывается три согласных: бжьы́ хаак "какой-то приятный голос", бжьы́ цыак "какой-то чистый голос", бжьы́ мазак "какой-то тайный голос" и т.д.

Таков обычный общий процесс слогообразования при помощи так называемого "беглого", "иррационального", "факультативного" ы, который точнее было бы назвать слогообразующим. Таким образом, выходит, что для абхазской словоформы, характеризующейся линейным стечением многих согласных, артикуляционно наиболее удобным и слышимым для каждого согласного является такое распределение их, когда в одном слоге (или части слога, если это полностью закрытый) окажется не больше двух согласных ССГ, ГСС, СГСС, ССГС, ССГСС. Но выше при перечислении типов слогов мы указывали, что для абхазского языка характерны, правда в ограниченном количестве, и трех-, и даже четырехсогласные слоги: ҟэтҟҳаҟ "какая-то туча", ҟэмлҷк "какой-то песок", дамхэит "я его от него отнял" и т.д. Но и там мы отметили, что таких примеров очень мало, и те всегда имеют двухсложные варианты: ҟыс/ҟҳаак, да́/мыхэит или да́/мыс/хы́ит и все они характеризуются таким составом согласных, которые, видимо, наиболее удобно сочетаемы.

Кроме того, следует отметить, что указанный слогообразующий ы наличен иногда не только в комплексе трех согласных, но и двух. Так, например, имеются варианты произношения с ы и без ы многих двухсогласных основ: а́мш//а́/мыш, "день", а́ҳы//а́/ҳы "ночь", абз//а́/быз "язык", амц//а́/мыц "ложь" и т.д. Варианты с сохранением ы, как и вообще другие полногласные формы, как известно, больше сохранены в абжуйском, чем в бзыбском диалекте.

Безусловно, указанный процесс слогообразования с помощью вставки ы в комплексе трех согласных одинаково для всех (начальных и конечных) позиций слов окончательно еще не установился в языке. Кроме комплексов трех согласных в одном слоге, как указано в литературе, наличие безударного ы обусловлено морфологической функцией - различением абсолютивных форм от обстоятельственных наречий: абзиан-абзианы , наличием второстепенного ударения -а́р-ҷы́ла "курица", качествами сочетающихся согласных: а/быз/шэ́ "язык" есть ы, но а́ҧс/шэ "абх.язык" нет ы (хотя количество согласных у них адинаково).

Следует отметить, что из-за зависимости наличия безударного гласного ы от столь сложного явления, каким является слогообразование, он не получил в абхазской орфографии унифицированного отражения.

Между тем наличие или отсутствие слогообразующего ы прослеживается отчетливо и слуховым анализом, но более достоверно подтверждается экспериментально — сравнением огласовок личных префиксов. Как отмечено К.Ломтатидзе[24], если рядом с показателем других лиц субъекта стоит гласный ы, то рядом с показателем I лица множественного числа всегда стоит а и наоборот: если в первом случае нет ы, то и во втором случае нет а. Эта закономерность в абхазском языке не знает исключений. Но так как нам необходимо доказать наличие ы, мы будем исходить из обратного: если рядом с показателем I лица множ.числа ҳ - стоит а, то рядом с показателями других лиц, в том числе и П лица един.числа класса муж. ҧ и Ш лица един.числа й - будет стоять ы:

Рядом с ҳ есть а:		рядом с друг.показ.есть ы:	
ҳаб/жьы́	"наш голос"	сы́б/жьы́	"мой голос"
		бы́б/жьы́	"твой ж.голос"
		ҧы́б/жьы́	"твой м.голос"
		йы́б/жьы́	"его с.голос"
ҳаҵэи/ҧэ́ит	"мы смотрим"	сы́ҵэи/ҧэ́ит	"я смотрю"
		бы́ҵэи/ҧэ́ит	"ты ж.смотришь"
		ҧы́ҵэи/ҧэ́ит	"ты м.смотришь"
		йы́ҵэи/ҧэ́ит	"он кл.в. смотрит"

24 ლომთათიძე ქ. ძირითად დროთა წარმოებისათვის აფხაზურში. ენიმკის მოამბე, თბილისი, 1938, №II გვ.193.

хаа/ныс "наш дом"

сыа/ныс "мой дом"
быа/ныс "твой ж. дом"
ҳыа/ныс "твой м. дом"
йыа/ныс "его м.дом"...,

но если рядом с ҳ - нет а, то и рядом с друг.показ. нет ы:

хцейит "мы пошли"

сцейит "я пошел"
бцеит "ты пошла"
у/цейит "ты пошел"
и/цейит "он кл.е пошел"

хнаныс "наша рука"

снаныс "моя рука"
бнаныс "твоя рука ж."
у/наныс "твоя рука м."
и/наныс "его рука м."

Этим способом можно проверить и инфиксные позиции глагольных форм:

йах/ха/р/шеит "мы то скинули с"йах/са/р/шеит

йах/уа/р/шеит "я то скинула"
йах/уа/р/шеит "ты то скинул"
йах/йа/р/шеит "он то скинул"

ма/за/ха/р/шейит "мы то прикрыли" йа/за/са/р/шейит "я то..."
йа/за/уа/р/шейит "ты то..."
йа/за/йа/р/шейит "он то..."

и т.д.

К сожалению, согласные - не аффиксы нельзя проверить этим экспериментом, но по аналогии с проверяемыми согласными аффиксами и слуховым анализом можно достоверно определить наличие ы в слоге с тремя согласными и его отсутствие в слоге, где два или меньше согласных: ыкна "днем", но аыкы " в тот день", зыы "тысяча", но зызы маанз "тысяча рублей и т.д.

Слоговые сонанты и, у

Как известно, в современной абхазской графике и орфографии и согласные и гласные сонанты и, у передаются через гласные буквы и, у. Между тем, по общему мнению всех специалистов, именно неслоговые, или как их обычно называют полугласные или дифтонговые й, у имеют большее распространение в языке, чем слоговые их варианты и, у.

Исторически из многих сменившихся алфавитов й был отражен в алфавите П.Услара, хотя и несистемно, он использовался и в его грамматике[24]. И согласные, и гласные варианты и, у были

24 Услар П.К. Указ. работа.

даны в аналитическом алфавите Н.Марра (1926г.) и были им употреблены в "Абхазско-русском словаре"[25], где они отражены как полугласные, в основном в соседстве с гласными.

В связи с правилами написания и, у их гласные и полугласные позиции были разграничены в "Краткой абхазской орфографии" Л.Гулиа[26]. Суммарно они сводятся к следующему.

По автору, и, у являются слоговыми гласными:

1) в начале слова перед согласными: ӷ-бра-ка "там", ӷ-ба ма? "ты увидела то?"

2) в середине слова между согласными: ешь-ныит "они разошлись" шьз-тӡыг "он есть цветок"

3) когда и,у стоят вместе и оба безударные, первый больше тяготеет к гласному: ицгама? ? "ты взял его?"

4) в указательных местоимениях аны "тот" абы "этот" и считается гласным.

5) в заимствованных словах.

И, у являются полугласными:

1) когда на и,у падает ударение, то " для поднятия голоса надо вставить ы": ӷыйказ "ты(м.) оставайся, йыказ "пусть то остается"...

2) когда и,у стоят рядом с а, о, е, независимо от ударности и безударности последних: уара "ты", йара "он"...

3) и у в конце глаголов: спыруейт "я летаю", сбылуейт "я горю".

Следует подчеркнуть, что в этой работе была высказана и мысль о том, что в словах типа прыдыркыит "они то приняли" безударный ы употребляется для слога (с.7).

Об абазинских и,у А.Генко пишет, что они "сохраняют свой вполне согласный характер лишь в слогах с гласными а", а "при сочетании с гласным ы в одном слоге имеют тенденцию переходить на положение гласного"[27].

Тщательное описание полугласных, гласных, дифтонгических, долгих сонантов и, у в исконной и заимствованной лексике с учетом всех особенностей абхазских и абазинских диалектов имеется в работе К.Ломтатидзе "Историко-сравнительный анализ абхазского и абазинского языков" (с.53-64). Из них в данном случае мы приводим

25 Марр Н.Я. Абхазско-русский словарь. Л., 1926.
26 Гулиа Д. Указ.раб., с.7.
27 Генко А.Н. Указ.раб., с.34-35.

высказывания об абхазских неслоговых и слоговых и,у. Автор отмечает, что "по общему правилу скопления согласных полугласные и, у могут встречаться в непосредственном контакте с согласными (йпа "его сын", йчы "его лошадь" (с.53) ўней! "пойди", "что более характерно для тапантского", "но они по существу распространены в дифтонгах и трифтонгах" (с.53,61). О гласных же и,у ("тем более длинных", в терминологии автора) отмечается, что они в абхазском и абазинском позиционного происхождения, " основой для гласных и, у служит в основном соединение в один слог й, ў полугласные и иррациональный гласный ы, и что "их немонофтонгическое происхождение более заметнее при ударной позиции ы: йы́кхўт "он есть", ўўомаўт "ты имеешь его" (с.54,61)[28].

В связи с разработкой правил правописания сонантов и, у, исследовав все позиции их употребления, мы пришли к выводу, что и, у в абхазском языке являются слоговыми только в единственной позиции — в анлауте, когда и,у — безударные префиксы, не присоединяясь к начальному слогу слова, только сами образуют полностью открытый слог[29]:

у/гэ́	"твой сын"	и/гэ́	"его сын"
у/маба́	"твоя палка"	и/маба́	"его палка"
у/зы́мцейт	"ты не смог пойти"	и/зы́мцеит	"он не смог пойти"
у/йаҧэахэа	"поговори с ним"	и/ўас/хеит	"то я тебе сказал"

и т.д.

Во всех остальных случаях в принципе и,у - неслоговые:

1) в анлаутной, но ударной позиции:

ўы/гейт	"ты пригнул"	йы́/гейт	"он пригнул"
ўы́/мацара	"ты только"	йы́/мацара	"он один"
ўы́/мацэа	"твоя одежда"	йы/мацэа	"его одежда"

2) в анлаутной безударной, но в одном слоге с любыми согласными или гласными:

ўыз/хэ́	"твоя дочь м."	йыз/хэ́	"его дочь"
ўым/цейт	"ты не пошел"	йым/цейт	"он не пошел"
ўым/бе́йт	"она тебя увидела"	йым/бе́йт	"она увидела то"
уа́/ҧахейт	"ты проиграл	йа́/ҧахейт	"он проиграл"

3) в том числе и, у в одном слоге друг с другом:

ўыей	"тот"	йыў/хэ́йт	"ты то сказал"
ўый/бе́йт	"он тебя увидел"	йыў/бе́йт	"ты то увидел"

28 ტმთთთთმმ ქ. ეძვ, გვ. 53-54.

29 Ярыш-ызба Н.В. Абжьыкя ы аҳынтаҳкара. Жур."Алашара", Сухуми, 1976, №8, с.67-80.

йыў/хаҧцэит "Он тебя" забыл" йыў/хаҧцэит "ты то забыл"

4) и в инлауте и в ауслауте и,у в принципе уже не могут быть слоговыми, так как в этих условиях, не входя в состав слога с другими фонемами, или не находясь в ударном слоге, носителем которого они не могут быть, и,у не могут образовать полностью открытый слог:

дней/ўейт	"он идет туда"
йыпы/гыўў/хыйт	"ты то поднял"
йыпы/гыў/хыйт	"он то поднял"
у/кыў/кыпы/ўейт	"ты себя пачкаешь"
и/кыў/кыпы/ўейт	"он себя пачкает"
а/шэў/ра	"жара"
аб/хэ́ей	"уксус"
а/ҧа/ўы́	"великан"

аб/рый/ > аб/рйй/ > аб/ры́ "этот" и т.д.

Таким образом, абхазские и,у не могут быть носителями ударения ни в какой позиции, а значит, и нет слоговых ударных и,у. Выясняется также, что и, у не могут быть слоговыми в сочетании с любым гласным или согласным в одном слоге.

Только префиксальные и, у могут образовать слог и то только полностью открытый (Г), что бывает только в анлауте абхазских слов.

Разница между неслоговыми и слоговыми и, у заметна и артикуляционно-акустически, при произношении первых примешивается и артикуляция ларингса, что ощущается и слуховым анализом при внимательном наблюдении. Но более надежным средством их различения является наличие в первом случае и отсутствие во втором случае рядом с ними в одном слоге гласного ы, который является или носителем ударения, или слогообразующим данного сегмента. Но из-за неопределенности самого гласного ы, и из-за того весьма существенного, на наш взгляд, обстоятельства, что каждый согласный (и абхазские сонанты и, у в том числе), при отдельном произношении (вне слова) обязательно сопровождается как бы огласовкой ы, так как без этого их не будет слышно): бы, вы, лы, ны, уы... и выявить на слух этот ы в слове, в котором уже этот ы сопровождает не каждый согласный (или сонант), а определенный согласный (или сонант) в определенном слоге, бывает весьма затруднительно.

Но и в данном случае доказать наличие ударениеносителя или слогообразующего ы рядом с неслоговым и-у - префиксами и с-й-,у- инфиксами и отсутствие ы рядом со слоговыми и; у - префиксами (как было видно, слоговых и, у инфиксов и тем более суффиксов не бывает) помогает вышеуказанная закономерность с

подстановкой показателя I лица множ. числа *ҳ* (а). I) Если рядом с *ҳ* - есть а, то и рядом с другими личными префиксами, а значит и рядом с *и*, *у* есть *ы* и они неслоговые:

ҳа́/гэйт	"мы пригаем"	сы́/гэйт	"я пригаю"
		уы́/гэйт	"ты пригаешь"
		лы́/гэйт	"он (кл.в) прыгает"
		шэы/гэйт	"вы прыгаете" и т.д.
ҳа́/ма/да́/ра	"мы одни"	сы́/ма/да́/ра	я одна
		уы́/ма/да́/ра	ты один
		лы́/ма/да́/ра	он один
йах/ҳа́/р/мэ́йт	"скинули мы то"	йах/сыр-мэ́йт	"скинул я то"
		йах/уы́р/мэйт	"скинул ты то"
		йах/лы́р/мэйт	"скинул он то"...

2) Если же рядом с *ҳ* нет а, то и рядом с другими показателями, а значит и-, у- нет ы, и они слоговые:

ҳдэ́ит	"мы идем"	сдэйт	"я иду"
		у/дэйт	"ты идешь"
		и/дэйт	"он /кл.в./ идет"
ҳна/ғы́	"наша рука"	сна/ғы́	"моя рука"
		уна/ғы	"твоя рука"
		и/на/ғы́	"его рука"
ҳна́р/гейт	"нас привели туда"	снар/гейт	"меня привели туда"
		унар/гейт	"тебя привели туда"
		и/нар/гейт	"его привели (кл.в)туда"...

К сожалению, таким путем невозможно проверить корневые и суффиксальные и, у, но этот эксперимент, на наш взгляд, позволяет безошибочно определить самые основные и спорные моменты, на основе и по аналогии которых уже легче решить и другие позиции и, у.

Такими узловыми моментами нам кажутся доказательство неспособности и, у носить ударение, неспособности их в сочетании с любым согласным и сонантом (с гласным ни у кого не вызывает сомнение) образовать слог, их гласности только в полностью открытом слоге (что бывает только в анлауте).

Такое же наличие слогообразующего безударного гласного ы рядом с неслоговыми и,у в одном слоге, какое наблюдается и

рядом с комплексом согласных в одном слоге, наталкивает на мысль о том, что сонанты и, у, по крайней мере для современного состояния абхазского языка, являются не дифтонгическими йы, ый, ўы, ыў образованиями, как это принято в литературе, а неслоговыми согласными монофтонгами, при реализации которых в словах в определенных позициях рядом с ними оказывается слогообразующий ы. Именно поэтому этот ы становится то после й, ў, то перед й, ў, точно так же, как и перед или после любого согласного:

йыд/бейт	"ты увидел то"	и/ўыт/бейт	"ты не увидел то"
йоз/бейт	"я увидел то"	и/сыт/бейт	"я не увидел то"
йор/бейт	"они увидели то"	и/рыт/бейт	"они не увидели то"
ер йах/бейт	"мы увидели то"	и/ҳэт/бейт	"мы не увидели то"

Таковы, на наш взгляд, основные принципы, лежащие в основу деления абхазских сонантов и, у на слоговые и неслоговые (а значит, гласные и согласные) варианты.

Здесь мы не касаемся редких случаев образования позиционных слоговых и, у (особенно и) в середине, и в основном в конце слова, в благоприятных для этого окружениях.

Следует отметить, что абхазские сонорные р, л, м, н ни в какой позиции не могут образовать слог, что доказывается наличием ы в одном с ними слоге:

йыл-бэит "она видит", йыт-сыр-бэит "я ей показываю" и/ы́р/гэйт "ей дали то", и/ы́/ры́т/гэйт "ей не дали то", амаа/а́/мы́ "день", мы́т/кы́ "один день", мы́т/ла́ "днем"; зы́ "однажды", но ср. зы/зан/ка "иногда" и т.д.

В связи со слогообразующей функцией ы хочется привести высказывание Л.Э.Калнынь и Л.И.Масленниковой: "Различие между слогообразованием и слогоделением имеет общелингвистическое значение. Инвентарь звуков, способных быть слоговыми вершинами, в языке унифицирован - это гласные и сонорные согласные. Некоторые лингвисты считают, что слогоносителем может быть и шумный согласный, в том числе глухой. Эту идею критикует Б.Гала, утверждая, что во всех тех случаях, когда в качестве слогоносителя предполагается шумный согласный, в действительности ядром слога является образующийся после согласного звук типа ə [30].

---

30 Калнынь Л.Э., Масленникова Л.И. Опыт изучение слога в славянских диалектах, М., 1985, с.4-5.

Безусловно, слогообразовательная функция беглого ы в абхазском - вторичное явление, следствие скопления слишком большого числа согласных, вызванного, как известно, интенсивной редукцией безударных гласных, которая в дописьменном абхазском языке зашла слишком далеко. Как мы указывали раньше, с точки зрения известного мнения о наличии исторически огласовки после каждого согласного, следует считать, что во всех случаях, где ы употреблен для образования слога, восстанавливается огласовка, но с точки зрения синхронии в каждой позиции следует уточнять, вариантом какого звука - нуля звука, ы или а является возникающий слогообразующий ы. Например, в зны/зеныы "иногда" ы слогообразующий восходит к нулю звука, ср. зны "однажды", но зны, в свою очередь, восходит к форме заны, которая сохранена в абазинском языке, т.е. в конечном итоге слогообразующий ы в слоге -зеныы восходит к а безударному.

В.Х.КОНДЖАРИЯ

О ЗНАЧЕНИИ ГАЗЕТ "АПСНЫ" И "АПСНЫ КАПШ" В РАЗВИТИИ АБХАЗСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Великая Октябрьская социалистическая революция, ознаменовавшая коренной поворот в жизни всех народов Советского Союза, наряду с многочисленными преобразованиями в политике и экономике, осуществила небывалую по своему размаху и глубине культурную революцию. Неуклонное проведение в жизнь национальной политики Коммунистической партии в корне изменило и преобразило лицо Абхазии. После победы Октября здесь стали открываться школы, ликбезы, на абхазском языке стали печататься книги и периодическая печать. Уже 6 февраля 1919 года в Сухуми начала выходить на абхазском языке газета "Апсны", явившаяся значительным событием в культурной жизни абхазского народа. Вот как характеризует выход этой газеты ее редактор народный поэт Абхазии Д.И.Гулиа: "Сегодняшний день 27 февраля, для нас, абхазцев весьма знаменательный день. Он выше всех праздничных дней: сегодня вышла в свет первая газета на абхазском языке под названием " Апсны". Абхазцы говорят: " День прибавился на один прыжок оленя". Так и мы сегодня продвинулись вперед на один олений прыжок. Надеюсь, мы уже не пропадем, если в должной мере используем это новое приобретение"[1]. Выходила она в течение 1919-1920 гг. и официально была разрешена как издание литературного характера, которая должна была объединить молодых абхазских писателей, печатать их произведения и статьи селькоров[2].

Однако газета вскоре вышла за рамки узко-литературного издания и стала общественно-политической: на своих страницах стала печатать и различные информационные материалы, пропагандировать большевистские идеи[3].

Как единственный общественный печатный орган на абхазском языке, на страницах " Апсны" многогранно освещалась жизнь абхазского народа. Многие изменения в экономике, политике и культурной жизни абхазского народа начали получать отражение на ее страницах. Состояние школьного дела, политическая жизнь как Абхазии, так и всей страны, задачи большевистской партии в области социально-культурного развития не выходили из поля зрения газеты. В ней активно сотрудничали такие представители прогрессивной абхазской

---

1 Газ. "Апсны", 27.П.1919г.
2 Очерки истории абхазской литературы. Сухуми, 1974, с.21.
3 Очерки истории Абхазской АССР, часть I, Сухуми, 1964, с.27.

национальной интеллигенции, как Д.Гулиа, С.Чанба, Д.Алания; молодые литераторы - И.Когония, М.Лакоба, М.Хашба, Д.Дарсалия. На ее страницах публиковались статьи первых начинающих селькоров[4]. Здесь же печатались и некоторые литературно-художественные произведения названных авторов ("Под чужим небом" - Д.И.Гулиа, "Амхаджир" - С.Я.Чанба и др.).

С первого номера этой газеты все они начали пропагандировать не только большевистские идеи, но и расширять функционально-стилистическую сферу употребления абхазского языка.

Как известно, одной из главных функций газеты является ее информационная и пропагандистско-агитационная. Язык газеты в отличие от языка художественной и другой литературы имеет всегда свою специфику, свою особенность. Она определяется назначением, сущностью, принципами и функцией печати, неоднородностью ее задач. С первого номера этой газеты представители абхазской прогрессивной интеллигенции начали пропагандировать не только большевистские идеи, но и расширять функционально-стилистическую сферу употребления языка.

Газета, как в целом периодическая печать, играет огромную роль в укреплении норм любого литературно-письменного языка и формирование его лексических и стилистических систем. На газетных полосах, например, где более или менее полно представлена вся массовая политико-агитационная и информативно-пропагандистская литература с множеством специфически газетных и других жанров; широко представлена также и соответствующая лексико-фразеологическая, грамматическая и функционально-стилистическая система данного конкретного языка.

Подробно характеризуя общественно-политическое значение газеты "Апсны", ее тематику и роль в развитии абхазской литературы и языка, Г.А.Дзидзария пишет: "Газета "Апсны" способствовала развитию абхазской литературы, основной темой которой на данном этапе была судьба народа. Она послужила толчком и к развитию абхазского литературного языка[5].

Изменения лексической системы абхазского языка данного периода в наибольшей степени проявляются в языке этой газеты; соответственно начинает складываться и формироваться новая терминология, новые слова и словосочетания, в целом - обогащаться словарный состав языка путем использования в первую очередь своих внутренних ресурсов, а затем и заимствования.

---

4 Дзидзария Г.А. Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции. Сухуми, 1979, с.321.

5 Там же, с.318.

Несмотря на ограниченные возможности, сотрудники и корреспонденты данной газеты сыграли значительную роль в развитии не только литературного языка, но прежде всего публицистического стиля, который со своей стороны также способствовал обогащению лексического состава абхазского языка, его общественно-политической и учебно-педагогической терминологии.

Сугубо политические статьи С.Я.Чанба и Д.И.Алания, яркоэмоциональные статьи и художественные произведения Д.И.Гулиа, его же и многих абхазских начинающих писателей (М.Хашба, Д.Дарсалия и др.) переводы и оригинальные произведения молодой абхазской литературы обогащали абхазский письменный язык новыми, до сих пор неизвестными или малоизвестными словами и терминами.

Коренные абхазские слова, охватывающие все стороны общественной жизни абхазского народа, составляют основное ядро словарного состава языка публицистики. Абхазскими авторами в тот период через газеты в литературный язык были введены такие термины и словосочетания, которые до этого не были известны в народно-разговорном языке с такой семантикой, например: "ойра-блахтра ауыз" "культурно-просветительная группа" (1919, № 2). алаантэи ауатэараазра (1920, март 30) "Путевые заметки", ахэара-ахэара ашкал (1920, № 16),,сельскохозяйственная школа" и т.д.

Некоторые термины снабжались необходимыми толкованиями или имели рядом синонимические ряды, а иногда и русский перевод в скобках, например: Лбамыра-дуу (ахэынтэарраазра лбамыра) "всемирная (букв. большая, государственная война" (1920, № 14). Амазара (ауастэара) " плотничество" (1920, № 16). Аэшрыпэа (рынок) "рынок" (1920, № 14). Абуржуазиа (акыр зныз ауаа) "буржуазия".

Через периодическую печать получают распространение и демократизацию такие слова и словосочетания, как: аиааныхтра "революция", анэгыла "союз", акыпхэ "печать", акыпхэ аархара "поставить печать, печатать, ахэшьааркыра "маяк", ауахуамадуу "собор", акыныхтэазсара "жеребьевка", ашхарцаа рыцкол "горская школа", адыхэба аиба "железная дорога", аусуцэа "рабочие", абаць "пошлина", ауаалхцэа ркомиссиа "избирательная комиссия" и т.д.

Благодаря уместному их использованию многие из этих терминов в дальнейшем получили семантический сдвиг, переосмысление.

Большой процент калькированных терминов, интернациональных и заимствованных слов из русского языка можно найти на страницах этой газеты, главным образом, в статьях, посвященных общественно-

политической и культурно-просветительной жизни. Так, на страницах газеты мы встречаем такие калькированные словосочетания, как: ауҳынчыл статиа "передовая статья", ахаҳеиҭа газ "удушающий газ", аиҳабыжьтә иҟаҵараҿы "дорожные заметки" и т.д.; многочисленные заимствования как: абольшевик, аменьшевик, асоюзник, аредактор, ахроника, аотделение, аконтора, аземства, акорреспонденциа, аначальник, ауезд, аинспектор, азауад, астанциа, аинрал, асоветник, адемонстрация, асубботник, аисториа, ареволюциа, апочта, аптека и т.д.

Многие из этих терминов прочно вошли в словарный фонд абхазского литературного языка, а некоторые заменились впоследствии абхазскими эквивалентами: „аотделение"- акуыи, „аконтора"- аус-хәарҭа, „асубботник"- асабшапи и т.д.

Русские заимствования охватывают в основном категорию существительных. Однако изредка среди них встречаются словосочетания, состоящие из прилагательных и существительных: ауездни начальник- "уездный начальник"; аелектрическаиа станциа " электрическая станция" и т.д.

Такие сочетания, разумеется, единичны, и они долго не удержались.

Иногда для облегчения понимания заимствованного слова авторы статей в скобках давали их соответствия на абхазском языке. ауҵастка (анхарҭа) "участок" (1920, № 26); соиуз (аиҵгыл "союз" (1920, № 3); ауаҳамадӡ (собор) "собор" (1920, № 3); апошлина (абаҩы) "пошлина"; абуржуазиа (акыр зкыз аҳаа) "буржуазия"; акапиталист (абиҭаҩ) "капиталист " и т.д.

Газета сыграла значительную роль в развитии стилистической системы абхазского языка. Благодаря ей зародился не только публицистический стиль, но появились также зачатки общественно-политического и официально-делового стилей.

Именно газете "Апсны" обязаны своим появлением некоторые термины, носящие окраску газетно-публицистического стиля и синтаксические конструкции, получившие в дальнейшем активный характер в абхазском языке.

Стилеобразующим фактором, придающим особенность газетному языку, служат и заглавия газетных статей, заметок, других материалов, разнообразных по содержанию.

Заглавия газетных статей или информаций, обычно призванные дать читателю общую ориентацию, кратко, сжато передают содержание материалов, помогают читателю выбрать ту или иную статью в силу

тесной связи их с содержанием самой информации.

Как известно, заглавие любого произведения обычно находится в структурной взаимосвязи с содержанием вообще всего произведения. В художественном жанре, например, заглавие органически "входит в художественную структуру произведения[6]. Заглавие связано обычно с текстом эмоционально и идейно-тематически, при этом оно может быть чисто символическим и связанным с ним не непосредственно, а ассоциативно.

В публицистической литературе, в частности - газетной, заглавия статей, заметок, как отмечено, обычно призваны возбуждать любопытство, интерес у читателей. На страницах газеты "Апсны", например, встречаются такие заглавия: "Ҧаҳазаԥыжьуеи ҳаҳуа газеҭ" " Каково положение нашей абхазской газеты?" Ҟабацеи, ԥицаа, ҳамлакуеиҳа? "Куда же делись наши писатели?"; Ибас ҳабанҳаказаашеи? "До каких пор мы будем так?" и т.д.

Под рубрикой „Ҳжәабжьеиҵ" "Новости" объединяются следующие информативного содержания статьи с такими, например, заголовками: Ауаа ҩыџьа рахҵара "Землятресение", Абырҷеиҳа ԥыҳәра "изгнание (переселение) греков, Ҳинрал Мороз ипыҳа "убийство генерала Морозова" и т.д.

На бытовые темы: Ҟудри ауезд акны иҟаиз ажәабжь "Сказ о том, что произошло в Кодорском уезде", азыҳра "воровство", аԥшьыра "голодовка", цыԥхьысаала "удивительное" и т.д.

Заключительные же части статей как бы подводя итог содержанию, заостряют внимание читателя патетическим обращением к нему: Абри ԥеиԥи аԥшьыра аиҳараны иҳадырҳадаӡеи убри азҵаарагы: ари ҳамлакыма, ҳабаадуа ҳазхьаҵаразы ахарҵуп, ԥшьар шьхәҭадуахеит ҳазхьаҵеиуп (1920, № 27) " И по этой причине нам трудно выбиться из темноты, мы должны избавиться от него упорством, трудом, иначе нам впредь будет очень опасно".

"Апсны" иҳаҳхаа, ҳара ахьыпҳәыцтиа, ҳареиҳа ахьыԥхьара иҳазеиԥшыт, иҳаҳхаа ахьыпҳәыцтиа хәҭыла! (1919, № 2) "Читайте "Апсны", она откроет Ваши глаза, мы тоже вам поможем, стремитесь к свету, люди!"

Материалы газеты "Апсны", относящиеся к чисто публицистическому жанру, отличаются от других материалов, помещенных в ней, тем, что нет в них казенных фраз, избитых штампов, трафаретов.

Информационные статьи кратки, сжаты по объему, язык их базируется на народно-разговорной речи. Именно богатый разговорный язык и является важнейшим источником выразительности языка публицистики. Краткие и лаконичные газетные статьи отличаются простотой, непринужденностью, естественностью фразы.

Сибра ақалақь Иркутск абольшевикцэа иргеит (I20, № 8). "Сибирский город Иркутск захватили большевики".

Ататарцэеи аирланцэеи анбашьра еитэалагеит. (I20, № I7) "Татары и армяне вновь начали войну".

Разговорно-бытовой характер носят отдельные предложения:

Ҳаҧхьаҟазы аҟы ҳҳуаҧтэашкуа ҳҭамаҳшэа здахь (I920, № 5) "Мне кажется впредь мы станем ни к чему не пригодными".

Ажэлакуа цқьа еилырганы наныкгеит, ыпара-ыпара еилагашэа иказар калап. (I920, № 23) "Фамилии не совсем четки, видимо, кое-где запутаны".

Дук цара ирацэаны иштахыдзар, лаҧк акухаит акыпхь заахархаша (I920, № 2)"Если не так много вы хотите, то, видимо, нам придется отпечатать мало".

Встречаются также и чисто книжные предложения, являющиеся результатом неудачного, неквалифицированного перевода. Такие предложения, нарушающие естественный порядок расстановки членов предложения в абхазском языке, нередко употреблялись и в других жанрах, особенно в переводной богослужебной литературе. Предложения такого типа, чаще встречающиеся при передаче сложных по своему смыслу сообщениях, очень путаны по структуре:

Ростов иаанхаз Деникин ир иреиуаз 300-қьк рыкара, афицерцэа абольшевикцэа реиҳабыра ирыҧхуланы икны итэаркраз ргу иштаз ирыҧырхын, итэаркит (I920, № 4). "Около 300 офицеров из армии Деникина, которые остались в Ростове, напали на большевиков с целью их ареста, но последние сами арестовали их, уличив их в преступном действии".

Аказакцэа шьтахьла ишцоз, Шэачанза иаанхыаз ихыҧхэын, абольшевикцэа ирыҧуланы, Тҟуапсе ргеит (I920, № I2) "Казаки, которые возвращаясь назад, дошли до Сочи, напали на большевиков и взяли (заняли) Туапсе".

Границы стилевых разновидностей газеты "Апсны" в данном периоде, хотя еще не совсем четко определились, но уже имели определенные параметры. Например, разные разделы ее: передовицы, статьи, посвященные культурной жизни края, информационные, хроникальные, а также литературно-художественные произведения отражают

различные стилевые системы языка. Своеобразие стилевой структуры языка проявляет себя как в области лексики, так и в синтаксисе. К первому относится все разнообразие публицистической терминологии, а ко второму - различного типа построения предложений - простые, сложные, личные, неопределенно-личные и т.п., непосредственно связанные с характером, особенностью передаваемой информации.

Для информационных заметок газеты " Апсны" является преимущественное использование коротких, без каких-либо экспрессивных элементов предложений: Одесса абольшевикцэа иныҧырхит (I920, № 4) "Одессу захватили большевики".

Пурышкевич дыҧсит (I920, № 4) "Пурашкевич скончался".

Абольшевикцэа Киев иазаиҧхеит (I920, № 2I) " Большевики приблизились к Киеву".

В статьях же, выполняющих информативно-воздействующую функцию, иначе говоря, в агитационно-пропагандистских статьях рассказ обычно ведется от I-го лица множественного числа, тем самым выражая единство говорящего с другими лицами, соучастия с ними, например:

Ирласны аус еиҳаҳароуп, иҳамш амагы ҳаҳхароуп (I9I9, № 2) "Мы немедленно должны взяться за это дело, и принять все возможные меры". Аетатлакуа ҳҟьыҳҳароуп "Мы должны печатать статьи". Зегьы азҳк иеизи ҳамҵҟьалароуп "Все мы, как один, должны встать (т.е. взяться за общее дело)".

Как известно, газета является одним из наиболее оперативных средств массовой информации и пропаганды. В ней корреспондент выступает не от имени одного лица, а от имени тысяч единомышленников[6]. В связи с этим одной из характерных особенностей публицистического стиля является своеобразная собирательность, которая находит свое лингвистическое выражение в использовании как I-го, так и 3-го лиц в обобщенном значении, например: Афицарцэа азырҧы мизаны зда Крымка иџеит рҳаит (I920, № I4) "Говорят, что несколько офицеров, испугавшись, перебрались в Крым".

Абасаҧ ҳара аҧсацэа цқьа-цқьа ақнҳақуа рҧы ҳмыкну (I920, № 4) Уажэы хакыска абри аҧ иказҳараны иаҳдоуп (I920, № I0) " В ближайшем будущем обязаны мы сделать вот это".

От I-го лица единственного числа пишут статьи-обращения, в частности информационные заметки Д.И.Гулиа: Сиҳҳаит адырра сыҳҳараз (I920, № 2) "прошу сообщить мне"; Сара абри абас аҧ ишыҟоу "Вот так я понимаю этот вопрос"; а обобщенно-личные предложения, свойственные для народно-разговорной речи, встречаются всюду:

6 Кожина М.Н. Стилистика русского языка. М., I977, с.I80.

«Аҧсны» аиҳамҭа шықоу ҳа аҳәаҳаҷқа уамаҵ (1920, № 2) "Если начнешь рассказывать о состоянии школ в Абхазии...

Ҧшҭиз убызиза ухаритзны тзым бызшәала уҳәаҳәо уамаҵ ... (1920, 7)

"Если позабыв свой родной язык, начнешь говорить на чужом языке"..

Аҟалендар аишьуаи аныҳәаҳәеи уаҳы иаҳбоит (1920, 12)

"Календарь показывает дни и праздники".

В газете немало встречается материалов, относящихся к различным жанрам собственно художественной литературы. На страницах "Апсны" были впервые напечатаны, как уже говорили об этом, непревзойденные по содержанию и форме рассказ Д.И.Гулиа " Под чужим небом", драма С.Я.Чанба "Махаджиры" и множество стихов молодых, начинающих писателей.

Благодаря этим произведениям в письменный язык закрепляются, созданные на народно-разговорной почве, такие термины, как: ахҧҳәа "воспитанник", аҳҟуаҳәа "княгиня", аҳәҳитзҳаҵ "царь", ахшаҳшьы "начальник", "надзиратель", аусзшаас "следователь", абаандаҳы "заключенный", аиаҧҳәа ҧҳәыс "сиделка, служанка" и т.д.

Небольшие очерки, статьи, фельетоны, воззвания и другие подобные вместе взятые жанры, сыграли известную роль в становлении общественно-политического, публицистического, делового и других стилей, хотя они все отразились в данной газете пока еще в зачаточном состоянии.

Газета сыграла значительную роль в нормировании абхазской лексики, орфографии и грамматики. Благодаря ей некоторые слова, которые употреблялись раньше в устной речи нейтрально, позже приобрели определенную стилистическую окраску, например: аиҳҳыма "союз", аиҟыма "соединение", аҳҳаҳша статиа "передовица (передовая статья)" и т.д.

Анализ языка газеты на уровне фонетики показывает, что в составе фонем не отмечается каких-либо отклонений от общих норм абхазского языка исследуемого периода. Что касается правил орфографии, то здесь мы имеем общие для всех жанров разнобои в правописании, так как стабильных орфографических правил к тому периоду абхазский язык еще не имел. А те, которые намечались, основывались в основном на фонетическом и морфологическом принципах, притом с частыми нарушениями.

Разнобой встречается в написании сложных слов. Одни и те же сложные слова могли иметь то слитное, то раздельное и преимущественно дефисное написание: аҵа-мыша (1919, № 8) "пшеничная мука"; Кыриз-ҧзыша (1919, 8) "Грузия"; Ашуак-ажәа (1919, № 10) "страдальческое слово"; убр-ахәы (1919, 12) "Теперь..."; ажә-хьа (1920, № 17) "дойная корова".

Послелоги и некоторые другие, как словообразовательные, так и формообразовательные аффиксы, частицы писались гласным образом через дефис: ахәаан-ахь "к небу", аҳы-ахыы "за водой", абаҳҵа-кныҭә "из сада", аамҭа-зы "для времени", даҵа-зны "иной раз", ҳарбан-ҕуаҳ "кем мы являемся", уҳәыҵ-ҳәаанакәы "кто бы ты ни есть", саҳь-ҧыҳәаит "я и прошу их".

Наблюдаются постоянные колебания в их орфографии, например: заимствованные слова, усвоенные устным путем, как мы знаем, были подвергнуты в абхазском фонетическим и графическим изменениям. Заимствованные же слова, проникавшие в абхазский язык письменным путем менее подвергались этим изменениям, например: азаводҳәа "заводы", азербеджан "азербайджян", аишколаҳәа "школы" и т.д.

Не было единообразия в написании притяжательных аффиксов с определенными словами. Если с коренными абхазскими словами притяжательные (и личные) аффиксы писались преимущественно слитно, то с заимствованными словами за редким исключением они писались также через дефис: р-совет "их совет", а-статиаҳәа "статьи", ҳ-газетҵ "наша газета".

Грамматические формы, встречающиеся в периодической печати и отличающиеся от норм современного абхазского языка весьма незначительны, и считать их свойственными только лишь газетному языку невозможно.

В словообразовании видим активизацию отдельных словообразовательных суффиксов (-ра, -ны); в синтаксисе - простоту и эмоциональность конструкции; обороты, близкие к народно-разговорной речи; инверсивные предложения, получившие распространение, главным образом, под влиянием других языков.

Под влиянием русского в газетном стиле находим также частое употребление вводных слов и словосочетаний такого типа как: аеакама наҳҳәаҳар изҳаҳәаҳаама "другими словами, иначе говоря", " как мы слышим", изҳаҧыҵаҳаама "как сообщают" и т.д.

Газета "Апсны" просуществовала менее двух лет (она была закрыта меньшевистскими властями), но за свою короткую жизнь она смогла заложить зачатки публицистического стиля в абхазском литературно-письменном языке.

Но как бы связующим звеном между дореволюционным и послереволюционным периодами в развитии абхазского литературного языка и некоторых его стилей - общественно-политического, публицистического, официально-делового, учебно-педагогического и др. сыграла газета "Апсны Капшь". Как уже отмечали выше, специфика языка газеты обычно определяется ее информативно-воздействующим характером. Широта и разнообразие материалов, периодичность ее и однодневность срока, ее открытая идеологическая целенаправленность и т.п. требует от газеты ярких выразительных средств, штампованных фраз, стандартных языковых образцов, которые помогают автору статьи или информации бастро, оперативно и достаточно доступно передать читателю содержание сообщаемого материала.

Газета " Апсны капш" ("Красная Абхазия") была первой большевистской газетой на абхазском языке[7]. "Апсны капш" заложила твердую основу массовой национальной прессы, определила стиль печати на базе единых общенародных языковых норм, утвердив их на своих страницах.

С первых же шагов своего появления она стала быстро и непосредственно воспринимать все то новое, что появлялось в языке. Но те, кто стояли у ее истоков, знали, какого труда стоило, каких усилий им это стоило. Работники ее редакции, пока совершенно немногочисленные, молодые писатели и совсем еще неопытные журналисты и все те, кто тесно сгруппировались вокруг своего детища, ревностно и без устали начали выполнять свою трудную задачу. Первый ее редактор общественный деятель и талантливый писатель С.Я.Чанба, его заместитель будущий прекрасный новеллист М.Лакрба, а в дальнейшем и первый журналист и первый непревзойденный редактор, и писатель, и общественный деятель М.Л.Хашба, и уже другая сравнительно многочисленная армия корреспондентов подняли ее уровень до того, что в сравнительно короткий срок стала "отражением текущей истории во всей ее полноте" .

Главные задачи, разрешением которых занималась газета "Апсны капш" - это пропаганда задач, поставленных партией и правительством, пропаганда внедрения передовых опытов труда в сельском хозяйстве и т.п. Она также призвана была просвещать народные массы; популяризировать новую технику, новые научные открытия; информировать

7 "Апсны капш" была газетой обкома партии и ЦИК Абхазии. В первые годы она издавалась как приложение к "Голосу трудовой Абхазии". Ответственным ее редактором был С.Я.Чанба.

о событиях жизни. И несмотря на имеющиеся трудности и недостатки в целом со всеми этими задачами в первую пору " Апсны капш" справлялась сравнительно хорошо, а чем дальше, тем больше и глубже распространяя свои идеи, громче поднимая свой голос.

Но чем же всего этого достигла наша газета? Языком. Его средствами. Его лексикой, на долю которой падает основная стилистическая нагрузка языка.

Подавляющее большинство специальных терминов: общественно-политических, международных, производственно-технических, естественно-научных, которые встречались и встречаются на страницах газеты " Апсны капш" свою демократизацию получили там же, стали достоянием народных масс, и в первую очередь, образованных кругов общества.

Велика заслуга данной газеты в деле обогащения словарного состава абхазского новыми словами и терминами, в деле стабилизации орфографических и грамматических норм, в деле нивелировки диалектных различий, а также развития стиля печати.

Наиболее колоритно, выпукло и экспрессивно язык газеты "Апсны капш" выставляет себя на уровне лексики.

Как известно, словарный состав языка или лексика, обычно чутко и быстро реагирует на все изменения в любой сфере человеческой деятельности и окружающей среде. Значительная часть лексических новообразований, определяющих лицо современного абхазского литературного языка, является следствием развития науки, культуры, техники и других преобразований, происходящих в жизни общества.

В первые годы своего существования (т.е. 20-30-е годы) газета "Апсны капш" на своих страницах, хотя широко использовала лексико-фразеологические богатства общенародного разговорного языка и тем не менее она становится одним из наиболее сильных очагов, вокруг которого концентрируется вся иноязычная лексика. Например, в период коллективизации и индустриализации страны, в период первых пятилеток в лексический фонд абхазского языка через газеты "Апсны капш" вышло множество русских и интернациональных слов (атрудодень, агроном, аколхоз, аиндустриа, алектрофикация) и кальок (*исабша капшь* "красный субботник", *ахуитбуса* "пятилетка", *шьэсара ауеынш* "трудодень" и т.д.).

В 20-е годы на страницах газеты " Апсны капш" широкое распространение стали получать многочисленные новые слова и выражения, образованные морфологическим и синтаксическим способом. В печати из них встречались с русскими эквивалентами-переводами, взятые в скобках:

Лкомдар рмазаны "секретарь комсомола", адгьыл хамазшым "наркомзем", амгкугьхарпза "библиотека", амашына аанкымага "тормоз", амантэара "заседание", ананэкара "руководство, ацэшэаркыра "маяк" и т.д.

Пополнение лексики терминологического характера во многом способствовала созданная в 1925 году по инициативе Н.Я.Марра терминологическая комиссия, которая регулярно стала печатать на страницах " Апсны капш" материалы по различным терминам, начиная с 1927 года. Через газету в литературный язык начинают вливаться такие слова и словосочетания как: ахазыкханы -единоличник, ача цэцпза-булочная, абагуаза -бухта, абзаамша - быт, адура - величина, ацэкора - виноградник, ацэабырра - ведомство, адгьыбду зегьы - всесоюзный, амыанхыцуа - скобка, ацуцуз мпэкэа - гарантия, хэлаар рцуу - гражданин, ахцэахэаа - докладчик, ацаумбаны - дежурный, ауэсура - деятельность, амантэара - заседание, ахьмацумш - заведующий, ахапыцуаны - заместитель, ахантэаны - председатель, ахьчаны - защитник, анпкара - инструкция, апгьыхны - истец, апгьыхра -иск, ахумэцырпза - аптека, ахапэбзашьа - автобиография, Лгьбнадгьыла - абсоюз, ацэпгаусара - баллатировать, амыпгайарпза - больница, амыхбаа, амбаа - выписка, амыпгайарпза - склад, апгьыц пгацы - вакансия, адырра - знак, ахпгыс нцэара - загс, лацу - мода, аус хечча - мера присечения, ацэара - образование, апгакпгыхцура - ответственность, ацуцэара - постановление, амбазаа - пассажир, абалгьы, амша, ацабырг - правда, ахчпгэгэара - протокол заседания, протокол - протокол заседания, ахапэ нцэара - самообложение, ацсахра - ссуда, ацурцумы - справка, ахэцпраама - стихотворение, амашцуа -транспорт, ацурагара - удостоверение, анбар - штраф и т.д.

Отдельные из приведенных терминов в печати получали отражение и раньше, но начало их широкого употребления приходится на 20-е годы через "Апсны капш". Многие из них благодаря своему оформлению и семантическому сдвигу сохраняют свою жизненность и дальше (амзабыра "правительство", ананэкара "руководство", ацысра "движение", адура "величина", ахапгыцуаа "заместитель" и т.д.).

Пуристическая тенденция, которая имела место во всех младописьменных народах Советского Союза, оказала влияние и на абхазское

терминотворчество. Такие термины, как амахуцуа (вм."артель") амашцуа (вм. "транспорт"), ахапэбзашьа (вм.автобиография"), ацуцуз мпэкэа (вм."гарантия"), ахпгыс нцэара (вм. "загс"), ахумэцырпза (вм. "аптека") и др., которые эпизодически появлялись на страницах газеты, долго не укоренились, их вытеснили заимствованные слова.

Ту же участь постигли использованные как термины такие слова, как амада "санкция", ацрыцуйуа, амбацу "посол", амаг "капитал"; нередко и архаичные - ацэахуа "управляющий", азыранцуа "батрак", амыар "товар" и др. Эти и подобные слова, не имевшие под собой естественной почвы и не получившие опоры и поддержки в народной массе вскоре вышли из употребления. Позже были вытеснены более удобными абхазскими эквивалентами или же русско-интернациональными заимствованиями.

Значительная часть терминов, регистрированных в газете "Апсны капш" в 20-е годы позже также была более усовершенствована, например, такие термины, как: ахэа "доклад"; ацгьыладгьыла "родина", ааиэара ауеыцш "трудодень", ахэгшмада "договор", амыпгайарпза "больница", амдыма "союз", амыанхыцуа "скобки", ацэхантэаны "председатель", амазаны "секретарь" и т.д. соответственно заменились более удачными, отшлифованными эквивалентами, как: ахэахуа, ацсадгьыл, ацыахш, амазара, ахумэтырпза, амдыма, ахьчуа, ахантэаны, амазакыцаны.

Любопытный интерес вызывают и в "Апсны капшь" заголовки статей, концовки, обращения, а также подписи авторов, их псевдонимы: Пайахьаа "Короткоусый", Мила "Седой", Ханашэ-ыпа Ханашэ-сын, гьдыруа "Тот, кто знает", гаъушаа "Тот, кто увидел", и т.д.

Следует отметить, что в Абхазии период, который охватывали 20-е и 30-е годы, отличался от последующих и трудным, и бурным развитием абхазского литературного языка. Во-первых, на его долю выпала смена трех алфавитов; это - алфавит Н.Я.Марра (1926), алфавит Н.Ф.Яковлева (1928) и грузинский (1938). Понятно какая неблагоприятная, хлопотливая ситуация была связана уже с одним этим обстоятельством.

"Апсны капшь" в решении всех этих и других вопросов принимала активнейшее участие. Она печатала интересные дискуссионные статьи по вопросам языка, литературы и истории, периодически публиковала перечень новых слов и терминов, которые утверждала

государственная комиссия. Особенно в оживлении терминологической работы большую роль она начала играть с того периода, когда на основании постановления Заккрайкома ВКП(б) от 31 января 1932 года "Апсны капш" стала ежегодной газетой[8]. Регулярно на своих страницах помещала списки слов-терминов для широкого обсуждения (см., например, № 270, 290 январь, 1937г., в которых печатались термины, принятые при переводе Конституции СССР).

Газета "Апсны Капшь" явилась и трибуном, и активным помощником партии и правительства по развертыванию всенародной помощи Родине в ее справедливой борьбе с немецким фашизмом. На страницах "Апсны капш" ежегодно печатались сводки, корреспонденции, очерки о массовых героизмах советских граждан на фронтах и на полях. В соответствии с этим формируются и активизируются много профессиональных заимствованных слов и выражений, тесно связанных с военной тематикой, такие, как названия и орудия (автомат, апулемиот, азенитка, абомба, агранат, аснариад), сооружения и укрытия (аокоп "окоп", атраншеиаҳуа "траншеи" и т.д.

Наряду с ними активизируются и другие слова и обороты созданные по известным моделям: акомандахадақайас "главнокомандующий", хауаиа аҳуиара "воздушное нападение", химиаиа аҳуиара "химическое нападение", атымахьара афонд "фонд защиты мира", ахэымарақъ ибаҳьра "военное нападение", ахыс-рақъ бригада "стрелковая бригада" и т.д.

40-е годы были трудными для политической и культурной жизни Абхазии, связанные с нарушением ленинских принципов национальной политики, а также военного времени. В связи с переводом абхазских школ на грузинский язык обучения часто на страницах абхазских газет начали встречаться искусственно занесенные такие грузинские слова, как ақуча "улица", ангарышь "отчет", ақъавмцьдомар "председатель" и т.д., которые вскоре были также вытеснены абхазскими эквивалентами.

В 50-е годы процесс проникновения иноязычной лексики на страницах газеты ослабевает. В данный период многие иноязычные термины уступают свои места абхазским эквивалентам. Так, например, вместо "порт" начали использовать аҵьаиа , вместо "горизонт" аиаҳшҳаа , вместо "диалог" ашцыаҳзара , вместо "конфликт" - ашцыхара , вместо "режим" аиишъуа , вместо "дискуссия" аимак-ашак и т.д.

Вместе с тем в годы восстановительного периода в лексический

8 История Абхазской АССР (1917-1937), Сухуми, 1983, с.271-272.

фонд абхазского языка через газету вошло множество интернациональных слов. В а 60-е и 70-е годы, с начала освоения космоса и атомной энергии, растет число таких терминологических блоков как: ахэмос анақадақара "освоение космоса", ахэмос аиды аиаиҳа ақара ; аиадроиъ бъыр "ядерное оружие"; луноход аиҳаныкуа, ииханыҳаа "спутник", аҵеиҳъыра "стыковка", аихамсаиъ еиҳарс "жоезнодорожный узел", афотоҳъыҷҳазуҵа "фотовыставка".

В уже в 70-е и 80-е годы, благодаря газете "Апсны капш",лексика абхазского языка пополнилась такими новыми словосочетаниями как абъыркуныхра "разоружение", цьыиъыш аҳэиҳамахуҵуа "нетрудовые доходы", а уже сегодня и такими терминами, как: аҵцуара "ускорение", аиҵахара "перестройка", аҵцыҵра "обновление", аргамацэахэара "гласность" и т.д.

Если в 20-е и 30-е годы на страницах газеты происходит взаимопроникновение разговорных и книжных элементов, то уже в 50-е годы (и даже раньше) она почти освобождается от этого явления. Язык газеты становится вычурнее, сложнее. Под влиянием переводной литературы появляются изменения в конструктивной системе предложения. Здесь сосуществуют два типа конструкции: наиболее сложные, развернутые (в передовицах, переводах, очерках, например) и простые, ориентированные на экспрессию (фельетоны, информационные статьи).

А в речевом использовании отдельных нелитературных слов, и особенно оборотов, наблюдается некоторая раскованность: Дырсақъх ыҵҳама ичра дуны иҳамоуи аҳэаиҵа аиаиҳаҳны аҳҳэыс ықказыма. (1933, 12 февраля) "Опять у нас большим недостатком является положение женщины в семье". Ықузча-кузчаза иаақэны иара иеақъшцан иҵуа аабоит ҳа. (1935, № 21) " Повернув свои головы, смотрели на него осовело, дабы узнать, куда он пойдет" и т.д.

"Апсны капш" как и ее предшественник "Апсны" сыграла определенную роль и в деле пормализации абхазской графики и орфографии. Начиная с первых номеров, наряду со статьями, посвященными литературе, искусству и просвещению, она стала публиковать интересные статьи по различным вопросам языка. Так, в 30-40-е годы на страницах все чаще и чаще начинают появляться серьезные научные статьи первых абхазских лингвистов А.Хашба и В.Кукба, писателей Д.И.Гулиа, С.Я. Чанба, М.И.Хашба, Б.В.Шинкуба, позже известных ученых и других деятелей абхазской науки и культуры К.С.Шакрыл, Х.С.Бгажба и др., в которых выдвигали интересные высказывания относительно чистоты родного языка; о его графике, орфографии, алфавите; о требованиях,

которые они предъявляли заимствованным словам и т.п.

Такие и аналогичные статьи, вполне понятно, требовали создания, как соответствующей терминологии, так и соответствующего стиля. Большие изменения произошли и в последнем. В советское время газетный стиль получил большое развитие. Во-первых, он, идя в тесном переплетении от других стилей, отличается от них официальностью, оснащенностью особой лексикой, заимствованиями. В газетном стиле больше чем где-либо представлены кальки, причем калькируются не только отдельные слова и словосочетания, но и целые синтаксические конструкции, в особенности когда это касается переводов.

Дословные, калькированные переводы и по сей день являются основным недостатком языка газеты.

Механическая подстановка абхазских слов на место русских или интернациональных, нарушение порядка слов в предложении, широкое использование причастных, деепричастных и других оборотов, механическое следование синтаксической конструкции русского языка при переводе, зачастую приводят к искажению смысла предложения вплоть до неузнаваемости.

Следует отметить, что общественные деятели и ученые, тесно и безотказно сотрудничая в газете, помогали ей в ее становлении и развитии: шлифовали ее слог и стиль. А такие писатели, как И.Папаскир, Б.Шинкуба, И.Тарба, А.Гогуа и др. своей творческой практикой обогатили язык газеты.

Обобщая вышеизложенное, можно заключить, что в формировании и развитии абхазского литературного языка, в укреплении его норм в становлении его стилей (общественно-политического, научно-технического, официально-делового, газетно-журнального)и его многоступенчатой лексики большую роль играет газета "Апсны капш".

А.С.КИШЕВ

СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ ТАЙНЫХ ЯЗЫКОВ АДЫГОВ

Язык является важнейшим средством человеческого общения (Маркс), он обслуживает все сферы и виды человеческой деятельности. Вместе с тем существуют и искусственные языки, которые "составляются людьми с их опытом, знаниями и в соответствии с задачами"[I].

В отличие от искусственных языков, которые создаются для специалистов целой отрасли или как вспомогательный международный язык (например, эсперанто), так называемые "тайные" языки, языки особых социальных групп служат целям замкнутого общения в пределах данной группы. Появление тайного языка вызвано желанием отдельных слоев общества говорить на таком языке, который был бы непонятен остальным, не входящим в их социальную группу.

О существовании у адыгов кроме родного еще особого языка, на котором они говорят только между собой, писали И.Ф.Бларамберг[2] и Фредерик Дюбуа де Монпере[3].

Еще Иоганн Шильтбергер, побывав на Кавказе в самом начале XV века, заметил, что черкесы "говорят особенным языком"[4], а Якоб Райнеггс, указав на наличие у адыгов тайного языка "Sikowschir", записал I8 слов[5]: paphle, baetzo, kaepe, ptschokaff, tkemeschae, naeghure, uppe, paschae, schurghae, tewrettollo, brugg, wup, ptscha kaetsche, fogabbe, schegs, aeLewsze, nackuschae, schufae.

I Шер Я.А. Вступительная статья к книге Жана - Клода Гардена "Теоретическая археология". М., "Прогресс", I983, с.I6.

2 Бларамберг И.Ф. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа.- В кн.: Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XШ-XIX вв. Составления, редакция переводов, введение и вступительные статьи к текстам В.К. Гарданова, Нальчик, I974, с.4I3 (В дальнейшем все ссылки на эту книгу даются сокращенно: АБКИЕА.)

3 Фредерик Дюбуа де Монпере. Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазцам, в Колхидию, Грузию, Армению и в Крым. - В кн.: АБКИЕА, с. 453.

4 Шильтбергер И. Путешествие Ивана Шильтбергера по Европе, Азии и Африке с I394 по I427 год. - В кн.: АБКИЕА, с. 39.

5 Reineggs J. General Historikal and Topografikal discription of Mount Caucasus, vol I, London, 1802. P.274 (пер. с нем., изд. I796г.).

Ян Потоцкий, совершивший путешествие на Северный Кавказ в I798 году, писал, что " в первые дни сентября[6] каждый черкесский князь покидает свой дом, удаляется в горы или в лес, где строит шалаш из ветвей деревьев. Его сопровождают преданные ему дворяне, но никто из его семьи не смеет приблизиться к шалашу, будь даже это его брат. Здесь все присутствующие пребывают замаскированными, то есть они закрывают лицо и совершенно не говорят по-черкесски все разговоры ведутся на некоем жаргоне, который они именуют "шакобза" (chzhobza). Этот маскарад продолжается шесть недель, в течение которых маленькие банды в масках собираются для грабежей в округе, и поскольку все настороже, дело не обходится без убитых и раненых, в том числе среди князей, потому что они не раскрывают себя, а в противном случае их щадили бы"[7].

Потоцкий узнал несколько слов из жаргона "шакобза", даже рассчитывал пополнить свой словарь в Георгиевске, где ему " указали на одного человека, который имеет ключ к этому жаргону"[8].

Возникает вопрос: если в конце XУШ века осталось мало людей, знающих шакобза, то когда же он функционировал? Ответ находим у Н.Грабовского: за пять лет до путешествия Я.Потоцкого, т.е. в I793 году, " с учреждением родовых судов и расправ было воспрещено кабардинцам... собираться молодым людям на кошах (нечто вроде хуторов) для промыслов удальства"[9], где обычно пользовались тайным языком "шакобза".

В прокламации от 9 августа I822 года, являющейся ответом на заявление кабардинцев, наместник Кавказского края генерал А.П.Ермолов предупреждал: " в случае... участия в разбоях всякий владелец и уздень теряет свое достоинство и наказывается, как всякий преступник, по законам российским"[I0]. Несколько позже, в I839году Якуб Шарданов в своей работе " О значении древнего кабардинского

6 Н.Дубровин считал весну и осень временами наездничества. См. Дубровин Н. Черкесы (Адыге). Краснодар, I927, с.92.

7 Потоцкий Я. Путешествия в Астраханские и Кавказские степи. - В кн.: АБКИЕА, с.232.

8 Потоцкий Я. Указанная литература, с.232.

9 Грабовский Н. Присоединение к России Кабарды и борьба ее за независимость (исторический очерк). -В кн.: Сборник сведений о кавказских горцах. Вып.IX, Тифлис, I876, с. I76.

I0 Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев. - Материалы по обычному праву северного и восточного Кавказа, вып.I. Одесса, I882, с. 262.

обряда" отмечал, что " узденьям и князьям собрания делать воспрещено"[II].

Таким образом, в конце XУШ века с запрещением собираться для грабежей, удальства, наездничества отпала необходимость и в сохранении тайного языка "шакобза", однако сборы молодых наездников имели место и в первой четверти XIX века.

Первым, кто более или менее подробно описал тайные языки адыгов, был выдающийся русский академик Генрих-Юлиус Клапрот, который отметил, что "они (черкесы.- А.К.) пользуются тайными языками, которые составлены по взаимному соглашению. Самые употребительные из них называются "шакобше" и "фаршибше" (а не "зиковшир", как указывает Райнеггс).

Первый из этих языков кажется совершенно особенным, так как его слова не имеют ничего общего с черкесским языком"[I2].

Во всех упомянутых выше сообщениях речь идет об охотничьем языке адыгов щ а к I у э б з э.

Известно, что охотничий язык существовал у многих народов. Его появление связано со стремлением охотников скрыть свои намерения от зверей. Первобытные люди полагали, что животные слышат и понимают человеческий язык"[I3] и составляли такой язык, который не был бы понятен животным.

Охотничьим языкам различных народов посвящена обширная литература[I4]. Опубликовано несколько интересных работ и по адыгской

II ЦГВИА СССР, Ф. I3454, оп.2, д. 282, л.4I.

I2 Клапрот Г.Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в I807-I808 гг.- В кн.: АБКИЕА, с. 270.

I3 Зеленин Д.К. Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии. Ч.I. Л., I929, с.I0.

I4 Дирр М.А. Божества охоты и охотничий язык у кавказцев. СМОМПК, вып. 44, Тифлис, I9I0, с.I0; Цаголов Г.М. Охотничий язык и обряды у осетин. - "Терские ведомости", I895, № 53. Гулиа Д.И. Божества охоты и охотничий язык у абхазов. - В кн.: К этнографии Абхазии, Сухуми, I926, с.I4; Лавров Л.И. Доисламские верования адыгейцев и кабардинцев.- В кн.: Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований.- Труды Института этнографии. Новая серия, т.П,М., I959; Инал-ипа Ш.Д. Абхазы (историко-этнографические очерки). Сухуми. I965, с. I89-I9I; Магомедов А.Х. Культура и быт осетинского народа. Орджоникидзе, I968, с.Ш; Хашба М.М. Трудовые и обрядовые песни абхазов. Сухуми, I977, с.40-42, III-II2; Техов Д. Охотничий язык у осетин. - В кн.: Известия Юго-Осетинского НИИ, в.XУШ, Цхинвали, I97I, с.I2I-I37; Бгажноков Б Очерки этнографии общения адыгов. Нальчик, I983, с.II8-I3I.

криптолалии (тайноречию)[15], однако еще до сих пор нет специальных исследований, посвященных закономерностям построения тайных языков адыгов, способам их расшифровки, и, как правильно заметил Б.Х. Бгажноков, за прошедшие почти 200 лет "никому не удалось подобрать ключ к этому загадочному языку"[16].

Автор в рамках небольшой статьи ставит перед собой скромную задачу: сделать попытку к расшифровке некоторых способов образования тайных языков адыгов.

Из записанных Я.Райнеггсом 18 слов охотничьего языка Г.Ю.Клапрот переписал только 16, но вместе с тем привел их значения на черкесском и русском языках, тем самым сохранил и слова "шакобша" и их значения (дается без изменений)[17]:

Шакобше	Черкесский	Значение
Папхле	Нне	глаз
Бетао	Такхумах	ухо
Кепе	Тше	лошадь
Пшакокаф	Гъем	корова
Ткемеше	Бхан	коза
Негхуне	Мапха	огонь
Аппе	Фис	женщина
Паше	Ахше	деньги
Шувхе	Джако	бурка
Бруг	Ша	голова
Вуп	Топанг	ружье
Чакоенше	Махше	верблюд
Фогабе	Маль	овца
Шегс	Пфе	вода
Элефсе	Чалах	ребенок
Некуше	Шаква	хлеб

15 Тхьэркьохъо Ю. Щіэ ушъэфынымрэ чІэгъэчІэлъыбзэмэ якьилагъ- "Зэкошныгъ", 1972, №1. 1972, № 1; Тхаркахо Ю.А. Остатки тайноречия и культура речи. -В кн.: Проблемы адыгейской письменности и культура речи, Майкоп, 1982; Бгажноков Б.Х. Тайные и групповые языки адыгов. - В кн.: Этнография народов Кабардино Балкарии, вып.I, Нальчик, 1977; Бгажноков Б.Х. Некоторые особенности культуры общения адыгов (ретроспективный взгляд).- СЭ, 1979, № 5; Бгажноков Б.Х. Очерки этнографии общения адыгов. Нальчик, 1983.

16 Бгажноков Б.Х. Тайные и групповые языки адыгов. - В сб.: Этнография народов Кабардино-Балкарии, вып.I, Нальчик, 1977, с.114.

17 Клапрот Г.Ю. Указанная работа. - АБКИЕА, с. 271.

Если внимательно присмотреться к словам первой колонки (шакобше), то не трудно заметить, что половина из них состоит из двух корней, каждый из которых имеет определенное лексическое значение.

Слова "шакобше" в современном написании на кабардинском языке.	Значения слов на русском языке	Способ их образования (наша гипотеза)
пэпкъэ	глаз	пэ-вперед, плъэ-смотрящий; вперед-смотрящий
бзашуэ	ухо	бэ-много, даІуэ -слушающий; много-слушающий
кІэ пэ	лошадь	кІэ-конец,хвост, пэ-начало,нос; выражение могло означать "быстро несущееся животное".(?)
Бжьэкlэрэф	корова	бжьэ- рог, кІэрэф-кривой; криворогая, комолая (о корове)
кІэмащІэ	коза	кІэ-хвост, мащІэ-мало, немного; малый, короткий хвост*.
нэхунэ	огонь	нэху-свет, нэ-глаз; глаз света
вагъуэбэ	овца (отара) овец	вагъуэ-звезда, бэ -много; созвездие
бжьакъуэншэ	верблюд	бжьакъуэ -рог, ншэ -аффикс, означающий отсутствие; безрогий.
нэкІу Іушэ	хлеб	нэкІу -лицо, Іушэ -кривое; криволикий (?)
щІыфэ	шкура, кожа	щІыфэ -поверхность, е -дурная,плохая; плохая поверхность, дряная шкура (?)

Вероятно, в переносном значении употреблены слова Іупэ (губа) -женщина, щухьэ (сукно) -бурка, быргуэ (молотильный камень) - голова; на звукоподражание похоже слово "вуп" (топ, фоч) -пушка, ружье. Продолжением этого списка можно считать слова, собранные Х.М.Думановым из разных источников[18].

* В пользу нашей гипотезы выступает и двустишие:

Зи кІэ уэдыр, еру (Чей хвост худой, еру,
Уэ бжэнщ, еру, Это коза, еру).

См. "Дыгъэ, дыгьэ, къепс..." Сабий усэхэр, къебжэкІхэр, джэгукІэхэр, таурыхъэр. Черкесск, 1965, с.19.

18 Думанов Х.М. Некоторые обычаи и традиции, связанные с охотой у кабандинцев в XIX -начале XX века. -В сб.: Этнография народов Кабардино-Балкарии, вып.I. Нальчик, 1977, с.46.

Слова охотничьего языка	Значение: кабард. язык	Значение: русский язык	Способ образования
щхъуэжь	дыгъужь	волк	-серый, -старый
лъэбыцэжь	мыщэ	медведь	-нога, -лохматая, -старый(ая); лохмоногий
бжьабэ	щыхь	олень	-рог, -много; многорогий
тхьэгъэпцI	бажэ	лиса	-бог, -обманывающий; клятвопреступник
ерыкъ	тхьэкIумэкIыхь	заяц	трегубый
цымыдэ	тхьэкIумэкIыхь	заяц	цы -шерсть, мы - отрицательная частица, удэ (н) -сбивать; несбитая шерсть.

Все эти слова употреблены в несвойственных им в естественном языке лексических значениях. Такая трансформация сделала их непонятными для посторонних слушателей.

"Другой язык,фаршибше, составлен из обычного, в то время как между слогами вставляется "ри" или "фе", - писал Г.Ю.Клапрот[19]. В отличие от охотничьего языка шакIуэбзэ , упоминаемый здесь тайный язык адыгов (фаршибше), представляет собой, по нашему мнению, устный язык, жаргон, и тайным языком его можно назвать лишь по традиции, а по существу, как и всякий искусственный язык, он строится на базе грамматической и фонетической систем родного языка; образован добавлением к каждому слову определенных звуков, ключевых слогов, звукосочетаний, не имеющих никакой смысловой нагрузки или "деформирующих арготических суффиксов"[20]. Такая операция искажает фонетический облик естественного слова до неузнаваемости и делает слова и выражения тайным языком отдельной группы людей.

Первую расшифровку одного из способов образования фаршибше дал сам Г.Ю.Клапрот, записав несколько слов параллельно на черкесском, фаршибше и русском языках и указав, что " между слогами вставляется "ри" или "фе":

I8 Думанов Х.М. Некоторые обычаи и традиции, связанные с охотой у кабардинцев в XIX - начале XX века. - В сб.: Этнография народов Кабардино-Балкарии, вып.I. Нальчик, I977, с.46.

I9 Клапрот Г.Ю. Указанная работа. - АБКИЕА, с.27I.

20 Оранский И.М. Таджикоязычные этнографические группы Гиссарской долины (Средняя Азия). - Этнолингвистическое исследование.М., I983, с.82.

Черкесский	Фаршибше	Значение	Способ образования (наша расшифровка)
Шо	Иршихари	голова	щхьэ = ири – щхьэ – ри
Тдле	Тларуквари	нога	лъэ (лъакъуэ) = лъэ -ри- къуэ -ри
Иа	Ириари	рука	Iэ = ири - Iэ -ри
Такхумах	Тарымариквари	ухо	тхьэкIумэ = тхьэ-ри-кIу-ри-мэ-ри
Нне	Иринери	глаз	нэ = ири - пэ - ри
Пех	Иripери	нос	пэ = ири - пэ - ри
Дхе	Иридери	рот	жьэ = ири - жьэ-ри
Бзе	Ирибзериквери	язык	бзэ (бзэгу) = ири-бзэ-ри – гу-ри
Джаке	Джакери	борода	жакIэ = жьэ - ри – кIэ - ри

и т.д.

Несмотря на то, что при записи черкесских слов, а также фаршибше русскими буквами допущены некоторые искажения, автор все же в основном верно передал эти слова. В образовании слов фаршибше наблюдается определенная закономерность: перед начальными согласными односложных слов щхьэ, Iэ, нэ, пэ, жэ, бзэ (бзэгу) добавлено звукосочетание "ири", в конце - "ри"; при образовании же слов фаршибше от черкесских двух-трехсложных слов лъакъуэ, тхьэкIумэ, жакIэ после каждого слога (все слоги открытые) добавлено "ри".

Слова "нога","язык" в первой колонке даются как тдле (лъэ -нога) и бзэ (бзэ - язык, речь), а словам фаршибше соответствуют лъакъуэ (нога) и бзэ (язык, орган речи).

Анализ записанных исследователями слов и выражений и полевой материал, собранный нами во время этнографических экспедиций, свидетельствуют о существовании нескольких способов образования тайного языка адыгов фаршибше.

Если обозначить целое слово прямоугольником, а отдельный слог-треугольником внутри прямоугольника, то наряду с кратким описанием каждого способа образования тайного языка можно его показать и схематически.

Способы образования тайного языка ф а р ш и б ш е:

I. Перед каждым словом адыгского языка ставится односложное звукосочетание (мы, мэ, ри, ры, сы, ты, фи, фы, хы, хэ, щы и т.д.); -Что будем делать[21]?
фи - сыт фи-тицэнур? - Сыт тицэнур?

2I Бгажноков Б.Х. Тайные и групповые языки адыгов. - В кн.: Этнография народов Кабардино-Балкарии, вып.I, I977, с.II3.

ФИ – [ ] фи – [ ]

2. После каждого слога ставится односложное звукосочетание (мы, мэ, ри, ры, сы, ты, фи, хэ, щы и т.д.):

сы – фы – тIы – фы тщIэ – фы – ну – фы – р(ы) – фы?
– Сыт тщIэнур? – Что будем делать?

[△ –фы △ –фы] [△ –фы △ –фы △ –фы]

3. После каждого слога ставится двусложное словосочетание – ключевое слово (рыфы, ники, уэли и т.д.):

Дэ – рыфы Дод жэ – рыфы. Мы учимся.

[ ] – рыфы [ ] – рыфы

4. После каждого слога ставится односложное звукосочетание, а после каждого слова – двусложное словосочетание, которое одновременно служит и своеобразным словоразделом:

ты – фы гъэ – фы – р(ы) – фы – рыфы къы – фы – къо – фы – ды – фы – гъ(ы) – фы – рыфы
Тыгъэр къыкъокIыгъ – солнце взошло[22]

[△ – фы △ – фы △ – фы] – рыфы [△ – фы △ – фы △ – фы △ – фы]

5. В каждое слово перед последним звуком включается звукосочетание ИКЫН, а в последнем слове предложения – после каждого слога и перед последним звуком слова:

х/ Здесь и далее в скобках указывается беглое гласное, которое появляется при добавлении звукосочетания к конечному согласному слова.

22 Тхаркахо Д.А. Остатки тайноречия и культура речи. – В кн.: Проблемы адыгейской письменности и культура речи. Майкоп, 1979, с.100-101.

Нобэ – икын – э дэн – икын – э ды – (н) икын(и) – кIуэн – икын – у? *
Нобэ дэнэ дыкIуэну? – Сегодня куда пойдем?

[△ + △ + икын + э] [△ + ⓒ + икын + э] [△ + икын + △ – икын + у]

6. После каждого слова ставится двух-трехсложное словосочетание (уэли, уэти, уэкIуи, уэри, уэфи, уэжьи, рыфы, икын, ники, ныкы, уэлэхьи, уэтэхы, уэкIуэхьи, уэрэхьи и т.д.), затем производится перестановка предпоследнего согласного звука слова (на схеме обозначен буквой С внутри треугольника) и последнего согласного звука наращенного звукосочетания.

СынакIуэри – уэли сыножьащ – уэли
⇒ сыналэри – уэкIуи ⇒ сынолащ – уэжьи

= сынакIуэри сыножьащ – (Я) пришел и ждал тебя

[ⓒ – уэли] [ⓒ – уэли]

Такое дробление слова и включение в его состав отдельных звуков и одно,–двух, трехсложных звукосочетаний делает слово родного языка непонятным для присутствующих, даже если они свободно владеют данным языком. При обнаружении присутствующими ключевого слога (слова) два разговаривающих лица могут тут же перейти от одного способа образования тайного языка к другому. Таким образом, одно и то же предложение родного языка (например: Дыгъуасэ зэныбжьэгъухэр Дызэгъусэу шыгъэм дышыIащ – Вчера (мы) друзья вместе были на скачках) может быть передано несколькими вариантами тайного языка:

1. Дыгъуалэ – уэси зэныбжьэлхэр – уэгъуи
дызэгъулэу – уэси шыгъалэм – уэжи дыщылащ – уэIи
(ключевое слово " у э л и")

2. Дыгъуалэ – уэсэхьи зэныбжьэлхэр – уэгъуэхьи
дызэгъулэу уэсэхьи шыгъалэм уэжэхьи
дыщылащ – уэIэхьи.
(Ключевое слово "у э лах ь и ")

---

* В третьем слове предложения после открытого слога ды и начальным гласным наращения икын (при стечении двух гласных) появляется согласный звук /н/, а после конечного согласного наращения н и перед согласным следующего слога (при стечении двух согласных) – гласный звук /и/.

3. Дыгъуакlуэ - уэси зэныбжьэкlухэр - уэгъуи
Дыэзгъу - кlуэу - уэси шыъакlуэм - уэжи
дыщыкlуащ - уэlи (Ключевое слово "уэкlуи")

4. Ды - фы - гъуа - фы - сэ - фы - рыфы зэ - фы - ны - фы - бжьэ - фы - гъу - фы - хэ - фы - рlы) фы - рафы ды - фы - зэ - фы - гъу - фы - сэ - фы - уфы - рыфы шы - фы - гъа - фы - жэ - фы - мlы - фы - рыфы ды - фы - щы - фы - lа - фы - щ(ы) фы - рыфы

Подобное разнообразие способов образования адыгского тайноречия (а мы отнюдь не считаем, что охвачены все способы) приводило непосвященных к мысли о существовании у адыгов множества тайных языков, чему в некоторой степени могло способствовать и наличие в адыгских языках нескольких слов с компонентом *бзэ* (язык): *хъуэрыбзэ, щlагъыбзэ* (иносказание, аллегория), *гыбзэ* (проклятие), *гъыбзэ* (плач), *гъыфlэ-гъыбзэ* (ласкательные слова), *бзэрабзэ* (ласка, щебет), *щэхубзэ* (адыгейск. *шъэфыбзэ*) - тайный язык, у абхазов существовал так называемый птичий язык (*аҷыс бызшва*)[23].

Не расшифрованным остается самое название тайного языка - ф а р ш и б ш е.

Во время этнографических экспедиций в Кабарде и Черкесии мы неоднократно встречались с двумя названиями тайного языка: *фарсыбзэ* (язык фарси) и *фыбзэ* (язык звуков "ф"). Записано также слово *фэрыщlыбзэ* (язык притворства).

Какие основания были для таких названий?

Известно о древних культурных связях адыгов и других народов Кавказа с народами Ближнего Востока и Индии[24]. Продолжительными во времени были связи с Персией. Большую роль в них играли города Дербент и Астрахань. "Строительство Дербента, - пишет Н.П.Гриценко, - приписывается иранским царям Каваду I (490-531гг.) и Харову I Анушировану (531-579гг.)[25]. А при иранском царе Харове I (590-628гг.) в Дербенте по иранским образцам была построена церковь. В XI-XII вв. Дербент становится центром торговли между Кав-

23 Сообщение Т.Х.Халбада (г.Сухуми). "Птичий язык" (*die Vogelsprachekus Lisanim*) существовал и у убыхов в Юго-Восточной Турции. См.- *Ulrich Landmann. Akifiye - Büyükçamurlu Ubychen - Dörfer in der Südost - Türkei. Esprint - Verlag - Heidelberg, 1921, c. 199.*

24 Амин аль-Холи. Связи между Нилом и Волгой. Сокращенный перевод с арабского. М., 1962, с.4-5; Семенова Л.А. Салах ад-дин и мамлюки в Египте. М., 1966, с.189.

25 Гриценко Н.П. Города Северовосточного Кавказа. Изд-во Ростовского госуниверситета. 1984, с.10.

казом, Крымом, Хорезмом, Ираном и Египтом, посредником между Русью и восточными странами[26].

С присоединением в 1556 году Астраханского ханства к России город Астрахань стал на протяжении нескольких столетий центром международной торговли (Аравия, Хива, Индия, Армения, Персия, Шемаха, Турция, Россия, Кавказ)[27]. В городах Дербенте и Астрахани, даже в Терках, постоянно проживали персидские купцы. Согласно неполной росписи населения слободы Терского города[x], составленной в 1640 году боярским сыном Лукиным и подъячим Ф.Волковым, помимо 60 дворов кабардинских мурз и узденей, 20 дворов простых кабардинцев, 45 дворов татар и 26 дворов окочан (ингушей), там проживали 10 дворов и кибиток иранских купцов, из которых в день составления росписи один купец оказался за морем, два - в Азове, один в Кабарде[28].

Через 100 лет после этих событий по требованию коллегии иностранных дел России была предъявлена ведомость о сборе пошлин с товаров, привозимых из Персии через Кизляр, а также товаров, вывозимых из Кабарды в Кизлярскую пограничную таможню. Оказалось, что в 1762 году через Кизляр прошло товаров на сумму свыше 100 тысяч рублей[29].

Еще через 100 лет, в 1842-1844 гг. экспорт Персии в Россию составил 4012546 руб, в 1848-1850 гг. - 5278696 руб., а импорт в Персию из России - соответственно 1264874 руб. и 1559492 руб.[30].

Помимо торговых отношений Персия и Кабарда имели и дружественные связи, они были связаны и узами родства. Издавна среди адыгов проживают каджары (каб. - *къажэр*), которые нашли здесь вторую родину.

26 Красочное описание восточного базара, где встречались и турок, и перс, и черкес, и абхазец, и туркмен, и индусы. См.: Березин И. Кавказ.(Природа и люди). СПб, 1912, с.21.

27 Бакланова Н.Э. Привозные товары в Московском государстве во второй половине XVII века. - Труды Государственного Исторического музея. М., 1928, вып.4, с.25-30.

x Роспись охватывает население только двух слобод Терского города (Черкасскую и Окоцкую), связанных с Муцалом Сунчалевичем Черкасским.

28 Кабардино-русские отношения в XVI-XVII вв. М., 1957, т.I, с.194.

29 Указанная литература, том II, с.233-234.

30 Аршаруни А.М. Бабизм и бехаизм. - В кн.: Ислам/ сб.статей под ред. проф. В.Дитякина/. М., 1931, с.78-79.

15 июня 1645 года великий царь Михаил Федорович, назначив Муцала Сунчалеевича Черкасского князем над нерусским населением Терского города, одновременно разрешил ему поездку в Персию "Для ради сестрицки своей", являвшейся женой персидского шаха Аббаса П[31].

По свидетельству Э.А.Грушиной, литературным языком ближневосточных стран был персидский. Хроники и исторические памятники до XУ века написаны на нем. Даже в Турции сферой турецкого языка оставалась разговорная речь и фольклор, и самые древние хроники, переведенные или написанные на турецком языке, датируются XУ веком[32].

На Кавказе не только говорили на персидском языке, но и писали. Венгерский ученый Жан-Шарль де Бесс, находившийся в составе экспедиции командующего войсками на Кавказской военной линии генерала Эммануэля, в дни первого восхождения на Эльбрус (1829 год) и лично знавший Шору Ногмова, в книге "Путешествие в Крым, Грузию, Армению, Малую Азию и Константинополь в 1829 и 1830 гг." (Париж, 1839г.) указывал, что учитель местной Горской школы Ш.Б.Ногмов "говорит и пишет по-персидски, турецки, татарски и русски с одинаковой легкостью"[33]. В составе русских архивных фондов " сохранились и документы, исходившие от дагестанских феодалов и написанные "по-фарсовски", т.е. на персидском языке"[34].

Язык фарси (персидско-таджикский) был новым литературным языком, начиная с IX века. В X веке отец персидско-таджикской классической литературы Рудаки доводит молодой литературный язык до совершенства. С этого времени персидско-таджикская литература начинает свое блестящее стремительное развитие. В конце X века Фирдоуси создает на этом языке бессмертную героическую эпопею "Шах-Наме", в XП веке Низами- романтическую "Пятирицу" ("Хамсе"), в XШ веке Саади - сочинения " Бустан" и "Гулистан". XIУ век замечателен творчеством Амира Хусрави Дихлави и Хаджу Кирмани, мастера газели

---

31 Кабардино-русские отношения в XУI-XУШ вв. М., 1957, т.I, с.260-261, 417.

32 Грунина Э.А. О языке ранних турецких хроник. -В кн.: Средневековый Восток. История. Культура. Источниковедение. М.,1980, с.112-119.

33 АБКИЕА, с.337-338.

34 Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. Вторая половина XУI- 30-е годы XУП века. М., 1963, с.8.

Хафиза. XУ век дарит поэзию Джали.

Персидско-таджикская литература создавалась на обширной территории и поэтому неудивительно, что язык фарси знали и на Северном Кавказе. В XУI веке все агротехнические слова были переведены на персидский язык. Об этом удивительном средневековом сочинении " Kitábi sásían " писал в 1922 году В.А.Иванов[35]. О тайным языком сасанов средневековья связывает А.Л.Троицкая тайные языки (арго) Средней Азии, Ирана и Восточного Туркестана[36]. Об этом же свидетельствует И.М.Оранский, говоря о секретных или потайных языках (арго) у представителей этнографических групп "кавол", джуги и чистони, говорящих на таджико-персидских говорах. Они называют свой конспиративный язык "воровским языком" (zabon-i dúzai) или "потайным языком" (zabon-i panovi)[37]. Существовал тайный, так называемый "девичий язык" и у осетин[38]. Адыги также могли быть знакомы с тайными языками персов, в которых, кроме всего сказанного, был очень распространен сугубо девичий конвенциональный язык под названием заргари. Принцип его состоял в том, "что после каждого слога вставляли звук "з", так что речь становилась совершенно непонятной"[39]. Как раз на такой способ, но с добавлением "ри", "фе" указывал Г.Ю.Клапрот, когда писал об адыгском тайноречии.

Исходя из сказанного, мы склонны расшифровать слово "фаршибше" как фарсыбзэ (язык фарси)*.

---

35 См. Оранский И.М. Таджикоязычные этнографические группы. Гиссарской долины (Средняя Азия). - Этнолингвистическое исследование. М., 1983, с.38.

36 Троицкая А.Л. Abdoltili -арго цеха артистов и музыкантов Средней Азии. - В сб.: Советское востоковедение. Л.-М., 1948, у; Ее же. Из отчета о командировке 1936г. в национальные районы среднеазиатских республик. - ж. Советская этнография., 1937, №4.

37 Оранский И.М. Указанная литература, с.30-31.

38 Хетагуров К. Собрание сочинений в трех томах, т.Ш. М., 1951, с.233.

39 Асатрян Г.С. Обряды детства и воспитание детей в традиционной культуре персов. - В кн.: Этнография детства; Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Передней и Южной Азии. М., 1983, с.77.

* От информатора Кишева Темиржана Токовича, 1882г.р. в с.Чегем П в 1978 году нам удалось записать выражение " фарсыбзэкIэ укъызэмыпсалъэ " (не говори со мной на языке фарси, т.е. на непонятном мне языке).

Видный турецкий географ и путешественник XУПв. Эвлия Челеби во время своих пребываний на Кавказе (в I64I-I642г. и I666-I667гг), видимо, познакомился не только с адыгскими языками, но и с охотничьим языком и формами тайноречья " *фарсыбзэ* ", когда писал о "странном" языке черкесов, который, по его мнению, сложнее, чем I47 языков разных народов в восемнадцати известных ему по путешествиям государствах, и "не поддается описанию"[40].

Если учесть, что с открытием в XУШ-XIX вв. мусульманских учебных заведений-медресе в Кабарде, Черкессии и Адыгее тайноречие имело наиболее широкое распространение среди учащихся медресе (а потом с их помощью и непосредственном участии - и среди их сверстников в селениях), то можно предположить, что при образовании отдельных форм тайного языка и выборе ключевых слогов и слов использованы некоторые особенности арабского языка. Так, например, таблица производных пород (групп) одного только правильного глагола арабского языка содержит более I00 словообразовательных и формообразовательных моделей, многие из которых начинаются со звука "ф", например: *фаъалун, фаъалун, фаъалун, фаъалатун, фаъалатун, фаъалун, фаъалун, фаъалун, фаъалатун, фаъалайатун, фаъалянун, фуъалун, фуъалун, фуъулун, фуъулатун, фуъулатун, фуъулянун, фуъила, фуъила* и др.

На наш взгляд, указанные основные типы масдаров I породы трехсогласного глагола арабского языка послужили причиной появления в адыгских языках тайной формы разговорной речи, когда в начале каждого слова добавлялось звукосочетание "фы" или "фи".

Глаголы арабского языка содержат много слов со звуком "ф" в середине: *афгала, йафагала, инфагала, ифтагала, ифгала, афгила, йуфгила, йуфгилу, йетфагалу* и т.д.

Они могли послужить примером для образования другой формы "тайного языка", когда после каждого слога и в словах адыгских языков вставлялось звукосочетание "фы".

Итак, активное использование звука "ф" для образования адыгского тайного языка могло послужить, на наш взгляд, основанием для названия самого тайноречия словом *фыбзэ* (язык звуков "ф"), или "фы - язык", как перевел его Б.Х.Бгажноков[4I].

---

40 Эвлия Челеби. Книга путешествия (извлечения из сочинения турецкого путешественника XУП века). Вып.2. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. М., I979, с.58.

4I Бгажноков Б.Х. Тайные и групповые языки адыгов. - В кн.: Этнография народов Кабардино-Балкарии, вып.I. Нальчик,I977, с. II2.

Но так как при одном простом добавлении определенных звукосочетаний ко всем словам адыгских языков речь оставалась еще в какой-то степени понятной окружающим, то учащиеся медресе стали применять дробление слова родного языка и включение в его состав какого согласного звука, наращенного звукосочетания вместо конечного согласного основы слова.

Данный способ образования "тайного" языка адыгов заставляет внимательно присмотреться к одному из активных способов образования в арабском языке множественного числа существительных, который называется разбитым или "ломанным", особенностью которого является то, что оно образуется не присоединением к форме единственного числа окончания множественного числа, как при - "целом" множественном числе, например: *мугаллимун* (учитель) - *мугаллимуна* (учителя), *мугандисун* (инженер) - *мугандисуна* (инженеры), а путем перестройки всей внутренней структуры слова, т.е. путем так называемой внутренней флексии, например: *Мадийнатун* -(город) - *мудунун* (города), *мадрасатун* (школа) - *мударису* (школы).

И в адыгских языках слово разбивается на части, и в его состав включаются различные звуки (см. выше. Способ 6-й).

ФорыщIыбзэ

Данное слово могло появиться, как мы полагаем, для презрительной характеристики той части молодежи, которая говорит на непонятном языке (притворяются, мол, много знающими). Слово *фэрыщ* означает притворство, *фэрыщIыбзэ* - язык притворства. Появление добавочного значения у тайноречия как языка притворства, или некой игривости, непринужденности, фамильярности, наконец, для экспрессивно-эмоционально-оценочной коннотации, на наш взгляд, есть явление позднейшего времени и не нашло широкого распространения.

Тайный язык адыгов *щэкIуэбзэ и фарсыбзэ* , мы полагаем, применялись, в первую очередь, в криптолалическом, а не пейоративном значении.

Еще об одном названии. Я.Потоцкий указывает на *сюшрюшоа*, что соответствует, как правильно это заметил Б.Х.Бгажноков, адыгскому *шу пщыIэ* - стан всадников, стан наездников[42]. Прежде чем выходить на грабежи здесь предварительно проверяли физическую подготовку каждого, занимались верховой ездой, обучались стрельбе из лука, ружья, пистолета, т.е. молодые княжеские люди получали военно-физическую подготовку вне дома. Видимо, *шу пщыIэ* восходит к мужским тайным союзам.

42 Бгажноков Б.Х. Очерки этнографии общения адыгов. Нальчик, I983, с.I23.

С открытием мусульманских школ-медресе по образцу *шу пшыlэ* появляется и выражение *сохъустэ пшыlэ* - стан студентов, учащихся, хотя в программу последних совсем не входит военно-физическая подготовка. Но все же учащиеся медресе (*сохъустэ пшыlэ*) стали в некотором роде преемниками *шу пшыlэ* : они сохранили тайные языки еще в течение целого столетия.

Особенностью перечисленных форм тайного языка является то, что все они создавались как искусственные языки с целью очень узкого общения при определенных ситуациях, являлись социальными диалектами, жаргонами[43], поэтому ни один из них не смог стать общедоступным, общенародным языком. Адыгские же естественные языки (кабардинский, адыгейский, черкесский), как и все языки народов нашей страны, получили свое дальнейшее развитие, и сегодня на этих языках печатаются книги и газеты, издается научная и художественная литература. Отдельные слова из тайных языков адыгов проникают в художественную литературу, чаще всего для речевой характеристики героев, а также используются в авторской речи для характеристики определенных социальных слоев или эпохи в целом.

---

43 См. о языке каторжан книгу: Дорошевич В.М. Сахалин (каторга), М., 1903, с.350-359.

О.П. ДЗИДЗАРИЯ

К ЭТИМОЛОГИИ НЕКОТОРЫХ МЕГРЕЛЬСКИХ ПАСТБИЩНЫХ ЛЕКСЕМ

В многочисленных исследованиях кавказоведов приведено немало аргументов, свидетельствующих о теснейшем и древнейшем взаимодействии картвельских языков (в частности, мегрело-чанских) с абхазским.

В настоящей статье обращается внимание на некоторые пастбищные лексемы, которые встречаются как в мегрельском, так в абхазском и абазинском.

Мегрельское *оцоц//оцоцэ* "помещение для пастухов", "стоянка пастухов", в абхазском и абазинском *анзыз//тын* "место", "пункт", "место, выбранное для застройки", "отпечаток", "стоянка пастухов", "помещение для пастухов", "шалаш".

Абхазо-абазинское *анзыз//тын* отличается от мегрельского широтой использования, а также обращает на себя внимание тождественность в семантическом отношении слово *анзыз//тын* с абхазским продуктивным словообразовательным локативным формантом *нза// нзы//нз* . Надо думать, что этот элемент *нза//нзы//нз* генетически связан и со словом *анзыз//тын* ; ср.: *абаанза* букв. "место крепости" (*абаа* "крепость"), *ацаанзара* "садиться вовнутрь" (*ацара* "садиться"), *ацызара* "выпрыгнуть изнутри" (*азара*); *абаз тыхбзаара* "вылизывать" (*хбзара* "лизать"), *тыссс/ара* "вылетать" (изнутри, из углубления) *ссс/ара* "летать" и т.д.

Согласно А.С.Чикобава, преверб *нза* из абхазского проник в мегрельскую речь[1].

В абхазском лексема *анзыз* ложится в основу образования ряда производных пастбищных лексем: (*анзызцкьара*) "естественное укрытие для хранения деревянных кадушек с молочной продукцией"; *аанзтзыз//аанзтзра* "весенние стоянки" и т.д.

Вместе с тем, можно предположить, что абхазское и абазинское *анзыз//тын* находится в связи с индоевропейским; ср.греч. topos "место", "местность", но, в то же время, исследователи не исключают возможности разъяснения абхазского названия на исконном материале[2]. Доказательность наличия ареальной кавказской лексики в индоевропейских языках является ненадуманной в

---

1 Чикобава А.С. Морфологические встречи абхазского языка с картвельскими языками. Изв. ИЯИМК, 1942, т.12, с.156-157, 164-165.

2 См.: Кварчия В.Е. Животноводческая (пастушеская) лексика в абхазском языке. Сухуми, 1981, с.113.

языкознании[3].

Еще одним свидетельством древних языковых контактов мегрелов с абхазами может явиться ბაზა//ბაზა "искусственная вода, создаваемая возле летней стоянки /ტბორი/" Лексема усвоена, судя по всему, из абхазского ашах "болото". В первой части налицо абхазское аз/ы/ "вода". Элемент - мах - не ясен, для адыгского - мыхэ/-мых/э/из дзэмыхэ/цэмых "лишай"/мед./. А.К.Шагировым предполагается связь с абх. - мах в слове ашах[4].

Мегрельское ბინძინა [5] "пастушествовать по найму" следует связывать непосредственно с абхазским словом ачыр "пастух, нанимаемый специально договором на определенный срок". Должно быть, восходит к осетинскому чарун "жить", "пасти скот"[6].

Абхазы, надо думать, заимствовали лексему через абазинское посредство. В абазинском она представлена в форме ҵыкъ "батрак", ср. также и адыгейск. / чыгъа / "батрак". На абхазской почве произошла метатеза.

Сказанное выше можно резюмировать вкратце следующим образом: мегрельское ორბა//ორბაჲ "помещение для пастухов", "стоянка для пастухов" представляет заимствование из абхазского языка; такого же порядка мегрельское ბაზა//ბაზაჲ "искусственная вода, создаваемая возле летней стоянки" (<ашах "болото") и мегр. ბინძინა "пастушествовать по найму" (<ачыр "пастух").

---

3 См: Иванов В.В. Разыскания в области анатолийского языкознания. - В кн.: Этимология, 1976, М., 1978, с.153-158; Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Картвело-"догреческие" заимствования и проблема мифа об аргонавтах. - В кн.: Балкано-балтославика. Симпозиум по структуре текста. Институт славяноведения и балканистики. М., 1979, с.21-23.

4 Шагиров А.К. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. А-Н. М., 1977, с.166.

5 Бжания Ц.Н. Из истории хозяйства и культуры абхазов. Сухуми, 1973, с.75.

6 См.: Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т.I, М.-Л., 1958, с.303; Кварчия В.Е. Указ.соч., с.117.

О.П.ДЗИДЗАРИЯ

ОТРАЖЕНИЕ МОТИВА ПИРАТСТВА АБХАЗОВ В ИСТОРИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТАХ И В ЯЗЫКЕ

Институт пиратства, как явление сложное, весьма неоднородное и изменявшееся с ходом времени, восходит к незапамятным временам. Для возникновения пиратства были конкретные социально-экономические причины: рост морской торговли, географические открытия, колониальная экспансия и т.д.

Пиратство как историческое явление в свое время было широко распространено. Оно охватывало огромные пространства, территории, омываемые северными и южными морями, Индийским, Тихим и Атлантическим океанами.

Из исторических источников известно, что финикийцы приплывали к берегам Кавказа и вступали в контакты (торговля, захват рабов и т.д.) с жителями побережья[1].

Ученые полагают, что "история местного (причерноморского, - О.Дз.) мореплавания началась... в далекое прошлое народов Скифии и Кавказа"[2].

В своих исследованиях Блаватский В.Д.[3], Иессен А.А.[4] и другие пишут, что в конце II - начале I тысячелетия до н.э. существовали нерегулярные связи эгейского мира с племенами, живущими по берегам Понта. Дружины моряков проникали к отдаленным берегам Черного и Азовского морей.

Эти плавания нашли свое отражение в мифологии древних греков, в частности, в сказаниях о походе аргонавтов за золотым руном к колхидскому царю Ээту.

По сообщениям древних авторов, в Колхиде шкуры животных, расстеленные по дну реки, использовались для добычи сносимого водой золотого песка, который застревал в шерстяном покрове . Эти сказания, сложившиеся в догомеровское время, дошли до нас в 4-й "Пифийской оде" Пиндара, в поэме Аполлония Родосского "Аргонавтика" и в других произведениях[5].

1 Нойкирхен Г. Мореплавание вчера и сегодня. Л., 1977, с.44.

2 См.: Писаревский Н.П. Местные традиции кораблестроения и мореплавания в Понте Эвксинском. - В сб.: Кавказ и Средиземноморье. Тбилиси, 1980. с.172.

3 Блаватский В.Д. Античная археология Северного Причерноморья. М., 1961, с.60.

4 Иессен А.А. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Л., 1947, с.16.

5 Петерс Б.Г. Морское дело в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1982, с.28.

Эратосфен сообщает, что древнейшие греки совершали плавания ради грабежа и торговли по Евксинскому Понту вдоль побережья от Амиса до страны Колхов...[6]

Можно допустить, что развитие берегового обмена, а также нападения, захвата имущества извне положили начало возникновению пиратства и у абхазов. Абхазское пиратство (ашхуарра) трактуется как морской разбой, чинимый частными лицами против чужой собственности, а также как пленопродавство.

В литературе довольно мало говорится о пиратстве абхазов, но имеющиеся скудные источники тем не менее рисуют абхазов на Черном море пиратами; они нередко нападали на корабли, города, вторгались в чужие пределы. В связи с этим нельзя обойти без внимания рассказ Страбона о причерноморских кавказских племенах. "За Синдикой и Горгиппией идет вдоль моря побережье ахеев, зихов, гениохов, по большей части не имеющее гаваней и гористое, так как оно составляет уже часть Кавказа. Обитатели его живут морским разбоем, для чего имеют небольшие, узкие и легкие ладьи, вмещающие около двадцати пяти человек и редко могущие принять тридцать; эллины называют их камарами... Выходя в море на своих камарах, нападая то на грузовые суда, то на какую-нибудь местность или даже город, они господствуют на море. Случается, им содействуют и владетели Боспора, предоставляя им стоянки, покупку провианта и продажу награбленного"[7].

Есть сообщения, что эти суда строились без единого железного или медного гвоздя и имели следующую конструктивную особенность: верхние части их бортов располагались близко друг к другу, а корпус расширялся. Во время штормовой погоды борта наращивались досками, образуя крышу, защищавшую судно от захлестывания его волнами. Острый и изогнутый нос и корма способствовали тому, что судно могло при необходимости приставить к берегу любым концом[8].

В эллинистическую эпоху в античном мире возникают новые государства, морской флот достигает огромных масштабов, увеличивается объем морской торговли. Это влияло на быт племен Причерноморья. Они перенимали привычку к морскому делу, торговле у греков.

Царь Боспора Эвмел "постоянно оказывал услуги византийцам, синопейцам и большинству других эллинов, живших по берегам Понта... Для защиты плавающих по Понту он вступил в войну с варварскими народами, обыкновенно занимавшимися пиратством, гениохами, таврами

6 Блаватский В.Д. Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора, М., 1964, с.10.
7 Латышев В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. - ВДН, 4, 1947, с.213-214.
8 См.: Петерс Б.Г. Указ.соч., с.35; Брашинский И.Б. Понтийское пиратство - ВДН, 3, с.126-127.

и ахеями, и очистил море от пиратов, за что и получил самый лучший плод благодеяния и похвалу не только в своем царстве, но почти во всей вселенной, так как торговые люди повсюду разнесли молву о его великодушии..."[9] Все эти действия боспорский царь Эвмел смог совершить, по словам Блаватского В.Д., потому, что имел значительный военно-морской флот[10].

Господство римлян на морях Средиземном и Черном, их военные корабли, крейсировавшие у побережья, гарантировали возрождение береговой торговли. Римский полководец Агриппа писал, "... народы, живущие вокруг Понта и Меотийского озера, которые прежде не знали даже и собственного повелителя, повинуются теперь трем тысячам гоплитов, а сорок военных кораблей создали спокойствие и мир на диком море, по которому прежде нельзя было плавать"[11].

О приеме борьбы с римскими кораблями сообщает Тацит: "Аникет /вольноопущенник понтийского царя Полемона/ сжег римские суда, забросив их горящими факелами, и стал полновластным хозяином на море. Варвары с удивительной быстротой понастроили себе кораблей и безнаказанно бороздили море. Корабли эти называются у них камары"[12].

Однако " после распада Римского рабовладельческого государства и упадка его флота, в У в. н.э., снова наступила для пиратов пора расцвета"[13]. Сказанное в полной мере можно отнести и к абхазскому пиратству. Здесь уместно отметить, что значительную роль в развитии пиратства в эту эпоху нередко играла сама географическая среда. Действительно, сильно изрезанная береговая линия, прибрежные островки, почти недоступные для крупных военных кораблей, но чрезвычайно удобные для легких пиратских судов типа иллирийских лембов или гениохских камаров, гористая местность, далекая видимость способствовали пиратству[14].

В средние века свидетелем частых набегов абхазских феодалов был французский путешественник Шарден, который в 1672 году, находясь в Мегрелии, сам материально пострадал от этих набегов.

9 Брашинский И.Б. Указ соч., с.126.
10 См.: Блаватский В.Д. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья, М., 1954, с.111.
11 См.: Фадеев В. Краткий очерк истории Абхазии. Часть I. Сухуми, 1934, с.64-65.
12 См.: Петерс Б.Г. Указ соч., с.98
13 Хельмут Ханке. Люди, корабли, океаны. Л., 1976, с.180.
14 Stein P. Zur Geschichte der Piraterie im Altertum. Bernburg, 1894, p.138.

Он пишет: "... предполагалось пересесть в лодку, но этому помешало известие (вполне потом оправдавшееся), что лодки черкесов и абхазцев крейсируют вдоль берегов Мингрелии. Они угнали местные лодки, а с ними ту, которую я нанял"[15].

У К.Кудрявцева в материалах по истории Абхазии читаем: "Абхазцы славились своими набегами и морскими разбоями даже в такой стране, каким являлся Кавказ и Малая Азия в 17 и 18 веках. Топот коней лихих абхазских джигитов приводит в страх и трепет жителей всех соседних стран, а их мелкие суда иногда бороздили и воды Босфора и смелость их набегов знало все Черноморское побережье"[16].

О пиратстве абхазов пишет и другой очевидец Сулхан-Саба Орбелиани в 1717 году, возвращаясь из путешествия по Европе в Грузию, он остановился на неопределенное время в Трапезунде, так как турецкие корабли не решались выходить в открытое море, опасаясь встречи с абхазскими лодками[17]. Интересные сведения сообщает голланский путешественник Николай Витсен: "С правой стороны Черное море, где живет народ, называемый абаса, абхазы или абассы... Они христиане по имени, но почти совсем не соблюдают христианских обрядов... Они смелые мореплаватели, и иногда из-за них бывает опасно плавание из Каффы в Константинополь. Денег там нет, но они ведут меновую торговлю рабами, воском и мехами... На черном море у них есть хорошая гавань Эшизумуни. Воюют иногда с черкесами и мингрельцами"[18].

Турецкий ученый Омар Бюрука в своей работе, посвященной абхазам, приводит цитату из "Мухитулмааариф" ("Океан знаний"), где говорится: " И в мореходстве абхазы сильны и бесстрашны... Пиратство у абхазов было развито вплоть до последнего времени. Даже во времена правления Феррух Али-паши и приобщения их /абхазов/ к исламу, пиратство оставалось основным в их коммерческих отношениях. Итак, во времена правления Махмуда П, чтобы защищать торговые суда оттоманской империи от абхазских пиратов и по рекомендации Хасана-паши, губернатором Трапезонда принимались меры. В это время советовалось капитанам судов пойти вначале в Анапу, чтобы получить дальнейшее задание и охрану"[19].

---

15 Шарден. Путешествие по Закавказью в 1672-1673. Тифлис, 1902, с.143.

16 Кудрявцев К. Сборник материалов по истории Абхазии. Сухуми, 1922, с.18.

17 Сулхан-Саба Орбелиани. Путешествие по Европе. Тбилиси, 1940, с.149.

18 Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XШ-XIX вв. Нальчик, 1974, с.90.

19 Büyükа B Ömer — Abhaz Mitolojisi Araştı?— Ystanbul, 1971, S. 171.

Грузинский историк Вахушти описывает пиратские походы абхазов таким образом: "По морям ходят на судах..., в которые они садятся по сто, по двести и по триста человек, и нападают в пути на суда османилисов и лазов-чанов и чаще всего у побережья Мегрелии и Гурии"[20]. Кроме того, он отмечает, что на море абхазы "стойки и могущественны"[21].

В своих записях Ю.Клапрот указывал, что убыхи научились у своих соседей абхазцев пиратствовать[22].

Относительно пиратства абхазов на море немало пишут историки и путешественники XIX века. Более подробно на этом вопросе останавливается Дюбуа де Монперэ, лично посещавший Черноморское побережье и встречавший морских пиратов. В первом томе своей известной книги он подробно рассказывает о том, как на его глазах вблизи Кодорского мыса небольшое торговое судно подвергалось нападению на море со стороны двух абхазских пиратских галер, причем, до прихода на помощь русского сторожевого военного судна из Сухуми, пираты успели захватить судно[23]. А.Леонид также указывал: "Эти народы (абхазы.-О.Дз.) живут разбоем, для чего употребляют узкие и мелкие лодки, которые называются по-гречески "камары" и вмещают в себя от 25-30 человек. Они составляют из этих лодок целые флотилии"[24].

Абхазы пиратствовали не только на своем побережье. По словам Э.Реклю, "абхазские суда, ходившие под веслами и под парусами, экипаж которых состоял из 200-300 человек, отважились нападать на берега Анатолии, Крыма и Европейской Турции, вплоть до Босфора"[25].

В донесении на имя Управляющего Министерства Иностранных Дел графа Нессельроде читаем: "Абахинцы (абхазы.-О.Дз.) народ подвластный Турции, теперь уже в большом количестве имеют вооруженные лодки и производят около берегов разбои. Если новые сии корсары будут иметь для пристанища удобную сумумскую (Сухумскую.-О.Дз.) бухту и так называемую Бугвиндскую, то при равнодушии с нашей стороны к сему предмету в короткое время купеческие суда наши не будут

---

20 Вахушти. История Грузии. Часть П, Тифлис, 1913, с.317.

21 Там же, с.317.

22 Адыги, балкарцы и карачаевцы... с.404.

23 Dubois de Montpereux — Voyoge autour du Caucase, chez les tcherkesses et les abkhases, ets... Paris, 1839, P. 142-143.

24 Леонид А. Абхазия и ее христианские древности с планом абхазского приморского берега. М., 1887, с.79.

25 Реклю Э. Земля и люди. Всеобщая география. УІ. СПб., 1883, с.78-79.

сметь приходить в Редут-Кале..."[26]

Нападение морских пиратов на другие суда и их ограбление чаще всего организовывались местными абхазскими князьями и дворянами, например, князь Келешбей Шервашидзе - Чачба, по словам неизвестного автора, "силой оружия покорил он себе Джакетский народ, обитающий по берегу Черного моря, от монастыря Гагры до селения Мамая. Имев всегда при себе готовую к бою стражу от 400 до 500 ратников и некоторое число хорошо вооруженных галер, он держал в страхе всех жителей морского берега от Геленчицкого залива до Батума, находящегося в Турецкой Гурии и которым так же управлял, по родственным связям своим с пашею Трапезонтским"[27]. А также по рассказам стариков, группами крестьян. По свидетельству одного из наших информаторов, у устья реки Мчыщ, в прошлом находилась стоянка лодок Ашхуар. Это место называлось Гъыгъырпза , здесь находилось множество людей, охранявших свои лодки. Невдалеке была возвышенная местность под названием Пшьхурпза , где располагался наблюдатель. Когда этот наблюдатель замечал чужие фелюги, то сообщал о появлении последних товарищам, и абхазы на своих лодках (• ашхуар) выходили в море на разбой (зырҳэра). Поблизости от устья реки стояла башня Амбарта, которая использовалась как тюрьма. Жившие рядом с башней абхазы по фамилии Апцхуа и Амгуджба держали пленных (азҟуацэа), захваченных во время морских разбоев[28].

В связи с рассказом последнего информатора уместно сослаться на высказывание Ш.Д.Инал-ипа об устьи реки Мчыщ: " Это, по всей вероятности, Cavo de Buxo , то есть "Самшитовый порт", средневековых карт, причем это название, как заметил еще Дюбуа, было дано ему вполне заслуженно, ибо здесь некогда процветала торговля изобиловавшим вокруг высококачественным абхазским самшитом"[29].

Отголоски морского разбоя находим в героическом сказании " Ажьы Цҷеку ". В нем говорится о том, как в далеком прошлом для грабежа на своих лодках приплывали к берегам села Мгудзырхуа соседние племена аибгаа и ахдзысаа .

---

26 Управляющему Министерства Иностранных дел графу Нессельроде. Материалы по истории Абхазии XIX в. Абгосмузей, ф.4, оп.I, арх. №4, с.5.

27 "Статистический взгляд на Абхазию". - Краткие исторические сведения об Абхазии. "Тифлисские ведомости", №24-26, 1831.

28 Со слов Платона Джировича Дбар, 80 лет (Гудаутский район, с.Мгудзырхуа. Записано нами 20 августа 1981г.).

29 Инал-ипа Ш.Д. Абхазы. Сухуми, 1965, с.292.

В один из таких дней они решили захватить то место, где были сосредоточены лодки и корабли жителей села Мгудзырхуа. Эту местность сами жители села называли Ауарбшара. Далее в сказании описывается морское сражение между пиратами и немногочисленной флотилией местных жителей[30].

До сегодняшнего дня на Бамборском мысе недалеко от города Гудаута сохранился выступ под названием Ашачабыкҳ -"вводящий в заблуждение (суда) уступ берега[31]; по словам Г.А.Дзидзария, в бурную ночь пираты зажигали на выступе огонь, чтобы сбивать с правильного пути суда с тем, чтобы они разбивались о скалистые уступы Бамборского мыса[32].

Выше были упомянуты три слова, связанные с институтом пиратства на Черном море (ашхуар, азырҳэра, азҟуара), а также такие топонимы, как Гъыгъырпза, Пшьхурпза, Ашачабыкҳ. Следует отметить и то, что пиратство находит отражение в абхазских поговорках. Ср., например, Ралҳ дызҭзам зба зныкуам "Не бывает корабля без негра" (букв. "не плавает корабль без негра"). Эта поговорка, безусловно, связана с пиратством на море, поскольку негры попадали на суда в роли рабов, выполнявших самую тяжелую работу; Ахуар рцыҳахны азба дырҳэуан "(в смысле, могли безшумно грабить корабли„)" - букв. "Держа во рту тростник, под водой грабили корабли"[33].

" Зашхуа упзу шаҳа уҳэа " - В чьей лодке сидишь, того и песню пой. Пословица с очевидностью указывает на то, что абхазы занимались пиратством.

"Сызҭаз ашхуа зегьы прецандаз" - Была бы лодка, в которой я плыву, больше всех других, т.е. иметь большую лодку - значит быть сильным, обладать властью.

---

30 Абхазские народные историко-героические сказания. Состав. С.Л.Зыхуба, Сухуми, 1978, с.109-110 (на абх.яз.)

31 Дзидзария Г.А. Из истории мореходства в Абхазии.-Труды СГПИ им. А.М.Горького, т.XII, Сухуми, 1959, с.89 (со ссылкой на И.Адзинба. Архитектурные памятники Абхазии. Сухуми, 1958, с.49).

32 Дзидзария Г.А. Указ.соч., с.89.

33 Со слов Гожба Р. Зав.отделом Абхазгосмузея.

Нельзя обойти и фразеологизм "*Уашхуа мазыгыс!*" Это религиозно-мифологический образ теперь в абхазском языке используется как выражение самой сильной, верной клятвы и заверения. У турецких абхазов понимают значение "*Уашхуа мазыгыс*", по словам Омара Бюрука, так: у этого божества сила океана и является покровителем капитанов[34].

Как можно увидеть из данной статьи, характер выявленного лексического материала достаточен для подтверждения адекватности сообщений исторической традиции о глубокой и многовековой привязанности абхазов к морю, несомненно, и в роли пиратов.

34 Гожба Р. Материалы из личного архива.

В.М.БГАНБА

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ И ФУНКЦИЯХ АБХАЗСКИХ ТОПОНИМИЧЕСКИХ МОРФЕМ С ЭЛЕМЕНТОМ (КОМПЛЕКСОМ) ЦЦЬ[1]

Значительный удельный вес в формировании семантических рядов системы имен - топонимов абхазского языка занимают имена с морфемами (компонентами) *цыц* (*цыца* (*Цыбалма, Ряазыц*), *-ныцыц* (*Гулрыцыц, Цандрыцыц*), *азыц* (*Кэдэазыц, Аязыра*).

В существующей специальной литературе высказаны различные мнения относительно происхождения и функций этих морфем.

Следует отметить, что в работах, в которых исследователи так или иначе соприкасались с этим вопросом[2], наличные в абхазских топонимах морфемы с элементом *цыц* функционально и по происхождению рассматриваются в основном как единые, и, вследствие этого, односторонне увязываются с понятиями: "воды" (или "реки"), "святое", "община".

I В специальной литературе их называют основами, элементами, окончаниями. Ввиду того, что в исследуемом ряде имен наличны как суффиксальные, так и корневые (служебные и неслужебные по функциям) образования с элементом *-цыц*, в работе будем пользоваться термином "морфема".

2 Наряду с работами, в которых вышеназванные морфемы рассматриваются как часть более общей проблемы (работы: Джавахишвили И. Основные историко-этнологические проблемы истории Грузии, Кавказа и Ближнего Востока древнейшей эпохи. Тбилиси, 1950, с.246-247; Гожба Х.С. Бзыбский диалект абхазского языка. Тбилиси, 1964, с.257-258; Коков Дж.Н. Адыгская (черкесская) топонимия. Нальчик, 1974, с.50,71; Шагиров А.К. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. М., 1977, П, с.27; Анкваб И.Б. Разыскания в области исторической этно- и топонимии Абхазии. АКД, Махачкала, 1984, с.6-9), имеются и специальные исследования (работы: Гожба Х.С. Некоторые вопросы абхазской топонимики. - В кн.: Этюды и исследования. Сухуми, 1974; Шакирбай Г.З. Географические названия в Абхазии с элементом "*цыц*". - Известия АБИЯЛИ, т.3, 1974; Басария И.Б. Лексико-грамматическая структура абхазского топонима на *-ныцыц*. - В кн.: Лингвистические исследования 1975; Исследования по грамматике народов СССР. М., 1975; Ее же. Еще раз об абхазских топонимах на *-ныцыц*. - В кн.: Лингвистические исследования 1976. Вопросы фонетики, диалектологии и истории языка. М., 1976).

Так, И.Джавахишвили, связывая морфему с элементом *гыль* в топонимах с понятием "воды" или "реки", и признавая ее адыгской по происхождению, писал: "... с крайнего северо-запада, на пространстве, занимаемом издавна абхазами, имеются реки, имена которых оканчиваются на *гс* и *гыи* , как то: Ахыпс, Аапс, Хыпс, *Лашыгс, Гумрыгыи, Качарыгыи, Ормыгыи, Гагрыгыи и Ралги.* Ни для одного из этих окончаний *-гс* и *гыи* в абхазском языке объяснений не находится, между тем, как на черкесском, как мы уже знаем, *гсы* значит "вода", *псухо* -"река". Ясно, что такие наименования рекам могли дать только адыгские племена. То же самое можно сказать относительно происхождения имен с исходом на *гыи*"[3]. Этого же мнения придерживался Х.С.Бгажба в работе "Бзыбский диалект абхазского языка"[4].

Г.З.Шакирбай, не разделяя мнения о связи морфемы с элементом *-гыль* с "водой", предложил иное объяснение, увязав ее в топонимах со словом *агыла* "святой"[5].

В работе "Некоторые вопросы абхазской топонимики" Х.С.Бгажба, отделяя морфему с элементом *-гыль* , наличную в ойконимах типа *Гумрыгыль, Гандрыгыль*, от морфемы с элементом *-гыль* в гидронимах, пишет: "Топонимы..., обозначающие названия крупных поселений, едва ли можно относить к речным названиям. Основу *гыль* в указанных топонимах надежнее увязывать с понятием "домен" (земельное владение феодала) или обозначает принадлежность, о чем может свидетельствовать и старинное абхазское выражение *ры-гыль итзанйдаашт*-букв.: "пусть исчезнут они в своем владении" (в смысле: да пусть они изведутся, погибнут в пропасти).

Кроме того, должно быть учтено и то обстоятельство, что в адыгских языках имеется слово *пшьэ* "князь", "владетель", которое, вполне допустимо, на абхазской почве могло подвергнуться некоторому семантическому переосмыслению в направлении "владение", "принадлежность"[6].

---

3 Джавахишвили И. Основные историко-этнологические проблемы истории Грузии, Кавказа и Ближнего Востока древнейшей эпохи. Тбилиси, I950, с.246-247.

4 Бгажба Х.С. Бзыбский диалект абхазского языка. Тбилиси, I964, с.257-258.

5 Шакирбай Г.З. Географические названия в Абхазии с элементом "*гыль*". Известия АбИЯЛИ, т.Ш, I974, с.80-83.

6 Бгажба Х.С. Некоторые вопросы абхазской топонимики. -В кн.: Этюды и исследования. Сухуми, I974, с.I70.

Иную интерпретацию предлагает И.Б.Басария[7], связывая элемент *гыль* (компонент морфемы *рыгыль*) со словом *ауагыль* "община", которое она представляет сложной: "... мы можем исторически его (*ауагыль*. -В.Б.) представить в развернутом виде как: *уа* - "сородичей", *гы* - "установленная обычаем", *ль* - *лыа* -"кровность" (братство)" или "кровная общность", она же "род". В этом случае упомянутое выше топонимическое название *Кагрыгыль* следует понять как "Гячевых обычаем установленная общность, кровность", т.е. "Гячевых община"[8].

Следствием сосуществования данных разноречивых мнений и явилось, видимо, объединение в один гидронимический ряд образований типа *Гыльгы, Гыльандра* (абх.), *Гильад, Кахачи* (адыг.) с образованиями типа *Гумрыгыль, Гагрыгыль* в работах Дж.Н.Кокова[9] и А.К.Шагирова[I0].

Анализ фактического материала показывает, что имена-названия населенных пунктов типа *Гумрыгыль, Гандрыгыль* объединяет как морфема *-рыгыль* , так и то, что в первых компонентах этих образований проступает фамильная (родовая) основа[II], о достоверности чего говорят и сообщения авторов прошлого[I2]. Они составляют преобладающую часть из абхазских топонимов с элементом *-гыль* и в ареале их распространения, в основном, нет одноименных гидронимов. Кроме того, эти образования характеризуются единой словообразовательной конструкцией, структурная модель которой связана деривационно со структурной моделью словосочетаний, построенных

---

7 Басария И.Б. Лексико-грамматическая структура абхазского топонима на *-рыгыль* . - В кн.: Лингвистические исследования, I975. Исследования по грамматике народов СССР. М., I975; Ее же. Еще раз об абхазских топонимах на *-рыгыль*.- В кн.: Лингвистические исследования I976. Вопросы фонетики, диалектологии и истории языка. М., I976; Ее же. (И.Б.Анкваб. Разыскания в области исторической этно- и топонимии Абхазии. АКД, Махачкала, I984, с.6-9.

8 Басария И.Б. Лексико-грамматическая структура, с.6-7. Ее же. Анкваб И.Б. Разыскания в области..., АКД, с.6-9.

9 Коков Дж.Н. Адыгская (черкесская) топонимия. Нальчик, I974, с.50,I07.

I0 Шагиров А.К. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. М., I977, т.П, с.27.

II Бгажба Х.С. Некоторые вопросы..., с.I70.

I2 Званба С.Т. О Гагре и джигетах. - В кн.: С.Т.Званба. Абхазские этнографические этюды. Сухуми, I982, с.5-I5; Эвлия Челеби. Книга путешествий. М., I983, с.44-45.

на основе атрибутивно-посессивных отношении. В структуре этой словообразовательной конструкции сохраняется (материально) посессор - аффикс третьего лица множественного числа -*р-*, в деривационно связанных с ним (словообразовательной конструкцией) словосочетаниях, выражавший отношение принадлежности определяемой части к определяющей. Подобные образования естественны и для нынешнего состояния абхазского языка, срв. *ажьы/гьы* "виноградный сок", *анызарыкоо* "божья коровка" и т.д., в которых семантика первых компонентов мыслится в плане собирательном. В структурно-морфологическом плане подобные образования имеют формулу сущ. + аф. + сущ. Сочетаемость морфемы -*ныгьы* в них всегда отнотипна; характеризуется строгой постпозитивной дистрибуцией.

Морфема же -*гьы*//-*гьыа*, встречающаяся в именах-гидронимах, характеризуется иными дистрибутивно-валентностными свойствами: встречается в препозиции срв. *Пцыашта* -букв. "седая (белая) река", в постпозиции срв. *Ржагьы* , участвует в синхронном сложном производстве, срв. *Сыгьыбара* -букв." двуречье". Может оформляться различными словообразовательными суффиксами срв. *Пцыагъ*, *Пцыша* [13], *Пцыажьа*, *Пцыгьар*, *Пцыандра* и др.

Первый из этих гидронимов -*Пцыагъ* оформлен суффиксом -*гъ* , который материально и функционально идентичен суффиксу -*гъ* , наличном в гидрониме *Бзыгъ* , которую С.Джанашиа объясняет при помощи черкесского (адыгского) - *гъы* (-*гъа*) - "нос", конец, устье реки"[14]. Как показали исследования, и в абхазском языке

---

13 Так называется небольшая местность в Очамчирском районе. Однако вряд ли будет целесообразно отрывать его от гидронимов *Пцыгьар*, *Пцыажьа* (названия которых перенесены соответственно и на прибрежные участки), с которыми он образуется на сравнительно небольшой территории свой гидронимический ареал. *Пцыша* - собств. "речка, речушка". Должно быть, именно так, суффиксально, выражалось понятие речки в абхазском языке, срв. абаз. *зы'аҳкуша* -букв. "река маленькая", "речка". Дифференцированное же выражение понятий "река" и "речка" разнокоренными словами как *ажьыа* и *ақуара* в современном абхазском языке, должно быть, отражает не исходное состояние, Срв. абаз. *куарыі* -"овраг, балка" без связи с "водой" в отличие от абх. *ақуара* -"речка".

14 Джанашиа С. Черкесский (адыгейский) элемент в топонимике Грузии. Сообщение Грузинского филиала Академии наук СССР, т.I, № 8, I940, с.628.

имеется элемент -*гъ* со значением перед, впереди[15]. На общеабхазо-адыгский характер именной основы -*гъ* указывает М.А.Кумахов[16].

В следующем ойкониме *Пцыша* (гидрониме исходном), выделяется суффикс оценочно-экспрессивного характера -*ша* . Значение его уменьшительно-ласкательное, как то явствуют примеры, срв. *газы -ша* -дурачок (*агаза* - дурак), *баҭыша* -буйволеночек (*абаҭ* - буйволенок) и т.д.

Примерно такого же (оценочно-экспрессивного) характера, надо полагать, и элементы -*гьар* -*гьа* , выступающие в гидронимах *Пцыгьар*, *Пцыажьа*.

Таким образом, морфема -*гьы*//-*гьыа* наличная в абхазских гидронимах, может выступать во всех позициях (поливалентна) в составе имен композитов; может самостоятельно оформляться суффиксами (локативными, оценочными и т.д.). Полную аналогию (структурную и функциональную) имеем в адыгских именах-гидронимах с морфемой *пш* . Срв. адыг. *Пшаф*, *Пшеуагез*, *Нахачи*, *Нексеи* [17] и др.

Должно быть, именно эти, совпадающие как функционально, так и по своим синтагматическим свойствам морфемы *пш-пы*//*пша* носят общеабхазско-адыгский характер и связаны с понятием "воды" ("реки").

Как явствует фактический материал, гидронимическая морфема *гьыь*// *гьыа* находит менее широкое употребление как в абхазской, так и в адыгской гидронимии (и в этом полная аналогия между родственными языками), чем ее вариант -*гьы* [18], что, хотя бы и кос-

---

15 Ломтатидзе К.В. Тапантский диалект абхазского языка. Тбилиси, I944, с.200.

16 Кумахов М.А. Морфология адыгских языков. Нальчик, I964, с.I73.

17 Примеры взяты из книги: Коков Дж.Н. Адыгская (черкесская) топонимия, Нальчик, I974, с.50.

18. И.Джавахишвили этимологически объединял морфемы *гьыь* и *гьы* в адыгских языках. См.: Джавахишвили И. Основные историко-этнологические проблемы..., с.247; Кумахова З.Ю. также объединяет эти морфемы, считая морфему -*пш* вариантом морфемы -*гьы*. См.: Кумахова З.Ю. Развитие адыгских литературных языков. М., I972, с.2I3.

венно, говорит об общности как основы -*гъсы*[19], так и основы *гъшь* в абхазо-адыгских языках. Не указывает ли это и на первичность морфемы *гъшь* по отношению к *гъсы* ? В связи с этим обращает на себя внимание характерная для большинства адыгских диалектов тенденция перехода общеадыгского мягкого шипящего спиранта *шь* в свистяще-шипящий спирант *с'* [20]. Как известно, морфема *гъсы* , широко распространенная в абхазской гидронимии (в основном в Бзыбской Абхазии), представлена именно свистяще-шипящим спирантом *с'* [21], которому в абжуйском диалекте соответствует спирант -*с* .

Обращает на себя внимание еще одна морфема с элементом *гъшь*, которая, должно быть, не имеет ничего общего с вышеупомянутыми морфемами. Это - морфема *ацшь* , встречающаяся в топонимах *Ацбацшь, Ацацшь* (гидронимы), построенных также по принципу атрибутивных моделей и имеющих морфологическую структуру сущ. + прилаг. (простое основосложение)

В этих образованиях морфема -*ацшь* связана со словом *ацшь* "красноватый, красный", "рыжий", что соответствует и природе самих номинатов. Эта же морфема имеется в двух одноименных ойконимах (местечки) *Ацыра* (в Калдахваре) и *Ацыра* (в верховьях р.Кодор), оформленных суффиксом собирательности *ра* и выражающих понятие " красноземья".

Что касается элемента *гъшь* - компонента морфемы -*рыгъшь*, наличной в образованиях типа *Гулрыгъшь, Гандрыгъшь* , как отмечает Х.С.Бгажба[22], не может быть связана с понятием "воды" или "реки". На это указывает и отсутствие (в основном) на территории этих населенных пунктов одноименных гидронимов. Косвенно указывает на это и отсутствие в адыгской топонимии аналогичных образований.

I9 Об общности основы -*гъсы* для абхазо-адыгских языков см.: Инал-ипа Ш.Д. Страницы исторической этнографии абхазов. Сухуми, I97I, с.4, сноска 2. Это мнение разделяют и языковеды Дж.Н.Коков (см.: Коков Дж.Н. Адыгская (черкесская) топонимия, Нальчик, I974, с.I07) и А.К.Шагиров (см.: Шагиров А.К. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. М., I977,с.I6)

20 Кумахов М.А. Сравнительно-историческая фонетика адыгских (черкесских) языков. М., I98I, с.I98-200.

2I Бгажба Х.С. Бзыбский диалект..., с.32,253.

22 Бгажба Х.С. Некоторые вопросы..., с.I70.

Однако, трудно согласиться с мнением о том, что элемент -*гъшь*, наличный в образованиях этого ряда, может быть связан "... с понятием "домен" (земельное владение феодала) или обозначает "принадлежность"[23], так как у нас нет подтверждающего это языкового материала. Допущение же, что адыгское "... слово *пщэ* "князь", "владетель" на абхазской почве могло подвергнуться некоторому семантическому переосмыслению в направлении "владение", "принадлежность"[24], представляется не совсем убедительным, ибо абхазский язык не заимствовал самого адыгского слова *пщэ* и для выражения понятия "владение" использует исконный термин *ахэтын//ахэтыкъа*, первая часть которого связана со словом *аҳэ* - "князь", "владетель".

Вызывает возражение и мнение Г.З.Шакирбай о том, что элемент *гъшь* связан со словом *ацшьа* "святое"[25]. Сомнение вызывает то, что в абхазском языке нет слова *ацшьа* , которое означало бы "святыня", т.е. было бы именем существительным. Есть глагол *ацшьара* "освящать" (срв. *Анаҳ ибаз ицшьеит* посл. -букв. "Поп что увидел, то и освятил") и производное от него причастие *ацшьа* "освященный", "святой". Ясно, что в образованиях типа *Гулрыгъшь, Гандрыгъшь*, связанных деривационно со словосочетаниями атрибутивно-поссесивного характера и имеющих морфологическую структуру сущ. + аф. + сущ., участие подобной основы было бы противоестественным. Эта основа может выступать в атрибутивных образованиях иного характера, срв. *ацгъшьа* "святая, живая вода", где основа *гъшьа* является определением при определяемом.

Недостаточно обоснована связь элемента -*гъшь* со словом *ауацгъшь* "община", как и этимология самого слова *ауацгъшь* , предложенная И.Б.Басария (Анкваб).

В первую очередь следует отметить, что представление слова *ауацгъшь* исторически в развернутом виде как: *уа* - "сородичей" -*гъ*, "установленная обычаем" -*шь* (*шьа*) - "кровность (братство)" или "кровная общность", она же "род"[26] носит несколько произвольный характер. Здесь, как нам кажется, не совсем учтены закономерности соединения морфем абхазского языка в более

---

23 Бгажба Х.С. Некоторые вопросы..., с.I70

24 Там же, с.I70.

25 Шакирбай Г.З. Географические названия...; с.80

26 Басария И.Б. Лексико-грамматическая структура...,с.6-7. ЕЕ же - Анкваб И.Б. Разыскания в области..., с.8.

сложные структуры. Надо было, видимо, учесть и историю развития слов, рассматриваемых в качестве компонентов слова - *ауаҩыцъ*, изученных в специальной литературе.

Так, в соответствующей литературе отмечено, что к терминам родства прибавляется префикс взаимности *аш*[27], который носит более стабильный характер для форм во множественном числе[28]. Отмеченная лабильность этого префикса[29], должно быть, отражает наметившуюся общую тенденцию ослабления этой категории для абхазского и абазинского языков[30]. Это обстоятельство ставит под сомнение связь комплекса - *уа* с термином - *ауа* "сородич". Обращает на себя внимание и отсутствие слова *ауа* - "родственник" в абазинском языке, где в данном значении употребляется термин *ашуа*, исходное значение которого сохраняется и поныне в абхазском языке[31].

Если же допустить, что префикс *аш-* не был наличен в пору формирования слова *ауаҩыцъ*, наряду с признанием исходности (или параллельного сосуществования) формы *ауа*, то слово *ауаҩыцъ* должно было выглядеть по крайней мере как *ауа-р-ыҩыцъ*, ибо исследователь (И.Б.Анкваб) считает, что компонент *уа* "сородич" употреблен в данном слове в форме *pluralia tantum*[32].

Представляется не совсем верным и следующее утверждение: "Глагольно-именной элемент слова *ҧ* = до сих пор известен в полусамостоятельном употреблении (разрядка наша.-Б.В.) со значением "быть в обычае", "быть (общественно) установленным", "быть (общественно) принятым", например, *наҵу аҧас ала* "по обычаю", "в установленном обычном порядке" (букв. обычно по обычаю)"[33].

Дело в том, что в абхазском языке налична восходящая к именной основе *ҧы* - "перед, нос" преверб-основа *ҧ*, находящая

27 Ломтатидзе К.В. Категория взаимности (взаимосоюзности, взаимообщности) в абхазско-адыгских языках. ИЮЯ ХП, Тбилиси, I960, с.276 (на груз.яз.).

28 Конджария В.Х. Термины родства и семейных в абхазско-абазинских диалектах.-Ежегодник ИЮЯ, П, I975, с.II2.

29 Ломтатидзе К.В. Категория взаимности..., с.276.

30 Этой тенденцией охвачена значительная часть абазинских глаголов: срв. *акартоф алыхра* "перебирать картофель"; *ахъабра алыҩт* "косы расплелись", которые в абх. языке немыслимы без префикса *аш*.

31 Конджария В.Х. Термины родства..., с.II2-II3.

32 Анкваб И.Б. Разыскания в области..., с.7.

33 Там же, с.8.

широкое применение в глаголах абхазского языка, и которая выражает в них по существу локативные (в статических) и, наряду с локативными, направительные (в динамических) значения[34]. Многочисленные примеры (срв. *ахьыпара* "встречать, идти навстречу"; *ахьырҳра* " отходить, отойти"; *ахьынгапара* - "нести что-либо навстречу кому-либо"; срв. так же (абаз.) *ахҳапра* "удариться, столнуться с чем - кем-либо" и т.д.) показывает, что семантика преверба - основы - *ҧ* предполагает направленность действия, процесса от или к лицевой, передней части кого - чего-либо, или взаимную обращенность участников действия друг к другу в зависимости от значения (аддетивного или абитивного), выражаемого прибавляющимися корнесуффиксами, что явно соответствует первичному значению и происхождению преверба-основы - *ҧ*, как трансформы слова - *ҧы* "перед, нос". Обнаруживающаяся же в приводимых автором примерах - *ахҳара* "устанавливать" (обычаи, правопорядки), "создавать" (произведения искусства); *ахьхра* "устранять" (обычаи, правопорядки) и т.д. - нейтрализация (абстрагирование) первоначально конкретного значения преверба -основы - *ҧ*, является характерной тенденцией в развитии семантики превербов-основ вообще, срв. со статическими глаголами, состоящими из аналогичных основ: *ихҳоуп, йҳоуп, йлоуп*, которые в определенном смысле так же синсемантичны. Должно быть, этим объясняется и "полусамостоятельность" слова "*наҵыц* ", а не древностью его в лексическом составе абхазского языка. Недостаточно обоснована и связь элемента - *шь* с понятием "спаянная кровью и плотью людская общность"[35], как и реконструкция слова *ашьҧра* "род": *шь-* → *шьа* "кровных", *-ҧра* "гнездо" (собственно *ҧ-* → *ҧза* "место", *-ра* "многих")[36], приводимая в подтверждение этому[37].

34 Об этих значениях превербов-основ см.: Ломтатидзе К.В. К структуре сложносоставных глагольных основ в абхазском языке. ИЮЯ, I952, т.IУ, с.203.

35 Анкваб И.Б. Разыскания в области..., с.8.

36 Там же, с. 7-8.

37 Элемент *-ра* в слове *ашьҧра* "род" неотделим от суффикса абстрактных имен *-ра*, элемент же *-шь* связан не со словом *а-шьа* "кровь", а со словом *ашьаҧы* "нога". В целом *ашьҧра* "род" производно (лексико-семантически) от слова *ашьҧра* "след, следы", как то правильно интерпретировал Н.Я.Марр, см.: Н.Я.Марр. "Абхазско-русский словарь", Л., I926, с.99-I00. О связи элемента - *шь* в слове *ашьҧа* "след" со словом *ашьаҧы* "нога" см.: Ломтатидзе К.В. Тапантский диалект..., с.93-95.

В связи с этим интересно отметить, что абазинский язык, заимствовавший из кабардинского для выражения понятия "род", "фамилия" слово лъэкъ//лэкъ "род" (каб.), "племя", "нация", "порода", "вид", "разновидность" (адыг.), заимствовал из этого же языка и слово лъапсэ "корень", "основание", "нижняя часть чего-либо" (адыг.) "основа", "имение" (каб.)[38], которое также развил в направлении "род", фамилия". Срв. также с нем. Stamme I. "ствол" 2. "племя, род"; "семья, дом"; Stammvater "родоначальник"[39], где понятие "племя", "род" также не связано с "кровью".

Вызывает сомнение и существование в прошлом самого слова ауазшь в значении "община". Несомнено одно: для выражения понятия "община" абхазы по крайней мере в начале нынешнего столетия употребляли слово ауазшь . Это слово употребляют пожилые абхазы и ныне, причем иногда и его вариант ауазшьна. В "Русско-абхазском словаре" зафиксирован и вариант ауачшьына[40]. Случайно ли сходство русского слова община и слова ауазшь// ауазшьна // ауазшьына?

Известно, что заимствованные из других языков (особенно неродственных) слова могут сосуществовать в языке в виде ряда адаптированных (в фонетическом, морфологическом и пр. отношениях) форм, из которых устойчивой оказывается не всегда самая близкая к первоисточнику (варианты ауазшьна//ауазшьына мало кому известны даже среди пожилых людей), что ведет к появлению иллюзорных ассоциаций со словами заимствующего языка, и, что порой ведет к затушевыванию самого факта заимствования[41]. Явление подобного рода наблюдается, по нашему мнению, и в данном случае. На это указывает и суффикс -на , сохраненный в форме ауазшна[42],

38 Шагиров А.К. Указ.соч., с.246, 251.

39 Немецко-русский словарь. М., 1968, с.774-775.

40 Русско-абхазский словарь. Сухуми, 1964, с.376.

41 Срв. с историей развития немецких слов Brandenburg "Брандербург" (топоним) и Armbrust "арбалет", которые соответственно связаны со старославянским Branibor и латинским arcuballista , но вследствие логической ассоциации с внешне созвучными исконными словами Brand "пожар" и Burg "город", в первом случае, и Arm "рука" и Brust "грудь" во втором случае, развились до форм Brandenburg и Armbrust. См. об этом: Искоз А. Ленкова А. Лексикология немецкого языка. 1970, с.26-29 (на нем.яз.).

42 Наличие у слова ауазшь двух вариантов в виде ауазшьна

где и отпал под влиянием характерного для абхазского языка интенсивного ударения, которое, вызывая редукцию и выпадение безударных гласных и даже целых слогов (Ломтатидзе К.В.), ведет к стяжению корней, основ. Нормам абхазской фонетики не противоречит и передача русского лабиального гласного среднего подъема - о дифтонгом уа, срв. рус."кофта" абх."ауафта"; рус."закон" абх. "азакуан" и т.д., а также передача русского смычного б абхазским глухим придыхательным п, срв. рус. "бутылка" абх."апатлька" (Смычной -б мог оглушиться и вследствие соседства его с глухим спирантом шь).

Таким образом, слово ауазшь , равно и его варианты ауазшьна//ауазшьына, заимствованы из русского языка. Это явление находит типологические параллели в абазинском и ряде других кавказских языков (адыгейском, лезгинском, ингушском, карачаевском, балкарском)[43]. Следовательно, слово ауазшь "община" не могло участвовать в формировании имен-топонимов типа Гумрыкшь, Цандрыкшь , образование которых, несомненно, хронологически предшествовало заимствованию этого слова из русского языка[44].

// ауазшьына, является, должно быть, отражением двоякой передачи русского слова "община", как "община" и "община", т.е. в первом варианте - ауазшьна , безударной и нефонематичный для абхазского языка - и попросту выпал; срв. рус. "капитан" - абх. аказдан, тогда как подударный и, наличный в форме "община", заменился артикуляционно близким иррациональным ы. Срв. рус. "машина" - абх. амашына ; рус."спичка" - абх. аспычка.

43 См.: Абазинско-русский словарь под ред. Тугова В.Б. М.,1967, с.295, а также другие национально-русские словари.

44 Русское слово "община" могло проникнуть в абхазский язык после введения царского военно-административного аппарата в Абхазии и последовавшего за ним, в 1868г., введением общинного и сельского управления, по которому все села Абхазии были разделены на 41 общину (подробнее об этом см.: Дзидзария Г.А. Махаджирство и проблемы Абхазии XIX столетия. Сухуми, 1975, с.295). С этим явлением связано, по всей вероятности, заимствование этого слова и рядом кавказских языков (в том числе и неродственными-карачаевским, балкарским).

Исходя из вышеизложенного представляется возможным элемент *гъыль* (компонент морфемы -*рыгъыль*), наличный в образованиях этого ряда, увязать генетически с иным словом. Таковым нам видится, наличное в абхазском языке и имеющее реальное значение "бок", "боковая сторона", "край, крайняя часть", "конец" слово *агъыль*, срв. *агъыль цъыззза* "длиннобокий" (о долговязом, чрезмерно длинном человеке); *акырцха агъыдза* "полы черкески" срв. также "... *Дзкыбын Уарчеи рыгъыбак, аиныкы азаагурам*."[45] "близ моря, на смежной полосе Дзкыбына и Уарчи..." (*Дзкыбын, Уарча* - ойконимы). Представляется естественным семантическое развитие слова *агъыль* - "бок", "край", "конец" в направлении "край, земля, область", что, должно быть, находит типологическую параллель и в русском языке. Срв.: рус. край "начало и конец; предел, рубеж, грань, кромка; бок, сторона или полоса, ближняя к наружности; // берег, сторона// земля, область и народ"[46].

Итак, слово *агъыль*, наряду с исходным основным значением "край", "бок", "боковая часть", "конец", имело и переносное значение "край", "область", "земля". Будучи именем основа эта участвовала в образовании имен-топонимов, построенных на основе атрибутивно-поссесивных отношений: *Гулрыгъыль* собств. край, земля Гулов; *Цандрыгъыль* - край, земля Цандов и т.д.

Затемнению значения слова *агъыль* -"край", область, земля" сопутствовало несколько факторов: а) употребление его в качестве частотного компонента имен композитов, что ведет к обособлению от первоначально присущего ему значения к грамматикализации через статус серийности[47] (по существу в плане синхронии морфема - *рыгъыль* - суффикс); в) заимствование русского слова община, которое оказалось близким как материально (по звучанию), так и по обозначаемой им реалии, что, по-видимому, в некотором роде облегчало и сам акт заимствования, и процесс освоения (адаптации фонетической, морфологической и т.д.) заимствованного слова; в) переход образований этого типа в разряд непродуктивных, ввиду прекращения образования обозначаемых ими реалий (отношений), т.е. ослабления и постепенного исчезновения принципа расселения по родовому признаку.

45 *Чайэ Чачу шэкэабжьоуа Ацуа*, 1983, с.20-21.

46 Владимир Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т.П, М., 1979, с.184; см., также: Этимологический словарь русского языка. Под редакцией Н.М.Шанского. I-П, вып.8, 1982, с.368.

47 Эрбен И. Введение в словообразование немецкого языка. Берлин, 1975, с.226 (на немец. яз.).

Таким образом, в исследуемом ряде имен мы имеем регулярно почти совпадающие в плане выражения единицы с общим (материально) элементом (комплексом) *гъыль*.

Дифференциация омонимов (омонимичных морфем), входящих в разноплановые (структурно-морфологическом, словообразовательном и пр. отношениях) образования, сопряжена с определенными трудностями, вызываемыми как языковыми, так и внеязыковыми факторами, поэтому данная статья не претендует на полное раскрытие природы рассматриваемых морфем.

Однако, подводя некоторый итог всему изложенному, можно утверждать, что в исследуемом ряде имен наличны по крайней мере три морфемы с элементом *гъыль*, совпавших формально в ходе исторического развития соответствующих корней, основ[48], но различающихся по своим семантическим, синтагматическим и другим свойствам.

I. Одна из этих морфем *гъыль//гъыа*, характеризующаяся одинаковыми синтагматическими свойствами с адыгской гидронимической *пш*, (*Гъыбзыпа, Сыгъзыбара, Ряпшь* (абх.), *Пшекиш, Кахапш* (адыг.) как и ее вариант *псы* (*Псоу, Машъсы* (абх.) *Пслыкоф, Залымыкъыдж* (адыг.), носит общеабхазо-адыгский характер и связана с понятием "воды" ("реки").

2. Морфема -*рыгъыль*, наличная в образованиях типа *Гулрыгъыль, Цандрыгъыль*, является с точки зрения диахронической сложной: состоит из притяжательного аффикса 3 лица мн.чис.-р и слова *агъыль*, имевшего наряду со значениями "край", "крайняя часть"; "бок", "боковая часть" и переносное значение "край", "область", земля". Последнее, переносное значение и нашло свое воплощение в качестве одного из составляющих в топонимах этого ряда.

3. Морфема *агъыль*, связанная со словом *агъыль* "рыжий, красноватый", также находит применение в абхазской топонимии *Агъыра* (ойконим), *Ацъгъагъыль, Ацагъыль* (гидронимы) и характеризует объекты, соответственно, выражаемой ею качеством.

48 Так, например, для формы *агъыль* "рыжий, красноватый", исходной является форма *кагъыль*. См. об этом Ломтатидзе К.В. Историко-сравнительный анализ абхазского и абазинского языков, I, Тбилиси, 1976, с.302.

Л.Р.ХАГБА

КОРРЕЛЯТИВНЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ С ЭЛЕМЕНТОМ -Ш- В АБХАЗСКОМ И АБАЗИНСКОМ ЯЗЫКАХ

Обстоятельственные элементы *-ан-; -ахь-, -ш-* являются одними из аффиксов, осложняющих структуру абхазско-абазинского глагола.

В абхазском языке они специально изучены Х.С.Бгажба[1], рассматриваются также и в работах К.С.Шакрыла[2], Е.П.Шакрыл[3], Ш.К.Аристава[4], Л.П.Чкадуа[4], М.М.Циколия[5], а в абазинском языке - К.В.Ломтатидзе[6], А.Н.Генко[7], Н.Т.Табуловой[8] и т.д.

В данной статье нами рассматриваются коррелятивные образования с элементом *-ш-* , выражающим образ действия и состояние со значениями как? каким образом? так как; что, в то время как и т.д.

Например:

ишызбоз - как я видел (а)
сышгылаз - как я стоял (а)
сышцоз - как я шел (шла) и пр.

В бзыбском диалекте широко распространены фонетические варианты этой частицы *с, з, с', з'* (*сысгылаз, сызгылаз, сьс'гылаз, сьз'гылаз* и пр.).

Наряду с указанными основными формами во всех абхазско-абазинских диалектах имеется множество коррелятивных образований.

В абхазских диалектах в качестве коррелятивов применяются наречные слова *аиҳш // еиҳш, аиҳшәҟьа // еиҳшәҟьа, акуиқуа // акуиқуан(ы), маҷара, аҟара* , иногда - послелог *-(а)ла* взамен *аиҳш // еиҳш* . В тапантском диалекте представлены *аҳш, аҳшта, аҳшдзата, ашыбырг, ашыбырта, бырг, бырдзак, иҳа, иҳара*, встречаются *ак/выик/ва, -ла* . В ашхарском диалекте - *аҳш // еҳш, ашны // ешны, ашыдзаны // ешыдзаны, ашышта // ешышта, ак/выик/ва, маҷа // маҷара*.

Например:

в абхазском языке

ишысҳаз - как я сказал(а), но: *ишысҳаз еиҳш* - так как я сказал (а); *сышҭаз* - как я сидел(а), но *сышҭаз акуиқуа* - в то время, как я сидел(а);
ҳшеицәажәоз - как мы разговаривали друг с другом, но: *ҳшеицәажәоз маҷара* -мы, разговаривая друг с другом;
ҳашҳеицуаз - как мы шли туда, но *ҳашҳеицуаз аҟара* - что мы придем туда (может быть, приблизительно) и пр.

в тапантском диалекте

йшьх/ваз - как он сказал, но *йшьх/ваз аҳш* - так как он сказал;
йиҳашьиуаз - когда они входили, но *йиҳашьиуаз бырг* -именно тогда, когда они входили;
йшьуз - как они шли, но *йшьуз иҳа // йшьуз иҳара* -букв. они идя, идя и пр.

в ашхарском диалекте

сшьббаца - как ты (ж.) меня видишь, но *сшьббаца аҳш // еҳш* -так, как ты (ж.) меня видишь
сышцоз - как я шел (шла), но: *сышцоз маҷа* -букв. я идя, идя и пр.

Каждый из отмеченных выше коррелятивов несет определенную функцию. Важную роль в классификации этих функций играет семантика глагола, с которым употреблен тот или иной коррелятив и весь контекст в целом. Больше всего оттенков приобретают деепричастные обороты, образованные при помощи сравнительного слова *аиҳш // еиҳш* и его диалектных вариантов.

I. Образ действия

Абх. *Ҳани ҳаби ҳшьцыҵҵкуа еиҳш, ҳара ҳшьарагы ҳбас иҵыҵҵкуоит* (посл.) - Твои дети будут относиться к тебе также, как ты к своим родителям.

Тап. *Сан йшьых/ваз ҳарцибырта, ари дыйшыт/* (I,33)
- Он убил этого так, как сказала моя мать...

Ашх. *Йыркын адыгъ/вана ашап/ква ризах/ет/ йшьрцушьц еиҳш* (2,II8)
- Поймали, потом связали ноги так, как должны были убивать.

2. К а ч е с т в о

Абх. *Ҭыа ылызҳәандазы иамоит, исеиқуаиҳәаз еиҳш иаанхит* (3)
- Как бы она ни постирала, не вышло ничего, осталось таким же черным, каким был.

Тап. *Ядзых йара идырҳата шьцқьаз аҳш шьцқьан* (4,II6)
- Родник был таким же чистым, каким он его знал раньше.

Ашх. *...аҳш ибыг/в итыйуз/аз шьбыг/выз ешны иаатыйхыхт/* (5,I05)
-... тот кость, который он положил, вытащил таким же (букв. такой же костью, какой была).

3. С р а в н е н и е

Абх. *Еҭырт зегь аҵәа шьҟьқьыз еиҳш царын аҵәа кны дҭжеит* (6,86)
- Он также как и другие устроил засаду.

Тап. *Йучпаз шьучпаз аҳш йанрг/алх* (3) - букв. Исправь ты (м.) содеянное тобой дело также, как ты его сделал.

Ашх. *Ари икъац/ани шшаалго ешны ехт/а бари икъац/ани иаҵа* (5,I02) - Ты (ж.) то сделай также, как эта (ж.) и принеси сегодня.

4. С о с т о я н и е

Абх. *....леиҵәаалыз, аҵәаса дсҵказ еиҳш дҭахмадала дҳалыит* (7,49) - ... когда она окунулась, стала таким же стариком, каким

была раньше (букв. превратилась в такого же старика).
Тап. *Иалаҳ/ дшаъаз аҧшта дыщт/ажьх!"..,аныҳи дшщт/аз аҧшта дщт/ахьҳи...* (2,88) - "О боже, уложи его также, как был раньше!"... и тот лег как лежал раньше и...

5. Мгновенность

Абх. *Дьшнаҳаз шкшӡәкьа... аҳақыҳьҭәа еизеит* (3) - Как только привезли его (ее) собрались врачи.
Тап. *Дух/ мҵ/уата асаби йан лбжьы йҵ/ак-дщ/ашьҳуз аҧш ддҳьҳҵ/хт/* (8,45) - Некоторое время спустя ребенок услышал голос матери, и он вышел тут же (букв. вышел, как только зашел).
Ашх. *Ас дьшналалоз-ҧш абаба-дыу даашт/* (5,98) - Как только он начал (зд. кушать -Л.Х.) опять пришла лохматая (зд. старуха - Л.Х.)

Как уже было сказано, при образовании коррелятивных форм используется также слово-частица *мацара* в значении "только", "только лишь", "только таким образом", "только так". В специальной литературе отмечается, что оно в сочетании с деепричастиями выражает продолжительность действия (К.В.Ломтатидзе[9], Ш.К.Аристава[10]).

В интересующих нас конструкциях *мацара* имеет эту же функцию. В данном случае оно употребляется в сочетании с инфинитным глаголом, выражающим образ действия. Полногласная форма *мацара* естественна и единственна для абхазского языка. Она часто встречается в ашхарском диалекте абазинского языка, а в тапантском имеются его усеченные варианты *мзара//мза* , в разговорной речи - *мырa//мра* . Для ашхарского диалекта более характерна форма *маза* , например:
Абх. *Ус дшьҭаз мацара абар ҵажәра... дыҵталеит* (9,25) - Он все время будучи только таким, вот вступил в старость.
Тап. *Иаҳуай, аҧшырх/а!-лх/ваца дщ/ырҧаз мзара, адын ҳаз аҧшырх/а ҵ/алнап/ыш/швтын, йҵ/ак/ашват/* (I0,I69) - Ах, ведро! - говоря она кричала, кричала, и ведро с водой выпало из ее рук и упало.
Абна ҳвыса шҵ/алидузмза йьҟвхълат/ (II,I52) - Он как искал что-то в лесной чаще, и стемнело (букв. над ним стемнело).
Ашх. *Ишоз-маза тыдзых/ йнапщеит/* (5,82) - Они идя, идя, наткнулись на одну избу.
...данылаӓҳуз-мацара...лара...дыпсых (5,55) - ... Она его воспитывала, воспитывала и умерла.

В абхазском языке широко представлены послеложные конструкции со словом *акумкуа//акумкуан(ы)* - "кроме". Они служат:

а) для уточнения времени прохождения действия или состояния

(в то время, как; в то время, когда);

б) в качестве сопоставления (не так, как);

в) для выражения продолжительности действия или состояния, например:
Ишьҳы шаауаз акумкуа иаашкушьҳ(3) - В то время, как они возвращались, встретились и...
Ас сара шшьҳәо акумкуаны акыр шәҟтбаапы... дҳәаҳәит (I2,300) - Он выступил (букв.сказал) более подробно, не так, как я говорю.

В подобных конструкциях часто встречается коррелятив *ашкш// ешкш* , при помощи которого усиливается значение сопоставления. Сравни:
Лара шшьҳәаз ешкш акумкуа дачакала ишәлеит (3) - Сделала не так, как она сказала.
Сс'ыҟаз акумкуа сҳы сцахшәазит (7,47) - Будучи таким (букв. я был так) и сам себе окончательно надоел.

Такое же широкое применение *акумкуа* находит и в ашхарском диалекте, например:
Уаа х/ашшаз ак/вымк/ва... лак/ аашт/. (5,92) - В то время, как мы лежали там,... пришла какая-то собака.
Х/ашцноз ак/вымк/ва йахьаамдраз цхъак/ х/аквнагалейт/ (5,92) - Мы шли, шли и оказались на незнакомой нам горе.

В тапантском диалекте такие образования встречаются реже; здесь больше представлены конструкции, образованные при помощи усилительно-определительных частиц *быҵ, быҵдзак/* , которые обычно служат для уточнения места в значении "прямо, как раз, именно" и одновременно подчеркивают выразительность речи. В данном случае эти частицы приобретают временной (как только; именно тогда, когда) и сравнительный (точно так, как; точно также, как) оттенки:
Ишҵ/ашуз быҵ йтшгы к/ваҩыр ахвйцз/ан... ддҳьыкылт/ (I0,38) - Как только рассвело, оседлал коня... и отправился.
Ауп аныцывыштара дыцнаталуаз быҵдзак/ йахьъа/атыцз/ йылдырҧата ашьтанк/вк/ ҵ/атыцз/(II,27) - Именно тогда, когда он входил в могилу, неизвестно откуда, выползла змея.

В абхазском языке с такими формами коррелируют конструкции с *аиҧшӡәкьа// еиҧшӡәкьа, аитшӡәкьагы// еиҧшӡәкьагы:*
Ишаашлахуаз аитшӡәкьа ицула иҩы дшеит (3) - Как только стемнело, он пошел к соседу.
Есҭаҵ ишьҭалҵалаз еиҧшӡәкьагы леиҧаакуа ртыҳаҵы илырҧылт(3) - Точно так же, как она делала всегда, поставила свои туфли на место.

В абхазском языке встречаются также коррелятивные образования с определительной частицей-словом *аҟара* в значении "около", "приблизительно", "будто", "вроде":

Уҳ лаҳшьык шықуҳыз аҟара ишҙа ианырҳит... ихы аҳышҙихт (I3,32) - Вдруг он почувствовал, что приблизительно (будто) на него направлен чей-то взгляд,... и поднял голову.

Дырбаҵ шаашуаз аҟара ауаарагы лыман (I4,30) - Она допускала, что они придут повидать ее (букв. Она чувствовала, что они приблизительно, может быть, придут повидать ее).

Частица *аҵара* в абазинском языке выступает "со словами, оформленными различными аффиксами, выражающими оттенки приблизительности во времени и единицы измерения" (8,29I), но в рассматриваемых нами конструкциях она не представлена.

Несомненный интерес в исследуемом вопросе представляет речь абхазов, проживающих за рубежом. Так, в текстах записанных Дюмезилем, встречаются такие предложения:

Ыцыцоз, ыцыцоз, ианаакса... (I5, текст 7,I45) - букв. Они идя, идя, когда устали...

Дшаҳҳоз, дшаҳҳоз, иажи заижэ лшын даҳҳаҳьаны... (I5, текст 9,I70) - букв. Читая, читая, прочитав уже 39 дней, он...

Следует отметить, что такие формы характерны и для живой абхазской речи, но в художественной литературе они почти не встречаются.

В текстах, записанных от абхазов, проживающих в Турции, (I6) зафиксированы коррелятивные образования с *аиҳш//еиҳш, аиҳшгы// еиҳшгы, еиҳшәҟа, ала*, например:

Ишьҳаз еиҳш, сеиҵа дсыҵҵит маҳэра - Как я сказал (как я уже говорил), послал брата к родителям его жены (букв. в зятя).

Куҳа шықуаюу ала ҳтаҳа даҳгар ҳтахыуп - Мы хотим повезти невесту так, как заслуживает того Куча...

Самое больше количество коррелятов имеется в тапантском диалекте абазинского языка. В нем также больше их разновидностей. Менее всего они представлены в речи абхазов, проживающих в Турции.

Особо следует выделить наречное слово *аиҳш//еиҳш*. Это единственный коррелятив, который имеется во всех абхазско-абазинских диалектах. В вышеуказанных и подобных им контекстах можно опустить все коррелятивы, без изменения содержания высказывания. А присутствие коррелятива *аиҳш//еиҳш* во многих случаях структурно необходимо, опущение его влечет за собой переосмысление всего контекста. Не опускается он, главным образом, в тех случаях, где играет свою основную функцию сравнительного слова, например, в пословицах:

Илҙыдуа еиҳш куа ауам -букв. Не так льет дождь как гремит гром. *Аҟша шасуа еиҳш быҵ каҳсам* -букв. Не так падает листва, как дует ветер и т.д.

Анализ разработанного нами материала дает основание сделать вывод о том, что коррелятивные конструкции - явление сравнительно новое как в абхазском, так и в абазинском языках. Это подтверждается следующими фактами:

I. Их почти нет в пословицах и поговорках, где речь особенно лаконична.

2. Лишь в единичных случаях встречаются в образцах устного народного творчества - народно-героических, трудовых песнях, сказках и пр.

3. Очень редко появляются в поэзии.

4. Во всех литературных жанрах бескоррелятивных форм несравненно больше коррелятивных.

5. В подобных друг другу контекстах коррелятивные формы иногда встречаются, иногда - нет. Такие факты наблюдаются даже у одного и того же автора, например:

в абхазском языке

Аҳ ишьзыҳ иҟаиҵеит (6,32) - Царь сделал как решил. Ср.:

Аҳ ишьзыҳ еиҳш иҟаиҵеит (6,228) - Царь сделал так, как хотел.

Ишеиуаз ҵыла қыҵак иазеит (6,25) - Они шли и пришли к какому-то селу. Ср.:

Ишеиуаз ахымкуа ҵыла иаҳыит (6,33) - Они шли, шли (букв. идя, идя) и остановились где-то.

Аҳҳыҵба ишьалҳаз дныҟуеит (6,II2) - Она поступила как ей сказала девушка. Ср.:

...ишьалҳаз еиҳш иҟалҵеит (6,229) - Она сделала так, как он сказал ей.

Ишашьтаз иара дахнаиаз абна дыҵ ачы инаиеит (I7) - Они гнались за ним и оказались в том большом лесу, где оказался он сам. Ср.:

Дшашьтаз маҳара абна дыҵ ачы дналеит (I7) - Он, все следуя за ним, оказался в большом лесу.

Ишьҟаз иҟалеит ишьшьҭра (I8,2II) - Его могила стала такой же, какой была. Ср.:

Сеы аҵҳуа ишьҟаз еиҳш иҟаҵа (I8,I82) - Сделай хвост моей лошади таким, каким он был.

Ишеиуаз инаҳшьы ирбеит азы алыҟуа ишьаны (I8,I76) - Они, идя, (как шли) посмотрев, увидели на ногах у одного жернова. Ср.:

Ишнеиуаз акумкуа инаҳшны ирбеит ауаа иҽагуоны (I8,I76) - Они шли, шли (в то время как шли) увидели как пахали люди.

Ишыжьбо, ҳстазара ҳартам ашахтэкуа (I2,I47) - Как видите, налоги не дают нам жизни. Ср.:

Сара, ишыжьбо еиқи, суаҵэа ахы аҳуиҽит (I2,59) - Как вы видите, в мою голень попала пуля.

В тапантском диалекте

Йшыйх|ваз анкъ йтагылата, изейх|ваз ишыкуа йдырзач|ат| (I,8)- Его рабы выполнили точно так, как он сказал. Ср.:

Ах| йшыйх|ваз аҩи анкъ йтагылата,... йаргьы ранкъэа дгылата дыдҳвыкуылт| (I,I8) - Точно так, как сказал князь, и он, возглавляя их, отправился.

Ужвы йшыртахыц йбзазарч|ат| (I9,I76) - Теперь пусть живут как хотят. Ср.:

Х|аба йшитахыз аншта ауыс багьата йг|аиргылт| (I9,46) - Отец устроил дело так крепко, как он хотел.

В ашхарском диалекте

Даани ауахъ дышт|аз алашара ептаашылахт| (5,5) - Пришел ночью и как (когда) сидел, опять проник свет. Ср.:

Ауыи лш|ы дышт|аз ак|вынк|ва... Шасоу Аампыста дынашылеи... (5.85) - Когда он сидел у нее (сидя у нее, в то время, как сидел), зашел... Шасоу Аампыста.

Дышцоз г|вынджьа дрынист|уандырла ацвкьа ц|ах|ваны (5,I5) - Он, идя, встретил двоих с запряженными под арбу быками. Ср.:

Дышцуз-маҵара кнт дыук|данист| (5,6I) - Он шел, шел (идя) оказался в какой-то большой деревне.

Ааадныкьлан ишаашхаз ахынх|вныташ|ы абыхъ итах|ет| (3) - Они отправились и как шли на повороте провалились в пропасть. Ср.: *Дшаашха-маҵа ацх|а днадза, амза гык|ак|ахамызт|* (3) - Он, идя, когда оказался у моста, луна не светила.

В речи турецких абхазов (I6)

Ишакунаоу аитаҳэара стахнып - Хочу пересказать как надо. Ср.:

Ишакунаоу ала атаца дахгар ктахнып - Хотим повезти невесту так, как полагается.

...дызцыз иара ишитахыз иаанкаиҵа ... -... когда он сделал то, как хотел... Ср.:

Уара шутахыц еиқи иткаҵа! - Ты (м.) сделай то так, как ты хочешь!

6. Во многих случаях отмечается избыточность некоторых коррелятивов, в особенности в абхазском языке и в тапантском диалекте абазинского языка, где за последнее время заметно расширяется сфера употребления некоторых послелогов.

7. Тенденция к росту послеложных конструкций (как в письменной, так и в устной речи) наблюдается с середины 50-х годов и продолжается по настоящее время. Это обусловлено, в первую очередь, закономерностями внутреннего развития самих абхазского и абазинского языков, а также все более расширяющимися языковыми контактами.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

I. Бгажба Х.С. Бзыбский диалект абхазского языка. Тбилиси. I964, с.I76-I90.

2. Шакрыл К.С. Аффиксация в абхазском языке. Сухуми, I96I, с.60-62.

3. Шакрыл Е.П. Взаимоотношение послелогов с превербами, обстоятельственными и другими частицами. - Труды АбИЯЛИ, т.ХХУП, Сухуми, I956, с.2I3-224.

4. Арҵаа Ш.К., Ҷкадуа Л.П. Аҧсуа бызшәа. Афонетикеи аморфологиеи Аҟуа, I966, с.89; Аҧсуа бызшәа асинтаксис. Аҟуа, I983. с.I46-I48.

5. ბ. ცივოლია. აფხაზურ-ქართველური სინტაქსური პარალელები.— Известия АбИЯЛИ им. Д.И.Гулиа АН ГССР, т.УI, Тбилиси, I977, с.82-93.

6. ქ. ლომთათიძე. აფხაზური ენის თანხმოვანთა დისიმილაციისათვის თბილისი,I944, გვ. 161- 166.; აბხაზური დისიმი და მისი ადგილი სხვა აფხაზურ-აბაზურ დისიმთა შორის. თბილისი1954, გვ. 164-170.

7. Генко А.Н. Абазинский язык. Грамматический очерк наречия Тапанта. М., I955, с.I50-I5I.

8. Табулова Н.Т.Грамматика абазинского языка. Фонетика и морфология. Черкесск, I976, с.226-227.

9. ქ. ლომთათიძე. აფხაზური ენის თანხმოვანთა დისიმი, გვ. 186.

I0. Аристава Ш.К. Деепричастие в абхазском языке. Сухуми, I960, с.87.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ТЕКСТЫ

I. Тапантские тексты. I44с. (приложение к монографии К.В.Ломтатидзе "აფხაზური ენის დიალექტები".
2. НартыргІа. Черкесск, I975.
3. Тексты, записанные нами.
4. Цекьва П. Ашьхъаркт ащахъахра. Черкесск, I978.
5. Ашхарские тексты. I06 с. (приложение к монографии К.В.Ломтатидзе " აბაზური დიალექტი და მისი ადგილი სხვა აფხაზურ-აბაზურ დიალექტთა შორის".
6. Апсуа лакукуа. Аҟуа, I965.
7. Апсуа фольклор аматериалкуа. Аҟуа, I967.
8. Ныр ПІ. ГІвычІвгІвыс ажва. Черкесск, I979.
9. В.Амаршьан. Амш ахулара иҳамнахаанза. Аҟуа, I98I,
I0. Абазашта алокІква. Черкесск, I965.
II. Абаза турыхква. Черкесск, I955.
I2. Б.Шьынкуба. АцынӀәарах. Аҟуа, I974.
I3. А.Гогуа. Асҟак дузааигуан, аха дузгуамҭеит. Аҟуа, I980.
I4. ЧаӀә Чагу иажәабжьқуа. Аҟуа, I983.
I5. Абхазские тексты, записанные Дюмезилем (см. Documents Anatoliens sur les Langues et les Traditions du Caucase V Études Abkhaz par Qeorges Dumézil Paris, 1967
I6. Образцы речи абхазов, проживающих в Турции (рукописные тексты Р.Гожба и А.Хеция, хранятся в Абгосмузее и АИЯЛИ им. Д.И.Гулиа)
I7. С.Чанба. Абхазские тексты (рукопись хранится в Институте языкознания АН ГССР).
I8. Абжуйские тексты, записанные С.Джанашия (ს. ჯანაშია. ტრუდი. ტ.IV. თბილისი, 1968.
I9. Джыр XI. Амара йгІанаршІыхаз. Черкесск, I972.

Т.Х.ХАЛБАД

ОБ ОДНОЙ АБХАЗО—АБАЗИНО — ОСЕТИНСКОЙ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ВСТРЕЧЕ

Абхазо (абазино)-осетинские языковые связи вырастают из культурно-исторического контакта длительных и прочных связей, сложившихся между абхазским и осетинским народами в прошлом. Как устанавливает В.И.Абаев из документированных источников, абхазы и аланы (осетины) находились в непрерывном соседстве с УП по ХШ в. (О Я Ф I 3I0). Этимологические разыскания В.И.Абаева выявили факты обоюдного осетино-абхазского влияния. Они составляют более шестидесяти абхазо-осетинских лексических параллелей. Характеризуя эти лексические встречи автор отмечает, "что в период алано-абхазского соседства два языка взаимно обогащались лексическими элементами... При этом зачастую абхазо-осетинские схождения слишком глубоки, чтобы их можно было свести к простому заимствованию. Они заставляют думать об общем местном субстрате" (О Я Ф I 3I7). Касаясь этнографических параллелей, он указывает также, что "абхазо-осетинская близость... является настолько яркой, глубокой и интимной, что можно было бы, в рамках общей этнографии, говорить об едином абхазо-осетинском этнографическом типе, отмеченном общими чертами религиозных верований, мифов и обрядов" (О Я Ф I 3I8).

Этнографические и фольклорные исследования, начатые В.И.Абаевым, были продолжены в абхазоведении, но в области языковых контактов исследований пока нет, если не считать работ самого автора.

В связи с работой над "Этимологическим словарем абхазского языка" у нас накопилось определенное число слов, которые раскрывают дальнейшие языковые культурные контакты между абхазским и осетинским народами. В данной статье мы остановимся лишь на этимологии абх.-абаз. *а-куанда / куада* (теплый, тепловатый). Это слово на абхазо-абазинской почве не поддается объяснению. Нет его близкой параллели и в адыгских языках. В пользу возможности иноязычного происхождения говорит то обстоятельство, что в данных языках наличествует исконное слово с той же семантикой, ср. абх.-абаз. *а-цха / цаа* (теплый).

Нам думается, что абх.-абаз. *а-куанда / куада* идет из осет. *хъæрмидон* (теплая вода, теплый минеральный источник), который образован от *хъæрм* (теплый) и *дон* (< *дан*) -вода (см. ИЭС П 295, ИЭС I 366). Ср. по образованию абх.-абаз. *а-зыркуанда / зыркуада* (из *а-зы / зы* вода + *акуанда*) *куада* (теплый) и аффикс *кадатива р*) теплая вода,

а-зырхха/зырхха (из а-зы) зы вода + а-гьха/ихха (теплый) и аффикс каузатива р) теплая вода, теплый минеральный источник. В абхазском (а-куанда) произошло выпадение сонанта р, а м перешел в н. Как установлено в специальной литературе, в абхазском языке чаще всего исчезают сонорные звуки, ср. афахъ афархъ (Б Д II8) хворост, а-наца <а=мацха палец, а-кынтата <а-кынтатамягкий. В абазинском (куада) оба сонанта р, м выпали.

Трудным является объяснение лабиализации начального к, но в абхазском нередки случаи, когда в заимствуемом слове отсутствует лабильный момент, но согласный представлен в лабиализованном виде. Ср. абх. а-шьнакуа (бз.), а-шьнакма (абж.) (из груз. шьинакма) телохранители владетельных князей, впоследствии превратившиеся в социальную прослойку, ищущую дворянства (см. Б Д 222), абх. - абаз. а-куамхэы/кумхэы черкеска [усвоено через тюрк. кäмзӱл, камзул камзол, жилет (Радлов II, 496, I2I5), абх. а-кушьэы медник (из тюрк. кышы ремесленник (Радлов П 784).

В абхазо-абазинском слове также выпал конечный сонант н. Этот фонетический процесс также закономерен для данных языков. Ср. абх.- абаз. а-куамхэы/кумхэы черкеска (из тюрк. кäмзӱл, камзул, камзол, жилет), абх. а-қарцаса (из груз. қарвасла "караван -сарай") большой многоэтажный дом. В обоих словах при заимствовании выпал латеральный сонант л/ла/.

Если наши рассуждения верны, то можно предположить гипотезу о проникновении а-куанда/кунда из осетинского в абхазо - абазинские языки отнести к периоду принятия христианства у алан от абхазов (X-XШ вв.) и увязать с обрядом взаимного крещения а-ззаахра крещение (букв. вынимать из воды).

ИСТОЧНИКИ И ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

О Я Ф I - Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор, т.I. М.-Л.,I949.

И Э С - Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка, т.I. М.-Л., I958; т.П. Л., I973.

Б. Д. - Бгажба Х.С. Бзыбский диалект абхазского языка. Тбилиси, I964.

Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий, т.I - IУ. СПб., I893-I9II.

С.М.НАЧКЕБИЯ

АНТОНИМЫ В АБХАЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Понимание языка как системы предполагает включенность в системные отношения и словарного состава языка, хотя, как отмечает Д.Н. Шмелев, "нет оснований считать, что все участки лексики в равной степени, "системно" организованы"[I].

Иначе говоря, "слова и их значения живут не отдельной друг от друга жизнью", а соединяются независимо от нашего сознания "в различные группы, причем основанием для группировки служит сходство или прямая противоположность по основному значению". Наличие слов с соотносительно-противоположными значениями - обычное явление для самых различных языков; в основе антонимии лежат некоторые общие причины, кроющиеся в самом характере человеческого мышления (психологическая - ассоциация представлений по контрасту, логическая - противоположность, или контрарность, понятий и т.п.)[2]. Однако, как отмечают некоторые исследователи, антонимия, несмотря на ее существенную роль в языке, почти не подвергалась специально исследованию[3]. Что касается анализируемого в данном случае участка лексики - антонимии, объективно заложенного в самой природе любого языка[4], а следовательно, - и абхазского, то отметим, что он (этот участок) еще не привлекал внимания исследователей.

В курсах лекций по абхазскому языку этому вопросу уделяется определенное место, однако освещается он в общем плане и достаточно сжато. Отдельные исследования, касающиеся этого языкового явления, отображают интерес к ним прикладного характера (в аспекте орфографии в связи с их особой структурной организацией и т.п.). И, естественно, то, что в общем языкознании нет однозначного и четкого определения антонимии, является одной из причин, усложняющих их исследования в отдельных языках.

Имеющиеся сведения, безусловно, дают определенный импульс для анализа эмпирического материала отдельных языков, хотя было бы рационально проанализировать и степень их приложимости к языкам, типологически отличных от индоевропейских, на исследовании

I Шмелев Д.Н. Современный русский язык. Лексика. М., I977, с.I85.

2 Новиков Л.А. Логическая противоположность и лексическая антонимия. - Русский язык в школе. 4, I966, с.79.

3 Там же.

4 Степанов Ю.С. Основы общего языкознания. М., I975, с.38.

которых зыждятся в основном существующие положения общего языкознания. Однако, в силу определенных обстоятельств, в настоящем мы не будем обращаться в этой стороне проблемы.

Основным признаком, характеризующим антонимию, общепризнана противоположность значений лексических единиц[5]. Однако некоторые аспекты противопоставлений вызывают разногласия у исследователей в плане их квалификации как антонимических. Так, например, Д.Н. Шмелев пишет: "Нельзя, однако, согласиться с тем, что под антонимией понимают не простое противоположение, которое может быть выражено прибавлением отрицания (белый: небелый; говорить: не говорить; спокойный: беспокойный и т.п.), а противопоставление допускающих это значений, выраженных различными корнями (бедный, нищий: богатый; сухой: мокрый; черствый: свежий;...)". Признание антонимами только разнокоренных слов не отражает действительного положения вещей, так как выражение антонимических отношений при помощи префикса не - занимает ведущее место в современном русском языке в области качественных прилагательных;..."[6]

Любопытно, что это положение не распространяется на лексику абхазского языка в целом. Выделенный Д.Н.Шмелевым способ организации обозначения антонимических отношений при помощи префикса не как наиболее характерный для качественных прилагательных русского языка, в абхазском почти не представлен за редчайшим исключением, к которому следует отнести ачеи "добротный", амчеи "дурень".

Дело даже не в том, что качественные прилагательные с приставками не - "без" - и в русском языке "выступают как антонимы только в том случае, если они являются предельными крайними членами антонимической парадигмы", а пары типа сильный-несильный, молодой - немолодой "выражают ослабленную противоположность и не образуют антонимов"[7]. Но дело в том, что в абхазском прилагательные с негативным значением не образуются при посредстве присоединения аффиксов, со значением отрицания м "не", и отсутствия да "без". То есть отрицательная морфема м "не", при при-

5 Реформатский А.А. Введение в языковедение. М., 1967, с.95; Введенская Л.А. Словарь антонимов русского языка. Ростов, 1971, с.4; Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка. М., 1972, с.64 и др.

6 Шмелев Д.Н. Указ.соч., с.202-203.

7 Русский язык. Энциклопедия. М., 1979, с.21.

соединении к прилагательному ачеи "добротный" трансформировало это слово в иную часть речи амчеи "дурень", что свидетельствует об отображении этими словами сущностей разного порядка. А это, в свою очередь, говорит об отсутствии антонимических отношений. Иных случаев образования прилагательных с негативным значением с морфемой м пока не обнаружено в абхазском.

Однако следует отметить, что отображение отрицательного понятия, безусловно, широко распространено в абхазском языке для слов, обозначающих различные сущности, в частности, и качества предметов, явлений. Например, аца "горячий", ицам "оно -горячее- не- есть", ацыза "красивое", ицызам "оно - красивое- не- есть"[8] и т.п. Широко распространен в языке и способ отображения негативного качества, обозначаемого отсутствием позитивного качества образуемого от имен существительных при присоединении аффикса да "без". Например, аказиба "характер", аказибада "бесхарактерный", ацытэы "цвет", ацытэыда "бесцветный", аныкха "родственник", аныкхада "безродный", анасыҧ "счастье", анасыҧда "несчастный" и т.п.

Однако все эти приведенные производные слова не образуют антонимического оппозиционного ряда. И любопытно, что, обладая общей основой, со словами от которых они образованы, они не отображают соотносительность понятий с первыми.

Иначе говоря, значения слова амчеи "дурень", ицам "оно-горячее - не - есть", ицызам "оно - красивое - не-есть" и др., аказибада "бесхарактерный", ацытэыда "бесцветный" и др. не являются значениями, отображающими сущность того же порядка, которое обозначается словами, от которых они образованы. А между тем именно этот признак кладется в основу определения антонимических рядов различных лексических единиц. По этому поводу Л.А.Новиков пишет: "научное определение противоположности основывается на ее философском и логическом истолковании. К.Маркс различал два вида противоположности: I) противоположность внутри одной сущности (противоположные определения одной и той же сущности) и 2) противоположность между двумя сущностями (действительные крайности). Он писал: "Север и юг - противоположные определения одной и той же сущности, различия одной сущности на высшей ступени ее развития... Истинными, действительными крайностями были бы полюс и не - полюс, человеческий и не - человеческий.

8 Шакрыл Т.П. Категория наклонения в абхазском языке (к теории вопроса). Тбилиси, 1981, с.49-50.

В одном случае различие есть различие существования, в другом - различие между сущностями, различие двух сущностей". Отношения антонимичных слов... определяются противоположностью первого вида. Такая противоположность рассматривается В.И.Лениным "как разновидность, проявление различия... Логическую основу антонимии образуют несовместимые противоположные видовые понятия..."[9]

В плане приведенного положения и в силу изложенных особенностей абхазского, противопоставление антонимических рядов по принципу сильной и слабой оппозиции теряет свою значимость для абхазского языка. В качестве отправной точки классификации абхазских антонимов, по-видимому, рациональнее использовать классификацию слов по отображаемым ими различным сущностям, в пределах которых они образуют антонимические противопоставления, и затем, устанавливая их принадлежность к определенным частям речи, перейти к их классификации по последним[10].

Как отмечает Л.А.Новиков, "круг отношений, выражаемых антонимами достаточно широк" и включает в свой состав группы слов, обозначающие[11]:

I. Время: ауҳын "лето" - азын "зима"; Ауҳын иҧзахуа - азын иҧылоит (ажэаҧка). "То, что спрячешь летом, пригодится зимой" (пословица). Ҳаҧэтэи "завтрашний" - иахьатэи "сегодняшний"; Ҳаҧэтэи акуты аҧкыс, иахьатэи акутаҵ (ажэаҧка). "Лучше сегодняшнее яйцо, чем завтрашняя курица" (пословица). Иахьа "сегодня" - уаҧэы "завтра"; Иахьа икаҧатэу уаҧэахы иахьумган (ажэаҧка). "То, что должен сделать сегодня не переноси на завтра" (пословица). Амш "день" - аҧх "ночь"; Ауҫтэазаара кадыҵь амши аҧхи реиҧш е-ганкны ецларсуп (ажэаҧка). "Тяжела жизнь, она как день и ночь состоит из переходов" (пословица).

2. Пространство: акьаҵ "низкий" - ау "высокий"; Акьаҵ дналзеит, ау дылалкуит (ажэаҧка). "Низкий не достал, а высокий не нагнулся" (пословица). Адгыл "земля" - ажэлак "небо"; Сара сышьҭахь дгыльши жэлаки ецкуҵгаант (ажэаҧка). "После меня пусть небо и земля провалятся" (пословица). (После меня хоть потоп). Атэца "узкий" - аҵбаа "широкий"; Кырк тэца, мгуа ҵбаа (ажэаҧка). "Горло узкое - брюхо широкое (имеется ввиду ненасытность, при отсутствии возможности потребления чего-либо) (пословица).

---

9 Новиков Л.А. Семантика русского языка. М., 1982, с.243-244.

10 См.: Новиков Л.А. Логическая противоположность и лексическая антонимия. с.83.

11 Там же.

3. Качество (свойство): алас "легкий" - ахьанҵа "тяжелый"; Аҧыза ичиҵыка ласуп, абаапс итэы хьантоуп. (Ажэаҧка). "У друга хлеб-соль (букв.) легкая, у недруга (букв.) тяжелая" (пословица). Аца "горячий" - ахьшэашэа "холодный"; Цира ацагьы дабылуан - ахьшэашэагьы (ажэаҧка). "Циру жгло и горячее и холодное" (пословица). Атата "мягкий" - акьакьа "твердый"; Тэым ҽны тата аҧкыс, хатэ ҽны - кьакьа (ажэаҧка). (букв.) "Чем чужой - мягкий дом, лучше - твердый дом, но свой" (пословица). Ацэгьа "вред" - абзиа "польза"; Ацэгьа акаҧара мариоуп, абзиа аура хьантоуп (ажэаҧка). "Вред нанести легко, а принести пользу - трудно" (пословица). Ашкуакуа "белый" - ашкуаҧа "черный"; Ихаҵыц шкуакуоуп, Ҳаха игуы ешкуаҧоуп (ажэаҧка). "У него зубы - белые, но сердце - черное" (пословица).

4. Движение (изменение): ахалара "подниматься" - албара "спускаться"; Хыхьтэи абаҧа еужь ду ахь ихалоит, илбаауеит ачыгуаа. (Н.Б.). "В верхний большой коридор поднимаются, спускаются чиновники". Атара "давать" - ацэгара "отнимать"; Агьангьаш цнапыкла шуитэо, ҽ-напыкла шуцэигоит (ажэаҧка). "То, что ловкач дает тебе одной рукой, отнимает двумя руками" (пословица). Атэашэара "попасть во что-то" - атыҧра "выйти из чего-то"; Абахҭа аташэара мариоуп, атыҧра уадаҫуп (ажэаҧка). "Попасть в тюрьму легко, но выйти - трудно" (пословица). Атыгара "выносить" - аҭагалара "заносить"; Ахаҧара - ан лымгуарҭа итыргоит, нарцэ агуашэ итаргалоит (ажэаҧка). "Мужество - выносят из материнской утробы, заносят в ворота потустороннего мира" (пословица). Ашьҭалара "ложиться" - агылара "вставать"; Крымҩа ушьҭал, уалда угыл (ажэаҧка). "Ложись не покушав (голодным), но встань без долгов" (пословица). Ацара "поехать" - аара "приехать"; Адлеи Кыпа еыла дцан, еыла дааит (ажэаҧка). "Адлей Кыпа на лошади поехал, на лошади и приехал" (пословица).

5. Человек - а) чувства, состояния: ачымазара "болезнь" - агуабзиара "здоровье"; Ҷымазара зымбаҵ, гуабзиара ҳаҭыр изакуым (ажэаҧка). "Тот, кто не познал болезнь, не ценит здоровье" (пословица). Агуырҷбара "радость" - агуакра "горе"; Агуырҷбара анумоу - агуакра атэы ухоумыршҭын, агуакра анумоу - агуҷбара (ажэаҧка). "Когда у тебя радость - не забывай про горе, когда у тебя горе - про радость" (пословица). Аччара "смеяться" - аҧэыуара "плакать"; Мыцхуы аччара, аҧэыуара ацуп (ажэаҧка). "За сильным смехом следует плач" (пословица).

б) Интеллект, воля: акуыш "умный" - абзамыкӏу "глупый"; Акуыш ихуартэам ӡзиҳэаз, абзамыкӏу дагэахэуан (ажэ.). "Умный за плохое признал, а глупый возражал" (пословица). Аиаша "правда" - амц "ложь"; Амц амбаны кьаӡуп, аиаша - амаа тбааун (ажэаӡка)."У лжи ноги коротки, у правды -дорога широка" (пословица). в) Эстетическая и этическая оценка: ахаӡара "мужество" - ашэаргундара "трусость"; Ахаӡара - Нартэаа ирхтылӏит, ашэаргундара - аныста ицырҟьоит (ажэ.) (букв.)."Мужество порождено Нартами, трусость - дьяволом" (пословица). г) общество: абеиа "богатый" - ачча "нищий"; Абеиа - ачча хуашала дирҵон (ажэаӡка). "Богатый - нищего крошками кормил (букв. вскармливал)" (пословица). Анҳэадгыл "Родина" - атэым дгыл "чужбина"; Анҳэадгыл - ан илыҳоуп, атэым дгыл - анҳэа (ажэ)."Родина - мать, чужбина - мачеха" (пословица).

6. Форма: аиаша "прямой" - ахуахуа "кривой"; Аиаша иаша узышьцылам аӡкыс, ҳзышьцылоу амаа хуахуа аамгуоуп (ажэаӡка)."Знакомая кривая дорога короче, чем незнакомый прямой путь" (пословица).

7. Количество: аранҳэа "много" - амаӡ "мало"; Ачам-бар рацэа аӡкыс, амаӡ гылтэаа (ажэ.)."Чем много не созревшего, мало, но созревшего" (пословица).

Перейдем к классификации антонимов по их принадлежности к различным частям речи:

I. Антонимы, относящиеся к именам существительным: I.Агыр-ҵьара ансымамызгьы, ара (ахуада - С.Н.) санаахалалак, сгыырҵьара гыырҵьара ацнаӡон. Агуалс ансымазгьы, ара снапцы - аапцуа санаақугылалак лассы исхыҵсаауан. (Б.Шь.) "И тогда, когда у меня не было радости, взойдя сюда (на гору - С.Н.) я ощущал приток радости. А когда у меня была печаль, стоило мне здесь постоять, обозревая (окрестность - С.Н.), как она (печаль - С.Н.) быстро проходила". Агыргьара "радость" - агуалс "печаль" использованы как антонимичные образования,противопоставленные как два крайние проявления состояния человека,обозначенных ими. Эти антонимы выражены именами существительными.
2. Чымазара зымбац,гуабзиара ҳатыр изакуым (ажэаӡка). "Кто не познал болезнь, не ценит здоровье" (пословица). Во втором предложении антонимами являются имена существительные ачымазара "болезнь" и агуабзиара "здоровье".

II. Антонимы, относящиеся к именам прилагательным: I.—Абарҭ иббо ахҟыкгьы аҳэса газацэеи аҵуыщэеи реилыргарӡы ҳалхыуп. (Б.Шь.)."Вот эти трое, кого ты видишь, выбраны, чтобы мы перебрали глупых и умных женщин". 2.Ауа харатэ иаӡкыс - аамгуатэ гыла бзиа (ажэаӡка). "Чем дальний родственник - ближний сосед" (пословица). Антонимы агаза "глупый" - акуыш "умный"; ахаратэ "дальний" - аамгуатэ "ближний" противопоставляемые попарно в первом и втором примерах обозначены именами прилагательными.

Ш. Антонимы, относящиеся к глаголам: I.Ацдарамыҵыхуда рацэаӡын, иҭуамӏӡ - хамӏӡуа рыбжьыуа еиҳудыргон, ҵьоук афликаӡуа рахь илбаауан,ацдараӡуа разҵыкӏа,егырҭ -- аҵьалахь ихалон.(Б.Шь.)."Носильщиков было много, раздраженными голосами окликая друг друга, некоторые спускались к лодкам, груженным грузом, другие поднимались оттуда к пристани". 2.Сылаӡа нхыҳэар,анкьа ишыҳбаӡ аҧ ал - ӏыла дуззахыҵ. --Сыбла аахыстыр, ихыжэжэарахыҵ аиваҧгьышэназахым.(Б.Шь.) "Когда - я - закрываю глаза, это ольховое дерево, как и было раньше, огромное. Когда - (же) - я - открываю глаза, оно обломано, и его ствол не столь массивен". Антонимы илбаауан "спускались" - ихалон "поднимались"; ихыҳэар "когда - я - закрываю" аахыстыр "когда - (же) - я - открываю" выражены глаголом.

IУ. Антонимы, относящиеся к причастиям: Итэаз реиӡа, игылаз рацэан. (букв.)"Стоявших было больше,чем сидящих". Игылаз "стоявших" -итэаз "сидящих" являются антонимами.

У. Антонимы, относящиеся к деепричастиям: Итэаны игырымтӡаз, дгыланы иҳдирбон (ажэаӡка). "Кого сидящим (букв.сидя) не заметили, показал себя вставши (букв. стоя)" (пословица). Антонимы итэаны "сидящим" (букв.сидя) - игыланы "вставши" (букв. стоя) обозначены деепричастиями.

УI. Антонимы, относящиеся к наречиям: I.Адунеи аҧы хыхьажэеан, ҵаҟа - адгыл, цак ида уаҳа дсымазам сара, дад. (Ш.С.). (букв.) "Вверху - небо, внизу - земля (между небом и землей) нет у меня на свете никого, кроме одного сына, дад". 2.Ибаацкы изахы, избианы иршма (ажэаӡка)."Плохо сшей, хорошо подправь" (пословица). Антонимы хыхь "вверху" - ҵаҟа "внизу" в первом предложении и ибаацкы "плохо" - избианы "хорошо" во втором, наречия.

I. В структурном аспекте,как отмечает Н.М.Шанский,антонимы делятся на слова противопоставляемые по полной основе[12], например: амц "ложь" - аиаша "правда"; аца "горячий" - ахьшэашэа "холодный" и т.п.

I2 Шанский Н. Лексикология современного русского языка.М.,I972, с. 65.

Приведем и другие примеры из литературы: Арҭ шҽаз акуамҭа кашҽеит (ажҽаҩка). "Пока спелый плод висел, упал зеленый" (пословица). Ала ашьбжьа ааигуоуп ҳҽа умҩеын, арбаҵ абжьы хароуп ҳҽа умаанҵасын (ажҽаҩка). "Не беги, если лай собаки слышен близко, не останавливайся, если пение петуха раздается далеко" (пословица). Акьаҵ дналҵеит, ау дымлакуит. (ажҽаҩка). "Низкий не дотянулся, высокий не нагнулся" (пословица). В первом предложении противопоставлены арҭ "спелый" и акуамҭа "зеленый", во втором - ааигуоуп "близко" и хароуп "далеко", в третьем - акьаҵ "низкий" и ау "высокий". Все эти пары являются разнокорневыми словами.

П. Ко второй группе можно отнести не очень распространенные группы антонимов: I) имеющие общий корень, однако противопоставляемые при посредстве присоединяемых к ним аффиксов. Например, аҵахара (букв.)"вверх тянуть" - ҵахара "вниз тянуть" (поднимать - опускать). Акапанга еиҵш ҩхыркуоит: ихы зны ҩҳахоит зны ҵахоит (ажҽаҩка)."Подобно весам кланяется, то поднимает голову, то опускает" (пословица). В приведенных антонимах общими являются корни ха (а-ха-ра) "тянуть". Аффиксы ҩа "вверх" ҵа "вниз" способствуют противопоставлению корня по противоположности.

К этой же группе можно отнести как ее разновидность и: 2) антонимы образующиеся от производных слов, корневым элементом которых являются не самостоятельные корни, а суффиксы - корни. Приведем пример: Ауыҵра наҵтҳоуп, аҩбал ааҵтҳоуп (ажҽаҩка). "Надежда - далека, смерть - близка" (пословица). В приведенном примере общим для антонимов является стҳа , не образующее самостоятельно отдельного слова, и известного в абхазоведении под названием суффикса - корня[13].

Ш. К третьей группе отнесем антонимы: I) образующиеся путем противопоставления корней, но имеющих одинаковые аффиксы: Абар ҳы-мшцы Данакаи аҩша дыкуҵаны дыҵшыхуеижьҵеи. Уака икуҳуоит, икушоит аха иҩакгьы дакуам. "Вот уже третий день, как Данакай сидит на дереве для разведки. Там (букв.) на - него - находят - сумерки и на - него - находит - рассвет (встречает сумерки и рассвет), но и спать ему не хочется". В приведенных антонимах общим является аффикс ку, корни разные: в первом- ашара "рассвет", во втором - ахҭлара "сумерки".

---

13 Ломтатидзе К.В. К структуре сложно-составных глаголов в абхазском языке. - В сб.: ИКЯ, т.IУ, Тбилиси, 1953, с.91 (на груз.яз.).

К этой же группе можно отнести подгруппу: 2) аҵалара "попасть во что-то" - аҵыҩра "выйти из чего-то". Абахҵа аҵалара маршоуп, аҵыҩра уадаҳоуп (ажҽаҩка)."Попасть в тюрьму легко, выйти - трудно (пословица). Эти антонимы отличаются от первой подгруппы тем, что в качестве противопоставляемых единиц используются суффиксы - корни ла "зайти - во внутрь" ҩы- "выйти изнутри", при наличии обеих основ одного и того же аффикса места ҵа . Отметим при этом, что противопоставлению способствует и редукция гласного звука при аффиксе; ср.: аҵалара "войти внутрь" и аҵыҩра "выйти изнутри".

Известно, что в литературно-художественных текстах антонимы широко используются как одно из сильнейших выразительных средств.[14] Широкое применение они имеют в устном народном творчестве, особенно в произведениях малого жанра, таких как пословицы и поговорки и т.п.

Антонимы, представленные в пословицах и поговорках, приобретают переносное значение. Например: I) Аҳа наблыз ахьшҽашҭа дагьҳҳоит (ажҽаҩка). "Обжегшись на горячем дул на холодное" (пословица). Если антонимы аҳа "горячее" - ахьшҽашҭа "холодное" в прямом значении представлены для передачи температурных явлений, то в переносном значении указывают о чьей-либо излишней предусмотрительности или осторожности, вызванной прошлым опытом.
2) Аҩҳара - лашароуп, аҩҳарадара - лашьҭароуп (ажҽаҩка). "Ученье - свет, неученье - тьма" (пословица). Если антонимы алашара "свет" - алашьҭара "тьма" в прямом значении определяют состояние окружающего пространства, то в переносном значении подчеркивают значение образования, пользу знаний. Алашара "свет"- олицетворяет образование, а его антоним алашьҭара "тьма" - отсталость.
3) Ҧҽи мламыи зеибадырҩам (ажҽаҩка)."Сытый голодного не разумеет" (пословица). Пословица приобретает и дополнительное значение, помимо того, что сытый человек не способен понять чувств и ощущений голодного, и то, что пресыщенность и во всем остальном, противостоит непресыщенности. Благодаря антонимическим сопоставлениям пословицы звучат значительно точнее, образнее, приобретают большую выразительность.

---

14 Львов М.Р. Школьный словарь антонимов русского языка. М., 1981, с.12; Калинин А.В. Лексика русского языка, изд. Московского университета, 1978, с.60.

Довольно часто в художественной литературе и народном творчестве встречаются, когда в одном предложении употреблены две пары антонимов. Приведем примеры: I) Алаху ла дыкулар, изымйзазо, аза дыкулар, имтаруа, о, аниза ду, шьарда зымчу, игьумыжьан ари амаалоыьь хгъы улъха, угупха.(Б.Шь.). (букв.) "Если взберется на сухую ветку, чтобы не сломалась, на сырую взберется, не согнулась, о великий бог, ты всесилен, помоги ему, и благослови этого маленького ангелочка". 2) Ихаау амц айкыс, шашоу айабырг. "Лучше горькая правда, чем сладкая ложь" (пословица). 3) Ядукеи аеы хыхь - ажэеан, цака - адгьыл, пак ида уае дсымазам сара, дад. (Ш.С.) (букв.) "Вверху - небо, внизу - земля (между небом и землей) нет никого у меня на свете, кроме одного сына, дад".

Употребление нескольких пар антонимов в тексте подчинено определенным стилистическим задачам. Например, для создания контраста и внутреннего ритма, выражения оценки противоположных свойств предметов, для усиления образа и т.д.

В заключение мы хотели бы отметить, что данная работа не претендует на всестороннее глубокое освещение рассматриваемой проблемы. Нашей целью было описание наиболее существенных аспектов поставленного вопроса в пределах возможных в объеме небольшой статьи.

Литература

I. Введенская Л.А. Словарь антонимов русского языка. Изд.Ростовского университета,I97I.

2. Калинин А.В. Лексика русского языка. Изд.Московского университета, I978.

3. Комиссаров В.Н. Проблема определения антонима (о соотношении логического и языкового в семасиологии). - Вопросы языкознания, 2. I957.

4. Ломтатидзе К.В. К структуре сложно-составных глаголов в абхазском языке. - В кн.ИКЯ,т.IУ.Тбилиси,I953 (на груз. яз.).

5. Львов М.Р. Школьный словарь антонимов русского языка.М., Просвещение, I98I.

6. Новиков Л.А. Логическая противоположность и лексическая антонимия. - Русский язык в школе, 4. I966.

7. Новиков Л.А. Семантика русского языка. М.:Высш.школа,I982.

8. Реформатский А.А. Введение в языкознание.М.:Просвещение, I967.

9. Русский язык. Энциклопедия. - М.:Советская энциклопедия,I979.

I0. Степанов Ю.С. Основы общего языкознания. - М.:Просвещение, I975.

II. Шакрыл Т.П. Категория наклонения в абхазском языке (к теории вопроса). - Тбилиси,Мецниереба, I98I.

I2. Шанский Н.М. Русский язык. Лексика. Словообразование. - М.: Просвещение, I975.

I3. Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка. - М.: Просвещение, I972.

I4. Шмелев Д.Н. Современный русский язык. Лексика. - М.: Просвещение, I977.

I5. Фомина М.И. Современный русский язык. Лексикология. - М.: Высш. школа, I978.

I6. Ажэа хьырызыгукуа. Ажэаптакуа. Ешуу. Шь. Камкиа.-Акуа : Алашара, I970.

I7. Аџсуа жэаптакуа. Ешуу. Ш. Инал-ипа, С. Аллеиба. -Акуа : Алашара, I967.

I8. Аџсуа жэаптакуа. Ешуу. Х.С.Бгажэба. - Акуа: Алашара, I983.

I9. Аџсуа жэлар рыаныцтэ рыамацтэа. Ешуу.Шь. Салакама. Картэ-Акуа:Такатэ, Алашара, I977.

20. Баратэема Н.Т. Цалкаау. - Акуа: Алашара, I982.

2I. Гулиа Д.И. Исыцтакуа IУ атом. - Акуа, I962.

22. Шьынкуба Б.У. Ахаҳэ еиеса. - Акуа: Алашара, I983.

С.М.НАЧКЕБИЯ

О НЕКОТОРЫХ ТЕРМИНАХ, СВЯЗАННЫХ С РЕЛИГИОЗНЫМИ ОБРЯДАМИ (В АСПЕКТЕ СУДОПРОИЗВОДСТВА)

На основе материалов археологических раскопок Кударо I (Юго-Осетия) В.П.Любин утверждает, что зачатки религиозных верований (*адинхаҧара*) в Закавказьи возникли очень рано и датирует их концом ашельской эпохи (300-100 тысяч лет тому назад)[1]. Как и во все остальные периоды, и в древнейшую эпоху матриархата религиозные представления отражали социальные отношения. Характерной чертой абхазской религии было олицетворение многих явлений природы в образе божеств женского пола[2], что свидетельствует о древности религиозно-обрядовых традиций абхазов.

Не случайно поэтому связанные с религией абхазские обряды (*аныҳәагатә, аҧас*) и отражающая их лексика (термины) пронизывают всю социальную действительность абхазов, включая даже судопроизводство.

Во время экспедиции нам довелось собрать полевой материал, включающий в свой текст лексические единицы, связанные с религиозно-судопроизводственными и другими терминами, представляющие, на наш взгляд, определенный интерес, на которых мы сосредоточили свое внимание.

С северной стороны села Ачандара Гудаутского района между реками Чбаара (*Цбаара*) и Ччикуара (*Ччыкуара*) находится гора Дыдрыпш (*Дыдрыԥшь*). Вершина названной горы испокон веков считалась местом пребывания божества (*аныхатәарҭа*) и называлась Дыдрыпш-ныха (*Дыдрыԥшь - ныха*). Людям подниматься на эту вершину было запрещено. По словам пастухов, и скот не поднимался на вершину этой горы.

Дыдрыпшское святилище до недавнего времени считалось всемогущим (*ибарда зымчу*), великим. Поэтому к нему ходили многие в поисках правды и справедливости. Но обряды моления (*аныҳәара*) и проклинания (*абзара*) и т.п. происходили у подножья горы, на окраине села. Там стояли два больших граба, из которых остался один. У подножья этого дерева имеется невысокая каменная ограда (*ахаҳәгара*) диаметром около трех метров. На огражденную территорию заходить было запрещено, т.к. считалась священной (*ицызбоу*). С западной стороны на расстоянии двух - трех метров имеется родник.

---

1 Любин В.П. Кударо I. - Советский Союз, 1959, №8, с.33.

2 Анчабадзе З.В. История и культура древней Абхазии. М., 1964, с. 52.

У ствола оставшегося граба висели хозяйственные орудия из бронзы (*аҧьаз*) и меди (*абеа*): топоры (*аԥхакуа*), котлы (*ачуанкуа*), кувшины (*ақрыҵкуа*), грабли (*аҳәҳәага*). Там также находились наконечники копий (*аҵсахаҧакуа*) и стрел (*ахҵакуа*). Верующие (*адинхаҧаԥуа*) не трогали эти предметы и они до недавнего времени были сохранены. Как сообщает информатор В.Ч.Чичба, там находились и золотые вещи: меч (*ахәа*), топорик (*аԥкуаза*) и серп (*амагана*). За оградой в повернутом виде и сегодня лежит чугунный большой котел (*аҭыҵьтә чуан*) для варки мяса.

Наличие бронзовых предметов у святилища объясняется тем, что они являются древнейшими предметами, использовавшимися жителями самого села. Как известно, в селе Ачандара археологами выявлено много предметов эпохи бронзы, к которым относятся: бронзовые топоры (*аҧьазтә ԥхакуа*), кинжал (*аҟама*), наконечники копий, ножные кольца (*аԥьахуҵахаҧа*), шейные гривны (*ахуҵхаҧа*), пинцеты, браслеты (*амахуҵахаҧа*), пряжки (*аҭыҵьқуа*), фибулы (*ачулафкакуа*) и многие другие[3]. Там встречаются материалы и последующих периодов: античности, средневековья[4] и т.д., что, очевидно, может свидетельствовать о преемственности духовной и материальной традиции населения этих мест. Материалы этих периодов часто встречаются во время земляных работ. Известно, что в древности в могилу вместе с покойником клали разные вещи, в том числе и бронзовые.

Нахождение бронзовых предметов на месте моления (*аныҳәарҭа*) указывало на мощь (*амч*) святилища, на силу его магической роли (*амагатә ҧхы*).

Могущество святилища Дыдрыпш признавалось всем населением Гудаутского района, которое и поклонялось ему.

Моление или проклинание должно было происходить в присутствии и при активном участии жреца (*аныҳаҳәаа*). По традиции жрецами Дыдрыпш-ныха были представители рода Чичба. До последнего времени эту роль выполнял житель села Ачандара 66-летний Владимир Чантович Чичба.

Недавний жрец был убежден в мощи святилища: он считал, что если не соблюдать необходимые правила обряда (*аҧас*), оно (Дыдрыпш-ныха) давало о себе знать (*ачыԥнардыруан*). Он рас-

---

3 Лукин А.Л. Материалы по археологии Бзыбской Абхазии. Л., 1941, с.55.

4 Гунба М.М. Новые памятники цебельдинской культуры. Тбилиси, 1978, с.62-63.

сказал об одном из случаев, убедивших его в свое время в могуществе святилища: одним из двух сваливших грабов была разрушена каменная ограда; для ее восстановления нужно было убрать сваливший-ся граб. Наведение порядка полагалось начать с обряда жертвоприношения, сопровождаемого молением, в связи с чем закололи козла и произнесли молитву (аныхҙара). После завершения трапезы неожиданно сломались два основных ствола оставшегося граба. Притом, как он утверждает, не было ни ветра, ни дождя, способствовавших бы ломке этих стволов. Для установления причины случившегося обратились к знахарям (аҵаанеиҙа), которые объяснили, что причиной является то, что при молении отсутствовали свеча (аиҙымза) и пирог с сыром (ачаиҙ).

Считалось, что Дыдрыпш-ныха отличалось своей суровостью и справедливостью: оно не прощало просчетов, а тем более лжепоказаний, в частности, ложной клятвы (амцкура), и за это наказывает строго. Потому пострадавший (ахбаа змоу) требует, чтобы подозреваемый (ҕрамгартҙас ирҟыз) оправдался перед Дыдрыпш-ныха при участии двух или трех близких ему людей (ахыҟуаанеиҙа), которые вместе с ним должны клясться (аҟура) о его невиновности. Если подозреваемый считает себя невиновным, тогда смело идет к Дыдрыпш-ныха в сопровождении своих близких родственников для своего оправдания (реабилитации); там он официально заявляет о том, что не имеет отношения к тому делу, в котором его обвиняют. Сопровождающими должны быть братья или самые близкие ему люди. Если они сомневались в правоте обвиняемого, тогда последние отказывались быть его сторонниками. Если они шли на клятву, но после этого учащались случаи заболеваний членов семей обвинаемого и его сторонников, тогда обязательно обращались к знахарям. Последние объясняли это тем, что они совершили грех (ауҳаҳа), что и является причиной (амзыз) их бедствий. Чтобы ликвидировать напасти, необходимо было, чтобы грешный (ахара здыц) признал свою вину и возместил ущерб (аҧхасҭа), нанесенный истцу; с последним должны были согласовать объем мзды.

Иначе говоря, преступник вынужден был разоблачить самого себя. Он при свидетелях (ашахатцеиҙа) рассказывал, что сделал и как сделал, давал обещания ничего не пожалеть для своего выкупа (ахҷыхра) - отпущения своих грехов.

Грешник обо всем этом рассказывал жрецу, который выполнял роль посредника между обвиняемым и пострадавшим. Если ему удавалось уговорить последнего, тогда он об этом сообщал ахара здыц , который безоговорочно соглашался на предъявленные усло-

вия. Если это было связано с кражей, вор (ахара здыц) должен был возместить убыток сообразно любому требованию пострадавшего , если это было связано с убийством (хотя не всегда) преступник мог откупиться за установленную мзду, после чего становилось возможным примирение враждующих сторон. Жрец сперва должен был примирить врагов и только после этого брал преступника к Дыдрыпш-ныхе для выкупа.

Жрец становился лицом к святилищу и произносил следующие слова: "Великий, всемогущий Дыдрыпш-ныха! Сюда пришел просить тебя этот человек (называет фамилию и имя преступника), который из-за своей недальновидности совершил преступление, но сейчас кается; он теперь уже перенес немало бед, и просит тебя, чтобы в дальнейшем больше ты не наказывал его. Пострадавший тоже здесь находится, стоит с расстегнутым поясом (амаҟа пыртра), он тоже просит тебя больше не наказывать преступника". "Дыдрыпш-ныха ду, шьарда зымчу, абра дуҳәарацы даанит абри ауаҩ (ихьзи ижәлеи иҳәоит), имдырра иахҟьаны ақунамга иҟаиҧаз дахьхуит, дзықушәазгьы маҷзам, дуыҳәоит ари нахыс ари аус ала аны дақумаршәарацы.Ацәгьа ззиузгьы ара дыҟоуп, имаҟа цыртны дгылоуп, уигьы дуҳәоит дзықуыршәаз изуырхаразы." Расстегивание пояса считалось обрядом прощения (анажьбра). Термин " амаҟа пыртра" (расстегивание пояса), указывающий на старый обычай прощения сохранился и в настоящее время.

После того как жрец завершал свою молитвенную речь, все присутствующие выражали свое одобрение возгласом "амин".

После описанного обряда ее участники стелили на землю ореховые листья, клали на них продукты жертвоприношения и проводили свою трапезу.

Были случаи, когда пострадавший свои проклинания у Дыдрыпш-ныха сопровождал требованием возмещения нанесенного ущерба двух- или трехкратной стоимостью. После этого, если даже вор признавал себя виновным, пострадавший не соглашался (ҕразхомызт) на примирение, пока ему не заплатят названную им сумму или определенное количество животных, так как он уже боялся нарушить свои условия, предъявленные при божестве Дыдрыпш-ныха.

Свидетельством того, что Дыдрыпш-ныха может разоблачить и уголовных преступников, совершивших убийство, был приведен случай,имевший место в действительности.За сестрой Г.ухаживал его сосед Б.,однако первый не считал соседа достойным претендентом, в связи с чем убил его и спрятал.Братья убитого начали подозревать Г.в убийстве, но тот стал отрицать предъявленное ему обвинение;

тогда первые предложили ему поклясться перед Дыдрыпшем. Убийца согласился и вместе со своими братьями поклялся у Дыдрыпш-ныха в том, что он не причастен к убийству Б. После этого родственники Б. не стали его преследовать.

Прошло много времени. В семье Г. участились неудачи, он сам часто начал болеть, и стал вспоминать о совершенном им преступлении почти 50 лет тому назад.

Причины своих бед (*арыцхараҟуа*) стал связывать с ним. Он решил пригласить к себе жреца и рассказать ему обо всем. Предварительно он послал человека (*ауаҩы дгылъеит*) к брату убитого им с предложением заплатить за кровь (*амҩаԥса*). С помощью жреца уговорили родственников. Этот факт в народе был принят как божья кара за совершенное преступление. Страх перед Дыдрыпшем вынудил преступника публично признать свою вину.

Другой факт. В обед А. отпустил быков, и, оставив плуг на вспахиваемом поле, пошел домой отдыхать. Когда через несколько часов он вернулся на поле, то не нашел цепь (*азыҟьыр*), с помощью которой плуг прикреплялся к ярму. Подозрение пало на одного из соседей. Вызванные соседи предложили подозреваемому поклясться у Дыдрыпш-ныха о своей невиновности. Однако на следующий день цепь оказалась на месте, после чего подозреваемому не пришлось клясться. Вор во избежание божьей кары решил вернуть присвоенную вещь. Страх перед Дыдрыпшем заставил вора отказаться от намерения.

Днями моления или клятвы считались воскресенье и вторник. Пострадавший, имеющий подозрение и недовольство (*агуаанызбзоуп*) относительно кого-либо, проклиная его, ставил свечку. Этот процесс происходил при трех-четырех свидетелях.

Среда и пятница были днями разбирательства дел. К месту моления приходили обе стороны вместе с жрецом. Там каждый высказывал свои соображения по спорному вопросу и разбирали дело. Обвиняемый с целью отвода обвинения (*ахарадҵара*) делал все возможное. Если удавалось помирить их, тогда подозреваемый должен был поклясться, чтобы реабилитировать себя.

Были случаи, когда обвиняемый под страхом перед Дыдрыпш-ныха, признавал свою вину, не доводя дела до разбирательства у святилища.

Те, кто клялся или проклинал, бросали в ограду сухую ветку (*аҵэтаҵсара*) с тем, чтобы увеличить силу проклинания или клятвы.

По правилам моления, у Дыдрыпш-ныха было запрещено произно-

сить клятву или бросать ветку в ограду тем, у которых в семье находилась женщина в положении. Этот запрет иногда использовался некоторыми в целях увиливания от клятвоприношений.

Например, поссорились два соседа. Ввиду того, что виновный не признался (*иҷы аникуҵьыме*) в содеянном, ему предложили поклясться в своей невиновности, с чем он и согласился. Однако через некоторое время он признался своим близким, что не может поклясться, поскольку он виноват. Его родственники решили найти выход из положения, чтобы выгородить его. К их счастью, жена, обвиняемого была в положении. Использовав это обстоятельство, родственники решили примирить обе стороны, что и удалось.

Преступник с тремя-четырьмя людьми шел к жрецу, брал с собой свечку, пирог с сыром, вареного петуха; закусив, выпив по рюмке, устанавливали день вызволения (*ахҷыхра алиш*).

Когда наступал день вызволения, обвиняемый со своими близкими брал козла, более годовалого (*ахбакулара инеишаш*), пирог с сыром, напитки и шли к жрецу. Приглашали пострадавшего, соседей. Жрец брал сердце и печень козла, надевал на ореховую ветку и произносили молитву с просьбой простить виновного. Последний становился на левое колено. После совершения молитвы все присутствующие произносили "Амин!", затем принимались за еду.

В данной статье мы не стремились изложить историю Дыдрыпш-ныха. О ней достаточно подробно писали известные абхазские ученые Ш.Д.Инал-ипа, Л.Х.Акаба, а также Г.Ф.Чурсин, А.В.Введенский, Я.Пасхалов, А.А.Миллер, Л.Н.Ладария и др.

Нашей целью было зафиксировать термины, связанные с описанными обрядами и дать их некоторый лингвистический анализ:

I) *абзара* 'проклинать'; 2) *адинхаҵара* 'верование' - *адин* - 'вера' (заимствов.слово) + *(а)хаҵара* 'верить'; 3) *адинхаҵаеи* 'верующий' - *адин* + *ахаҵа(ра)* + *и* (словообразовательный суффикс, восходящий к корню слова *ауаҩы* 'человек'; 4) *а-кура* 'клясться'; 5) *амцныхафара* 'ложное присягательство', 'ложная клятва' - *амц* 'ложь' + *(а)ныха* + *(а)фара* 'кушать'; 6) *амцкура* 'ложная клятва' - *амц* + *(а)кура* 'клясться'; 7) *а-нажьра* 'простить' - (корень-суффикс *жь* 'бросать', ср.: с *акажь-ра*, *на*, по всей вероятности, восходит к направительному превербу); 8) *аныхатаеи* 'жрец' - *аныха* 'святилище' + *таеи* 'служитель'; 9) *аныхатәарҭа* 'место пребывания божества' - *аныха* + *атәа(ра)* 'сидеть' + *рҭа* (словообразовательный суффикс, обозначающий место); I0) *аныхдәарҭа* 'место служения (моления)' - *аныхдара* 'служение (моление)' + *рҭа*;

II) а-разра 'согласиться'; 'смилостивиться'; I2) ахара-дӡара 'обвинение' - ахàра 'вина' + (а)дӡа(ра) 'приложить (предъявить)'; I3) ахахҙгӡара 'каменная ограда' - ахахҙ 'камень' + (а)гӡара 'ограда'; I4) ахҙыхра 'выкупить-ся' - ахы голову + (а)ҙыхра 'извлечь'; I5) ицкьоу 'свя-щенный от (а)цкьа 'чистый', 'святой'; I6) аӡаасы 'знахарь' - аӡаа-ра 'узнавать, спрашивать' + ы ; I7) аӡҙгаҙсарà досл.: 'закидывание ветки' - досл.: аӡҙ(ы) 'палочка' + тӡа (локат. преверб) + ҙса корень-суффикс 'сыпать', ср.: акаҙсарà 'рассыпать'; ахаҙсара 'досыпать'; I8) ашьаҙса 'плата за кровь', досл.: ашьа 'кровь' + ҙса 'цена'.

Имеются термины, представляющие сочетания слов: имени и причастия: I) ахàра здыу 'грешный' (досл.: тот, на котором лежит вина); 2) ахьàд змоу 'пострадавший' (тот, который имеет боль; 3) агуаанҵ змоу 'недовольный' (тот, который имеет недовольство); 4) гуаҩгартӡас иркыз 'подозреваемый' (которого заподозрили); наречия и причастия: 5) шьарда зымчу 'всемогущий' (тот, который имеет большую мощь); имени и масдара: 6) амака пыртра 'растегивание пояса'; 7) ахҙыхра амш 'день вызволения' (досл.: себя вызволения день); 8) ацы ақупҵера 'признаться' (вынужденный признаться в содеянном). Встречаются также и заимствованные термины: адин 'вера', ақунаҳа 'грех', (из тюркских языков), àмзыз 'причина', аӡас 'обряд', (считается из грузинского языка).

Эти данные не исчерпывают всего богатства терминологии, относящейся к религиозным обрядам, мы ограничились лишь теми из них, которые даны в тексте.

В.А.ЧИРИКБА

К ГЕРМАНО-ЗАПАДНОКАВКАЗСКИМ ЛЕКСИЧЕСКИМ ПАРАЛЛЕЛЯМ

Кавказский языковый мир, очевидно, всегда представлял собой открытую систему, в силу своей географической локализации особенно подверженную разнообразным контактам с языками народов, не только сопредельных, но и более удаленных от Кавказа территорий. С точки зрения изучения таких контактов кавказские языки, можно сказать, все еще представляют собой "нераспаханную целину". Неблагоприятным моментом здесь является пока еще недостаточная изученность, "инвентаризация" лексического фонда этих языков. Это тормозит более или менее масштабные исследования их контактной лексики. Появляющиеся в последнее время работы подобного рода касаются в основном сравнительно поздних для истории кавказских языков контактов. Не меньший интерес, однако, представляет изучение и более древних контактов данных языков с языками, носители которых так или иначе в различное время проходили через Кавказ, жили на его территории или вблизи.

В числе языков, с которыми кавказские языки контактировали с глубокой древности, находятся индоевропейские языки. Однако до сих пор мы имеем весьма смутное представление о масштабах и даже о самом наличии таких контактов, следы которых, тем не менее, не могут не бросаться в глаза лингвисту. Предметом настоящей статьи является анализ обнаруживающихся германо-абхазоадыгских лексических встреч, которые, на наш взгляд, могут свидетельствовать о наличии определенных, довольно древних контактов германцев с западнокавказскими народами (о наличии, в частности, готско-западнокавказских связей см. недавнюю статью В.Н.Топорова: II, с.292 и далее).

Для демонстрации германских параллелей кавказским мы в подавляющем большинстве случаев использовали общегерманские праформы, что в ряде случаев оказывалось необходимым для фонетического обоснования сближений. В какой-то мере общегерманские реконструкции способны помочь относительной хронологизации контактов. Соответствующий кавказский материал распределен по языкам менее компактно. Наряду с общезападнокавказско-германскими параллелями здесь возможны и специфические абхазо-германские или адыго-германские изоглоссы. Имеется ряд лексем, распространение которых выходит за рамки абхазо-адыгского языкового материала.

Контактная лексика является результатом заимствования из одного языка в другой (прямо или опосредованно). В данном случае не всегда можно с уверенностью сказать о направлении предполагаемого

заимствования. Иногда мы имеем дело с явным германизмом в кавказском, имеющим индоевропейскую этимологию. Иногда, однако можно предположить и кавказский источник для германского слова.

Обратимся непосредственно к рассмотрению сопоставляемых лексем.

I. Абх. аjgʲəšʲ , абаз. gʲašʲ "топорик для рубки хвороста", убых. gʲašʲä "топор", каб. wäšʹ , адыг. wäś "топор-колун". По А.К.Шагирову, в убых. gʲ закономерно из gʲʷ (ср.абх.-адыгск. gʲʷə "сердце" - убых. gʲə); в адыгских языках вероятна утрата анлаутного gʲʷ (о вероятности такой утраты см. I3, II, с.94). Осетинское (дигорск.устар.) wæs "топор" может быть и не связанным с абхазо-адыгскими словами - при наличии санскр. (вед.) vāśi- "топор" (I3, II, с.94). Иначе см. у Б.Х.Балкарова и К.Боуды (2, с.58; I6, с.20I). В то же время в германском есть весьма сходные с западнокавказскими названия топора: герм.*akus- , *akwesj-ō, akwezj-ō "топор": гот. aqizi , др. -исл. ǫx, ax , др. -англ. æx , æces , др.-сакс. akus , др.-в.-нем. ackus (3, II, с.205). Германское слово не может быть развитием и.-е.ak- "острый", поскольку индоевропейское *k̂ дало бы в германском *χ → h , но никак не k (по закону Гримма). Исходная для протогерманского слова форма - agwesī (I9, с.66), что фонетически хорошо отвечает абхазо-адыгскому *gʲʷaśʲʷə (реконструкция наша). С точки зрения анлаутского гласного в германском см. особенно абхазскую форму.

2. Адыг. kʲʷäcə (в бжед. и шапс. kʲʷäcə), каб. gʲäz , убых. kʲʷäcə "пшеница". Происхождение слова, по А.К.Шагирову, неясно (I3, с.III). Сванское k'wecen "пшеница" считается усвоенным из адыгских языков (9, с.I30). Похожая лексема, но с несколько отличным анлаутом (и вокализмом), представлена в дагестанских языках, ср. цах. q'iči , инхоквар. qeče "хлебный злак, "зерновой хлеб", дарг. чир. qlučʼ "хлеб".

Близкая к адыгской лексема имеется в германских языках: общегерм.*xwaiti-a-n "пшеница": гот. ƕaiteis , др.-исл. hueiti , др.-англ. hwǣte , др.-сакс. hwēti ,др.-в.-нем. (h)weizi , weizzi (3,II, с.I68). Анлаутское *xw в германском восходит к kw , что еще более сближает это слово с кавказскими. Оно засвидетельствовано и в балтийских языках, ср. лит. kviet̃ys "пшеничное зерно", мн.ч. kviečiaĩ "пшеница", латыш. kviesis , мн.ч. kvieši "пшеница", которые считают давними германизмами (I2, с.74-75) (см. соотношение германского и балтийского анлаутов). Существующая традиция англ. wheat

(< др.-англ. hwǣte) "пшеница" связывает с white "белый" за белесые зерна и особенно за белые цветки (др.-англ. hwit "белый") (I8, с.864; 20, с.48). Наличие кавказских параллелей германскому названию пшеницы может, на наш взгляд, затруднить эту этимологию. Вопрос о направлении заимствования в данном случае неясен. Если источником адыгских слов считать германский, то трудно объяснить замену германского ауслаутного -t аффрикатой в адыгском. Напротив, субституция адыг. -c на -t в германском (при допущении заимствования из кавказского) легко объясняется отсутствием аффрикаты в германском консонатизме. Следует подчеркнуть, что соотношение анлаутов германского и адыгского слов с необходимостью заставляют нас оперировать именно прагерманской формой этого слова.

3. Абх. a-ɬakʲʷ "запор, засов, деревянная задвижка". Связи с материалом близкородственных языков неясны. Если в абхазском допустить метатезу, то aɬakʲʷ окажется близким к соответствующим дагестанским словам, ср. авар. kʼul "ключ", kʼulal "замок", лак. kʼula "ключ", арчин. ɬerem-kʼul "замок" и т.д. Сходные названия ключа имеются в индоевропейских, семитских, картвельских языках (7, с.I69). Абхазская форма этого слова, с другой стороны, оказывается весьма близка германским названиям запора, засова: герм.*luk-a-n "запор": гот. us-luk "отверстие", др.-исл. lok "запор, крышка", др.анг. loc "запор, засов, тюрьма" (3, II, с.227), др.-исл. lúka "запирать", lykill "ключ", др.-фриз. lok "запор, замок"; "замок, убежище", др.-норв. loc "запирание, замыкание"; "замок, засов", др.-анг. lūcan ,др.-фриз. lūka , др.-сакс., гот. lūkan , др.-в.- нем. lûhhan , ср.-в.-нем. lūchen , др.-норв. lūka "запирать, замыкать" (I8, с.362). В индоевропейском корнеслове это германское слово является, по-видимому, изолированным.

4. Каб. jatʲä "грязь, земля, глина". Сюда же, может быть, и абх. a-ɬəmtʲ "грязь на теле". Схожее слово имеется также в мегрельском (letʲa "грязь, глина") и лазском (leta "земля"). Ср. еще и каб. Iätʲä-ɬatʲä "грязь, слякоть". В германском ср.*laþ "сырой, мокрый": др.-исл. leþja "глина, грязь", которое Э.Макаев возводит к и.-е.*lap (8, с.95). Мегрело-лазское слово Г.А.Климов прямо сопоставляет с и.-е. *lat(a) "болото, сырой" (7, с.I70).

5. Абх. a-mat , абаз. matə , убых. antʲa "змея". Сюда же Г.А.Климов привлекает предположительно ntʲä в адыгск. lantʲä "гибкий, легко сгибаемый" (6, с.302), которое А.К.

Шагиров, однако, сближает с другим абхазским материалом (I4, с.70-7I). Из некавказских параллелей Г.А.Климов под вопросом указывает на и.-е. *math "червь, паразит (5, с.I29). По А.К.Шагирову, созвучие кавказских и индоевропейских слов случайно или объясняется их звукосимволическим происхождением (I4, с.7I).

Нам идея связи индоевропейского и западнокавказских слов все же представляется заслуживающей внимания и именно с точки зрения специфики данной статьи. Дело в том, что реально основа представлена из индоевропейских языков лишь в германском, ср.герм. *maþ-an "червь, личинка", гот. maþa , др.-в.-нем. mado , др.-сакс. matho . Из древнескандинавского (ср. производное др.-исл. maðkr) идет прибалтийско-финское mato "червь, личинка" (4, II, с.77). Все другие индоевропейские параллели небезупречны и приводятся в словаре ностратических языков Иллич-Свитыча под вопросом: др.-инд. matkuṇa "клоп",? слав. *motyljь ~ *mętyljь (4,II, с.77). Неясны и связи арм. mat'il "вошь", которое предположительно возводят к раннеиранскому *muntur (4, с.77). Картв. *mat'i "червь" также связывают с соответствующими индоевропейскими лексемами (4, с.77; 6, с.302). Таким образом, здесь мы имеем специфическую германо-кавказскую изоглоссу (если прямо не связывать германское слово с индийской, славянской и армянской лексемами).

6. Связи абх. а-č'ар'ан (бзыб.), а-č'ар'ən (абж.), абаз. č'ар'ына "свирель" (из тростника или борщевика) среди родственных западнокавказских языков неясны. Не поддается слово и удовлетворительному внутреннему анализу. Естественно поэтому искать внешние параллели этой лексеме. В германском есть слово, которое, как нам кажется, могло бы претендовать на связь с абхазским. Это общегерманское *xarpōn "арфа": др.-исл. harpa , др.-англ. hearpe ср.-н.-нем. harpe, др.-в.-нем. harfa (3,I, с.I55).

По поводу происхождения слова в самом германском нет единого мнения. Так, Э.Партридж, сближая англ. harp (а также и глагол to harp < др.-англ. hearpian) с др.-в.-нем. harpfe , ср.-в.-нем. harpfe, harfe , др.-норв. hapa , заключает: of obscure origin (I8, с.279). Далее он делает попытку связать слово со скандинавским корнем herp- "сжиматься, сокращаться" (to contract), напр., "сжать пальцы", а за пределами германского - с греч. harpagē "крюк" (позднелат. hapāgō "крюк"), что нуждается, однако, в фонетическом обосновании. Из германского это название арфы вошло в позднелатинский (I8, с.279). Иначе у Т.Шипли: английское слово он возводит к

harpy "орудие пыток у древних греков и римлян"; греч. harpyiai "snatcher", по его мысли, связано с harpe "лапа, клещи, серп", откуда англ. harpoon (20, с.I76). Н.М.Шанский привлекает сюда же и русск. коробить, лат. corbis "корзина". "Это был щипковый инструмент, струны которого дергают согнутыми пальцами" (I5, с.I50).

Приведенные соображения по поводу происхождения германского названия арфы оставляют в силе мнение Э.Партриджа о его неясном характере. С другой стороны, какая-то связь его с абхазским названием свирели (также неясным) кажется нам возможной. Различие в семантике германского и абхазского слов не должно мешать сравнению, ср. адыг. pš'ana "гармоника", которое первоначально означало "скрипка". Серьезную трудность представляет, однако, объяснение соотношения анлаута германского и абхазо-абазинского слов (č'/c' : x). Впрочем, если исходить из первичности аффрикаты, то перед нами, возможно, еще один пример замены отсутствующей в германском консонантизме аффрикаты другим, более или менее близким согласным (на случай заимствования в германском), ср. аналогичное в сравнении под № 2.

7. Адыг., каб. (бесл., черк.) lâǧä "тарелка", абаз. laʃa "эмаль" (< адыг.). Это слово А.К.Шагиров связывает (в случае заимствования) с др.-в.-нем. lâga , позднедрев.-в.-нем. *lâge "сосуд для питья", откуда русск. (кавказ.) лаговка "посуда для молока" (I3, I, с.239-240).

8. Адыг., каб. ǧ°ə-č'ʷ'ä < *ǧ°ə-k'ʷ'ä "кузнец", адыг. č'ʷ'əš', шапс. k'ʷ'ə-šä "кузница", убых. wə-k'ʷ'ə "кузнец". Вычленяется адыгский корень k'ʷ'ə "ковать" (в убых. k'ʷ'ə "ковать"), то же можно реконструировать для праабхазо-адыгского (*k'ʷ'ə). К этому западнокавказскому корню весьма близко герм. *haw < *kaw "ковать", что продолжает и.-е. *kāu-, *kəu "ковать", ср.лат. cūdō "стучать, бить", русск. ковать и т.д. (8, с.92). Впрочем, возможно и прямое сопоставление абхазо-адыгского и индоевропейского корней.

9. Абх. а-гхнəš'ʷ'на, а-гхəš'ʷ'на, абх.батум. а-гах'əš'ʷ'ра а-нах'əš'ʷ'ра, абаз. гахč'əна "надочажная цепь", каб. ɬaxš, адыг. ɬxʷ'ənč' - то же, есть и формы ɬaxəš , ɬäxəš (каб.), ɬäxʷ'əč' (адыг.) (см. I3,I, с.247). Лексема имеется и в дагестанских языках: авар. гаххаss , дарг. гахаž "цепь", гунз. laxas/raxas "цепь", а также в осетинском - рæхəs/ рæхis "цепь, надочажная цепь" (I3,I, с.247-248). По В.И.Абаеву,

аварское и абхазское слова идут из осетинского, а само осетинское - из герм. *rak(k)is "цепь", ср.др.-в.-нем. rahhinza "цепь" (цит. по: I3,I, с.248), др.-исл. rakki "строп для крепления реи", др. -англ. racca "цепь". Германское слово связывают с др.-инд. rasána "веревка, пояс" (I0,I, с.I06). Принимая во внимание вышеуказанные факты лексических контактов кавказских языков с германскими, для первых посредство осетинского, как представляется, могло быть и необязательным.

I0. Абх. а-g°arta "стая, толпа, стадо", абаз. g°arta "отара, гурт, стадо", каб. g°artä , адыг. k°ärt "отара, гурт" (в последнем и "группа"). В качестве источника абхазо-адыгского слова В.И.Абаева указал на гот. kaurdr "стадо", привлекая в качестве языка-посредника осет. k'ord (k'°ar, k'°ard) "группа", "стая", "множество" (I, I, с.637). Данное сближение по фонетическим причинам представляется несколько уязвимым. Нельзя, кроме того, исключить возможность исконности абхазо-адыгских слов.

Сокращения названий языков и диалектов

абаз.	- абазинский
абж.	- абжуйский диалект абхазского
абх.	- абхазский
авар.	- аварский
адыг.	- адыгейский
адыгск.	- общеадыгский
англ.	- английский
арм.	- армянский
арч.	- арчинский
бесл.	- бесленеевский диалект адыгейского
бзыб.	- бзыбский диалект абхазского
герм.	- общегерманский
гот.	- готский
греч.	- греческий
гунз.	- гунзибский
дарг.	- даргинский
др.-в.-нем.	- древневерхненемецкий
др.-инд.	- древнеиндийский
др.-исл.	- древнеисландский
др.-норв.	- древненорвежский
др.-сакс.	- древнесаксонский
др.-фриз.	- древнефризский
и.-е.	- индоевропейский
инхоквар.	-инхокваринский
каб.	- кабардинский
лак.	- лакский
латыш.	- латышский
лит.	- литовский
осет.	- осетинский
санскр.	- санскритский
ср.-в.-нем.	- средневерхненемецкий
ср.-н.-нем.	- средненижненемецкий
убых.	- убыхский
цах.	- цахурский

Л И Т Е Р А Т У Р А

I. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т.I. М.-Л., I958.

2. Балкаров Б.Х. Адыгские элементы в осетинском языке. Нальчик, I965.

3. Зализняк А.А. Материалы для изучения морфологической структуры древнегерманских существительных. I. - "Этимология". М., I963; П - "Этимология". М., I965.

4. Иллич-Свитыч В.М. - Опыт сравнения ностратических языков. Сравнительный словарь (1–3), т.П. М., I976.

5. Климов Г.А. Этимологический словарь картвельских языков. М., I964.

6. Климов Г.А. Абхазо-адыгские этимологии (исконный фонд). - В кн.: "Этимология".I965, М., I967.

7. Климов Г.А. Несколько картвельских индоевропеизмов. - В кн.: "Этимология I979". М., I98I.

8. Макаев Э.А. Структура слова в индоевропейских и германских языках. М., I970.

9. Рогава Т.В. К вопросу о структуре именных основ и категориях грамматических классов в адыгских (черкесских) языках. Тбилиси, I956.

I0. Сравнительная грамматика германских языков, т.I. М., I962.

II. Топоров В.Н. Древние германцы в Причерноморье: результаты и перспективы. - В кн.: " Балто-славянские исследования: I982". М., I983.

I2. Чемоданов Н.С. К вопросу о германо-балтийских языковых связях. - В кн.: Вопросы германского языкознания. Материалы второй научной сессии по вопросам германского языкознания. М.-Л., I96I.

I3. Шагиров А.К. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков, т.I, II. М., I977.

I4. Шагиров А.К. Материальные и структурные общности лексики абхазо-адыгских языков. М., I982.

I5. Шанский Н.М. Этимологический словарь русского языка. Т.I, вып. I. М., I963.

16. Ch.Bouda. Étymologies oubykh. - "Journal Asiatique", t.CCXLIII, fasc.2. Paris, 1960.

17. S.Feist. Vergleichendens Wörterbuch der Gotischen Sprache. Leiden, 1939.

18. E.Partridge. Origins. A Short Etymological Dictionary of Modern English..Routledge and Kegan Paul. London and Henley, 1978

19. The Oxford Dictionary of English Etymology. Ed. by G.T.Onions. Oxford, 1969.

20. J.T.Shipley. Dictionary of Word Origins. New York, 1945.

Н.П.ЛАКОБА

ОБ АБХАЗСКОЙ ПОЭЗИИ ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В пору Великой Отечественной войны в задачу художественной литературы входило не только отображение борьбы и жизни в ее реалиях, но надо было перу и прежде всего лире стоять рядом с мечом с самого начала войны и до победоносного ее конца. Эту миссию советские поэты и писатели выполняли с полной отдачей сил, таланта и знаний. Результатом того служения являются бессмертные произведения художников слова, которые нередко сами находились в рядах Советской Армии и с оружием в руках шли на передовую линию огня, неся на своих плечах все невзгоды войны.

Для многих поэтов и писателей Абхазии Великая Отечественная война оказалась первым испытанием их мужества, стойкости, чести и доблести. В рядах Советской Армии сражались Ш.Акуба, К.Ачба, Ч.Джонуа, А.Джонуа, М.Лакербай, С.Сангулиа, Ш.Сангулиа. В героической борьбе за Родину отдали свои жизни М.Гочуа, Л.Квициния, С.Кучбериа, начинающие литераторы Н.Ануа, Р.Джонуа, В.Капба, Ш.Тория, С.Хурцлаа, С.Цабриа, В.Чичериа. В результате тяжелого ранения уже после демобилизации скончался талантливый поэт К.Агумаа.

Советская литература в период войны вступила в новый этап своего развития. Идеи и темы, сюжеты и характеры, ритмика и стилистика требовали глубокой эмоциональной перестройки. Все подчинились одной цели: отстоять в борьбе с фашизмом свою Родину: "Поэзия, как наиболее гибкая и мобильная форма литературы, первой взяла на свои плечи эту трудную задачу мобилизации духа", - говорится в Истории советской многонациональной литературы[I].

В те годы из всех жанров в абхазской художественной литературе наибольшее развитие получила именно поэзия, ставшая летописью народной жизни.

В этой летописи нередко создавались монументальные образы людей из действительной жизни, порой восходящие к символическим фольклорным образам, и, наоборот, фольклорные мотивы и образы вносились в поэзию и воспевались в ней по-новому.

В начальный период в абхазской поэзии преобладали публицистические произведения малых жанров, представляющие собой призывы, послания и назидания.

Затем рождались стихи, посвященные Родине, партии, Абхазии, городам-героям. Создавались стихи о конкретных участниках войны, о дружбе народов. Одновременно с этим получили развитие жанры баллады и поэмы.

I История советской многонациональной литературы, т.3, М., 1970, с.17.

Отдал свою лиру фронту и старейший поэт Абхазии Д.И.Гулиа. Его стихи "Близок час расплаты" (1941 г.) и "Вперед на Запад!" (1943 г.) призывают к героической битве с жестоким врагом. Девиз их - упорная борьба до победного конца.

Когда огонь войны коснулся Абхазии, Д.Гулиа в стихотворении "Наш Кавказ" (1942 г.), обращенном ко всему горскому народу, призвал монолитно встать на защиту края, чтобы с честью выполнить долг перед великой Родиной. Об этом же и стихотворение Б.Шинкуба "Абхазским воинам". Эти два произведения созвучны как по идейному замыслу, так и по художественным приемам - они как бы объединены обращением поэтов к эпическим героям, стремлением пробудить во всем горском народе былой бесстрашный характерный им патриотизм для борьбы с яростным врагом и победы над ним.

Борьбе во имя победы посвящены стихотворения "Думы воина" Б.Шинкуба, "Письмо в Апсны" К.Агумаа, "На фронт" Ч.Джонуа, "Ковали славу" А.Джонуа, "Брат" и "Абхазский кинжал" И.Тарба и другие. Идея советского патриотизма находит свое выражение в конкретных образах участников Отечественной войны. О героизме сынов и дочерей Абхазии создали циклы стихов Д.Гулиа, Б.Шинкуба, И.Тарба.

В цикле стихов "Песня о героях" (1943 г.) Д.Гулиа славит дочь абхазского народа - политрука А.Назадзе, артиллериста В.Харазиа, летчиков К.Агрба и М.Язычба, снайпера М.Цушба, пулеметчика П.Чолокуа, имена которых вписаны в историю войны как имена героев, павших смертью храбрых. Герою Советского Союза В.Харазиа Гулиа посвящает стихотворение "Песня о герое из героев" (1943 г.), получившее широкую популярность и ставшее народной песней. Есть там такие строки:

. . .

В сече с врагом, в дыму и в огне,
Сил не щадя, он погиб на войне,
Славы бессмертной достоин,
Родина, сын твой и воин!

Имя героя запомнит страна,
Песни о доблести сложит она.
И не забудет Абхазия
Светлое имя Харазиа[2].

(Перевод Я.Сашина)

2 Гулиа Дмитрий. Л., из-во "Советский писатель", 1976, с.122.

Своеобразен цикл стихов Б.Шинкуба "Владимир Харазиа" (1943г.). В этом повествовании о герое обобщенно отражены национальные черты, психология народа. Рассказывая о горе отца, узнавшего о гибели сына, автор подчеркивает, что, прежде всего, отца более всего волнует, как погиб сын:

... Сражаясь? На посту?
Геройством славу громкую стяжал,
Или бесславно от врага бежал?

Весть о героическом подвиге сына помогает отцу стойко перенести тяжелую утрату. И, обращаясь к пришедшим выразить ему сочувствие, он говорит:

Да, я горжусь!.. Чего же стоите вы,
И не поднимете поникшей головы?
Мой сын погиб за край родной свой -
Для славы ведь рождается герой...
... Он высоко победы знамя нес
Ведь не купают славу в море слез[3]!

(Перевод Б.Серебрякова)

Цикл заканчивается песней о герое из героев. Произведение захватывает патриотическим пафосом, основанным на чувстве высокого долга, традиционно сложившегося у народа.

Волнует стихотворение И.Тарба "На берегу реки Дон", посвященное А.Назадзе, в честь которой воздвигнут памятник на месте боев, где смертью храбрых пала славная дочь абхазского народа.

Из произведений широкого эпического масштаба следует назвать поэму "Песня о народе" (1948 г.) Д.Гулиа, баллады "Ачарпын" (1944 г.) К.Агумаа и "Прекрасная Гунда" (1942 г.) Б.Шинкуба.

В лиро-эпической поэме Д.Гулиа "Песня о народе" отражены самые напряженные моменты великой битвы народа: разгром немецких войск под Москвой, блокада Ленинграда, Севастопольская оборона, кровопролитные бои под Сталинградом, в предгорьях и на перевалах Кавказа. И в каждой строке - монолитная мощь, единство народа, несокрушимая вера в победу.

Плод яркого художественного мышления - баллада К.Агумаа "Ачарпын" о подвиге старца, пожертвовавшего жизнью, чтобы защищать свою Абхазию, Родину. Баллада начинается с мрачной пейзажной зарисовки, сразу вводящей читателя в атмосферу произведения, писавшегося в дни, когда враг был в горах Кавказа:

3 Абхазские поэты. Тбилиси, 1947, с.27.

Долины в объятьях тоски,
Утесы скорбят величаво,
Как слезы, летят лепестки
С цветов, опадая на травы...[4]

(Перевод Д.Голубкова)

В балладе поэт создал полнокровный образ героя с его внутренним миром, с его тревогами за судьбу родного края, с его чувством любви к Родине, нашедшим выражение в его подвиге. Складывающиеся ситуации в сюжетной канве убедительно конкретизируются. Детали обстановки, краски пейзажа - все подчеркивает, углубляет суть происходящего. Баллада "Ачарпын" - яркий образец незаурядного таланта К.Агумаа.

Баллада Б.Шинкуба "Прекрасная Гунда" (1942 г.) по своему идейному замыслу в определенной мере восходит к его лиро-эпической поэме "Меч". Она - призыв объединить силы в борьбе с врагом. Абхазия и ее народ предстают в романтическом плане. Поэт называет Абхазию "солнцеликой" страной, а ее народ - Гундой Прекрасной - героиней абхазского народного эпического сказания. В балладе оригинально сочетаются элементы фольклора, реализма и романтики. О жестокости, коварстве врага поэт пишет:

Он обрекал людей на муки -
Была военная гроза.
В крови его алели руки,
Горели жадностью глаза.

Об Абхазии поэт говорит с восхищением, представляя ее в облике очаровательной девушки:

Кто эту девушку не знает?
Подобных ей красавиц нет.
Прекрасный стан глаза
пленяет,
Немеет перед ней поэт[5].

Сыны Абхазии, защищая родной край, повели за собой полки к вершинам гор, где должна разразиться битва. Возникает яркая параллель: читатель невольно вспоминает легендарных братьев-богатырей из абхазского нартского эпоса, которые стали в защиту сестры Гунды прекрасной:

---

4 Антология абхазской поэзии. М., изд-во "Художественная литература", 1958, с.243.

5 Шинкуба Баграт. Стихи и баллады. Сухуми, изд."Алашара", 1971, с.189.

Сто молодцов неутомимых
Оружье древнее берут.
Сестры не выдадут любимой
И смерть скорее предпочтут[6].

(Перевод Б.Серебрякова)

Обращаясь к образу Гунды, во имя спасения жизни которой сплотились братья-богатыри, поэт подводит читателя к мысли о священном долге каждого - беззаветно защищать Отечество. Баллада Прекрасная Гунда" стала мужественным призывом к героической борьбе к победе, которую предстояло завоевать советскому народу.

В поэзии военного времени фольклорные мотивы, герои из устного народного творчества встречаются и в произведениях Д.Гулиа, К.Агумаа и ряде стихов других абхазских поэтов.

Критик А.И.Павловский высказал интересную мысль о роли фольклора в русской поэзии: "В дни войны... когда родная земля буквально уходила из-под ног в полон, к врагу..., многим приходили на память ассоциации с далеким прошлым, взор обращался к предкам, к истории, к той национальной тверди, которая взрастила и столетиями непоколебимо держала на себе многослойный духовный опыт народа. Поэтическое слово Великой Отечественной войны любило соприкоснуться с этим далеким прошлым"[7].

Хочется сказать, что фольклор в абхазской поэзии получил такое же осмысление.

Значительное место в абхазской поэзии заняла тема героизма русского народа в Отечественной войне. Она находит свое яркое выражение не только в стихах, но и в больших эпических полотнах, созданных Б.Шинкуба, И.Тарба, С.Кучбериа и другими. Одно из наиболее значительных среди них - поэма "Меч" Б.Шинкуба. В центре повествования - светлый образ разведчика Леонида Лунина, его фронтовая жизнь. Поэт знакомит нас с биографией героя. За год до начала Отечественной войны Лунин добровольно уходит в армию и с первых же дней войны сражается с врагом. Лунина в части любят: он прекрасный товарищ, отзывчивый, жизнерадостный, смелый человек. Его ценят как отважного разведчика.

Родное село Лунина оккупировано врагом, и ему, знающему здесь каждую пядь земли, надо идти в разведку. В темную дождливую

---

6 Шинкуба Баграт. Стихи и баллады. Сухуми, изд. "Алашара", 1971, с.189.

7 Русская советская поэзия. Статья Павловского А.И. "Голос героической души. Л., изд., "Наука", 1972, с.324.

ночь, когда "деревья льнули к земле" и "все живое трепетало от страха", Лунин отправляется выполнять боевое задание. Слабый луч луны освещает ему дорогу. Лунин вспоминает работу в колхозе, где он был передовым бригадиром, вечера, наполненные звуками песен. С болью прислушивается разведчик к молчанию села, стараясь угадать судьбу жителей, судьбу матери, близких и дорогих ему людей. Он видит перевороженное село. Разгромлено здание сельсовета. Школа превращена в конюшню, магазин - в амбар... От всего веет смертью, несет чужим духом. Выполнив задание, он не в силах пройти мимо родного дома, где оставил одинокую мать. Прильнув к окошку, он видит трех немецких офицеров, пьяных, сквернословящих. В их руках - фамильный меч Луниных, подаренный Леониду дедом. Лунин, рискуя жизнью, врывается в дом, убивает фашистов, уносит с собой меч.Все дальнейшее глубоко символично. Лирический герой поэмы погибает, но, умирая, он отдает в руки братьев фамильный меч как символ преемственности героизма и отваги русского народа, как призыв к отмщению, как эстафету борьбы и подвига.

Патриотизму русского народа посвящены произведения Б.Шинкуба "Партизан", "Песня о Саше Тышкевиче" С.Кучбериа и поэма И.Тарба "Мужество". Великая дружба советских народов стала смыслом лирических строк К.Агумаа в его трогательном стихотворении "Шел по равнине друг мой..." (1945 г.), звучит о том, как война еще больше сроднила советских людей, как горец назвал русскую женщину мамой, а украинского парня братом. В этом плане написано и стихотворение С.Кучбериа "Моя дорогая Родина" (1942 г.), созданное им в последние дни жизни. Лирическое обращение поэта-фронтовика к Родине волнует читателя. С гордостью признавая себя сыном Абхазии, С.Кучбериа говорит о своих больших, безраздельных чувствах не только к Абхазии, но и ко всей необъятной Отчизне, в чем своеобразно выразилось единство народов, проявлявшееся в годы войны больше чем когда-либо. Абхазская поэзия, мужая в огне всенародной войны, отличалась патриотизмом и целеустремленностью, верой в победу, стремлением раскрыть и осмыслить героизм битвы, от исхода которой зависела судьба всего советского народа, а вместе с ней - и судьба человечества.

З.Г.КВАРЧИЯ

О НЕКОТОРЫХ ИДЕЙНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ОСОБЕННОСТЯХ АБХАЗСКИХ БЫТОВЫХ СКАЗОК

Сказка - один из интереснейших жанров устной поэзии. Ее познавательное и воспитательное значение неоспоримо. Сказка тесно связана с жизнью народа, его бытом и мировоззрением. По словам А.Н.Толстого, "Сказка - великая духовная культура народа, которую мы собираем по крохам, и через сказку раскрывается тысячелетняя история народа"[1].

Сказкой, как известно, называется устный занимательный рассказ фантастического или бытового характера с установкой на вымысел. Все народы земли имеют сказки . В темах, идеях, сюжетах и образах сказок разных народов немало сходного. Сходство объясняется тем, что разные народы проходили одни и те же ступени в развитии экономической и общественной жизни.

В науке существуют различные классификации сказочного эпоса. Однако наиболее принятой является деление сказок на волшебные,бытовые и сказки о животных. Эта классификация в известной мере определяет внутрижанровые различия: в одних преобладают фантастические элементы, для других характерен специфический состав действующих лиц; третьи отличают социальные конфликты, бытовой фон. Однако существует множество сказок переходного типа, сочетающих в себе черты различных групп, например, волшебных и бытовых.

Несмотря на разнообразие сюжетов и стилей, сказки обладают теми общими и существенными свойствами, которые отличают их от всех других произведений фольклора и позволяют характеризовать как единый жанр. А.И.Никифоров дает такое определение: "Сказки - это устные рассказы, бытующие в народе с целью развлечения, имеющие содержанием необычные в бытовом смысле события (фантастические, чудесные или житейские) и отличающиеся специальным композиционно-стилистическим построением"[2].

Специфику этого жанра определяют и со стороны особенностей сюжетов.

Отличительной чертой, отделяющей сказки от других жанров фольклора Э.В.Померанцева предлагает считать "установку на вымысел". "Характерный признак сказки заключается в том, что она подается

---

1 Толстой А.Н. Полное собрание сочинений. т.XIII, Гослитиздат. М., 1949, с.596.

2 Никифоров Н.И. Сказка, ее бытование и носители. Вступ. статья. - Сб.: Русские народные сказки. Под ред.О.И.Капица. М.-Л., 1930, с.7-55.

сказочником и воспринимается слушателями прежде всего как поэтический вымысел, как игра фантазии, независимо от того, волшебная она или бытовая, вопрос о достоверности повествования начисто снимается[3].

Таким образом, большинство ученых в целом признают, что в основе сказки лежит фантастика, художественный вымысел, независимо от того, волшебная это сказка, бытовая или о животных, но при этом предлагается учитывать и ряд других особенностей.

Идейное содержание сказок сложно и многообразно.

Первые записи абхазских сказок, как и вообще абхазского фольклора, относятся ко второй половине XIX века.

Изучение устно-поэтического творчества в советские годы, материалы, собранные в научных экспедициях, ярко свидетельствуют о том, что сказочный эпос по-прежнему живет, не теряя своего обояния и прелести. Сказывание сказок и в наши дни продолжает оставаться одним из любимых развлечений в деревенском быту в часы досуга...

В Абхазии долго сохранялся обычай собираться по вечерам и слушать сказки.

Сказочные сюжеты распространяются с удивительной быстротой, причем сюжет, попавший в новый район, обычно принимает местный колорит и предстает в виде нового варианта.

Среди прозаических жанров фольклора в смысле популярности сказка, несомненно, стоит на первом месте, выделяясь как увлекательностью содержания, так и своими художественными достоинствами.

У сказок свой особый мир, с богатством и разнообразием которого не может сравниться ни один другой вид художественного творчества.

При всей причудливости сказочного эпоса, в котором фантазия сказителя безгранична, сказки вместе с тем очень конкретны, реалистичны. Творчество сказителя, словесный материал, образы и представления обусловлены местным бытом и национальным колоритом. Сказочник вносит в свое повествование описания и названия известных ему гор, рек, полей, животных и растений.

Значительная часть сказочных сюжетов имеет характер общий для всех народов. Но вместе с тем у сказок каждого народа имеются свои специфические сюжеты и мотивы.

Ярко и красочно отражены в абхазских сказках быт населения, его нравы и обычаи.

---

3 Померанцева Э.В. Сказки. - В кн.: Русское народное творчество. М., 1966, с.137.

Побратимство, гостеприимство, свадебный ритуал, одежда, - все это носит национальный отпечаток.

Складывались сказки в течение столетий, и в своем развитии они претерпели существенные изменения.

В абхазском сказочном эпосе, как и у других народов, можно выделить следующие основные группы сказок: сказки о животных, волшебные и бытовые. В данной же статье мы остановимся лишь на некоторых особенностях бытовых сказок.

Значительную группу в абхазском сказочном репертуаре составляют бытовые сказки.

Термин "бытовая сказка" вошел в научный оборот во второй половине XIX века. Но единого ответа на вопрос о содержании понятия, обозначаемого этим термином, нет до сих пор[4].

Бытовая сказка разных народов стала предметом пристального внимания советских фольклористов. Причем ее жанровая самостоятельноть и жанровое равноправие ни у кого не вызывает сомнения. Кандидатская диссертация И.П.Лупановой "Русская бытовая сказка" (1958 г.) дает ясное представление об идейном богатстве социально-сатирических сказок. По ее определению, бытовая сказка - это прозаический (изредка стихотворный) рассказ, имеющий законченный сюжет, дающий некое обобщение типическим жизненным явлениям, опирающийся на конкретную историческую действительность и воспринимаемый популяризующей его массой как повествование из реальной жизни, конечно, не в смысле безоговорочной реальности изображенных сказкой событий именно таковыми, но в смысле принципиальной возможности рисуемой ситуации. Автор выдвигает как специфическую особенность жанра отношение бытовой сказки к реальной жизни.

В.Я.Пропп называет бытовые сказки в широком смысле слова "сказками о людях". "Здесь имеются в виду, - пишет он, - не фантастические персонажи волшебной сказки..., а сказки о реальных людях, мужиках, бабах, барских слугах, солдатах и т.п."[5].

К данной жанровой разновидности автор относит также сказки о ловких ворах.

"Названия сказок о ловких людях нет ни в трудах, ни в указателях, хотя оно достаточно обозначает характер этих сказок"[6].

---

4 Об этом.: Померанцева Э.В. Судьбы русской сказки. М., 1965;

5 Пропп В.Я. Жанровый состав русского фольклора. - Русская литература. 1964, № 4, с.58.

6 Там же, с.59.

Бытовые сказки имеют свой круг сюжетов, образов, свои специфические жанровые приемы. Они строятся на совершенно иной идейной и временной основе, нежели волшебные сказки. Критика социального устройства, утверждение прав и морали трудового человека определяют особенности их содержания. Выдвигая общественные идеалы, бытовая сказка отрицает и эстетику фантастического волшебной сказки, и характер иносказания сказок о животных. Герои ее живут в реальном мире и побеждают благодаря уму и находчивости. Их действия - это выражение активного неприятия социальных и нравственных норм буржуазного общества.

Первым опытом обобщенного исследования сказочного эпоса абхазов явилась монография С.Л.Зухба "Абхазская народная сказка"[7]. Работа ценна как попытка систематизации всего имеющегося материала по абхазской сказке, но широта задачи, естественно, не позволила подойти к детальной разработке каждой из выделяемых разновидностей сказки.

В монографии С.Л.Зухба содержится ряд продуктивных наблюдений и замечаний об интересующей нас жанровой разновидности - бытовой сказке абхазов, их тематическом составе, типических персонажах и некоторых других особенностях. Однако вполне понятно, что, исследуя практически не изученный сказочный материал и имея перед собой объемную задачу описания и классификации абхазской сказки в целом, С.Л.Зухба мог лишь суммарно наметить группы и обрисовать систему образов бытовой сказки.

Бытовые сказки ярко характеризуют жизнь, быт и мировоззрение крестьянства в условиях феодально-крепостнической Абхазии. Героями сказок выступают простые люди, чаще всего бедный крестьянин, батрак. При всем сюжетном разнообразии бытовые сказки имеют одну общую черту - они строятся на основе острого социального конфликта. Из репертуара абхазских бытовых сказок по глубине художественного обощения жизни крестьянства в дореволюционной Абхазии, рельефности образов и оригинальности, прежде всего следует выделить сказки "Спесивый Нахарбей", "Богач и пастушок", "Судья и дочь бедняка", "Спинодрал", "Шардын и дворянин"[8]. Эти сказки представляют яркое, образное воплощение нищеты и бесправия крестьянства в период феодально-крепостнического порабощения.

---

7 Зухба С.Л. Абхазская народная сказка. Тбилиси, 1970.

8 Абхазские сказки. Составление, перевод Х.С.Бгажба. Сухуми, 1979.

Многие абхазские бытовые сказки характеризуются острой сатирической направленностью.

Абхазские сатирические сказки можно разделить на две основные группы: а) сказки, направленные против социальных врагов трудового народа; б) сказки, высмеивающие недостатки в среде самого народа.

Сатирические сказки первой группы отразили многовековую борьбу народа с правящими классами. Характерной чертой этих сказок является чувство ненависти к угнетателям. Сюжеты сатирических сказок всегда строятся на столкновении простого человека из народа с попом, барином, купцом, причем действие развивается в реальной обстановке и заканчивается победой героя. Жадность и глупость - основные черты отрицательного персонажа абхазской бытовой сказки.

В данных сказках царь, богач или другой представитель социальной верхушки, как правило, изображены глупыми.

Сатира, направленная против них, в таких случаях доходит до сарказма.

В сказке "Спинодрал"[9] выведен герой из простого народа. Он одерживает победу над богачем без помощи каких бы то ни было чудесных предметов. Вот краткий сюжет этой сказки. "Не сердиться" - таков уговор между богачем - Спинодралом и его слугами - тремя братьями. Условие таково: кто первым рассердится, тому со спины содрать кусок кожи. Что им делать, беднякам? Соглашаются с этим условием и остаются у богача. После этого каждая сторона старается рассердить противника. Старшие двое не выдержали, рассердились, богач - Спинодрал содрал кожу с их спины, и они умерли.

Третьего же, младшего брата, богачу никак не удается рассердить, наоборот, он сам, Спинодрал, выходит из терпения, хотя долгое время не признается в этом.

Богач посылает работника пахать. Тот пригласил живущих поблизости людей, зарезал быков, снял с них шкуры, сломал соху на растопку, потом сварил мясо, угостил им приглашенных сельчан и сам охотно с ними сел обедать. Так до вечера они пировали, беседовали, веселились. А к вечеру пахарь вернулся домой. В руках он нес лемех и топорик.

- Где же быки? - спросил Спинодрал.

- Там, где я пахал, встретил друзей и на радостях мы устроили пирушку. Если бы ты пошел, мы тебя угостили бы на славу вареным мясом.

---

9 Абхазские сказки, с.256.

- Как, ты зарезал моих быков? - заорал Спинодрал.

- А, так ты уже обиделся? - спросил в свою очередь слуга.

- Нет, нет, ничуть! - ответил Спинодрал. - Тебе это только показалось.

На второй день утром Спинодрал говорит пастуху:

- Сегодня ты будешь пасти моих коз. Ты должен их так накормить, чтобы вечером, когда пригонишь их домой, все улыбались от радости.

Целый день пас работник, а под вечер, когда пришла пора гнать стадо домой, взял и надрезал им губы крест-накрест. У коз зубы оскалились, и такими он пригнал их домой. Слуга таким образом каждый раз наносит ущерб богачу - Спинодралу.

Слуга уверенно без особого напряжения сил одерживает над богачем победу. Богачу становится ясно, что герой - слуга умнее его, и не так легко избавиться от него.

В конце богач с женой убегает из собственного дома, а пастух завладевает всем имуществом Спинодрала.

Много сатирических сказок создано народом о попах. Сказки эти возникли на почве ненависти, веками накопленной крестьянством против служителей духовного культа. Крестьянство, близко соприкосавшееся с духовенством, не могло не видеть, что образ жизни служителей культа находится в резком противоречии с проповедуемой ими моралью.

В абхазских народных бытовых сказках поп является объектом резкого сатирического осмеяния. Сказки неизменно говорят об аморальном поведении, нерадивости, невежестве, жадности попов. Ради наживы поп готов использовать все средства, находящиеся в явном противоречии с его саном: мошенничество, взяточничество и пр. Поп всегда посрамляется мужиком, батраком...

Одним из наиболее ярких образцов нужно признать сказку "Поп и его работники"[10]. Как повествует эта сказка, жил некогда поп. Он был до того жаден и скуп, что держал свою семью впроголодь, хотя ни в чем не нуждался. Как-то летом поп позвал на помощь крестьян - соседей прополоть кукурузу в его усадьбе. Он им пообещал заколоть свинью и устроить хороший обед. Однако поп тут же решил надуть крестьян. Он отправился в хлев и стал тянуть свинью за уши, та неистово завизжала. Услышав визг свиньи, работники обрадовались, считая, что поп уже выполняет свое обещание. Но поп оставил свинью и велел своим зарезать собаку. С нее содрали шкуру, а голову и ноги закопали.

I0 Абхазские сказки, с. 262.

Узнав, чем собирается отец кормить работников, попова дочь стала стыдить и укорять его:

- Отец! Как ты, введя людей в такой грех, будешь их исповедовать? Ведь через несколько дней пасха?

- Пустяки, - ответил поп, - у них такая куча грехов, что мой затеряется. И что тут особенного: Христос обратил полчище бесов в свиное стадо, а я - всего-навсего свинью подменил собакой.

Мясо сварили. Батрак, который был зол на попа, незаметно подкинул в котел собачий хвост.

Уже наступили сумерки, когда уставшие крестьяне дружно взялись за еду, раскладывая куски мяса на листья ореха. Но вот один из них вытащил из котла собачий хвост и обомлел. Тут все догадались о проделке попа, стали требовать, чтобы показали им голову и ноги свиньи. Но показывать было нечего.

Крестьяне прокляли попа и разошлись по домам. С тех пор, едва поп показывался на селе, крестьяне оборачивались к нему спиной, а ребятишки хрюкали и визжали ему вслед.

Отсюда и пошла поговорка о попе, который "заставив визжать свинью, зарезал собаку".

Идейное содержание сатирических сказок раскрывает как в обрисовке отрицательных персонажей, так и в образе положительного героя. Сказки не только критикуют, но и выражают мечту народа о торжестве справедливости, о лучшем будущем, показывают его отношение к различным сторонам жизни, к морально-этическим проблемам. Положительный герой сатирических сказок (мужик, батрак, ловкий человек, простая крестьянская девушка) не является полным воплощением идеала народа, но он выразитель положительных взглядов народа.

В борьбе с классовыми врагами и отдельными пороками в народной среде положительные герои абхазских сказок проявляют лучшие человеческие качества, присущие трудовым массам, - ум, сообразительность, находчивость, смелость, терпение, изобретательность, ловкость и т.д.

Батрак, мужик - бедняк пускаются на различные уловки и хитрости, чтобы одурачить жадного попа, унизить жестокого богача.

Героем многих абхазских бытовых сказок является ловкий человек: шут, вор. Противоречие данного образа отражает противоречия во взглядах крестьян.

Герой наделяется привлекательными качествами: необыкновенно смел, находчив, остроумен. Он обманывает, обворовывает "господ", но его обман, воровство и даже жестокость не воспринимаются отри-

цательно, поскольку они являются средством борьбы против угнетателей и имеют целью высмеять, унизить и наказать классового врага. Герой сказок - ловкий человек, вор - воспринимается нередко как мститель, и вообще как искусный мастер.

А.И.Герцен вскрыл причины появления в фольклоре подобного героя и объяснил его поступки: "Отверженный всеми, - писал он о бедняке, - он понял инстинктивно, что все управление устроено не в его пользу, а ему в ущерб, и что задача правительства и помещиков состоит в том, как бы вымучить из него побольше труда, побольше рекрут, побольше денег. Поняв это, одаренный сметливым и гибким умом, он обманывает их везде и во всем. Иначе и быть не может: если бы он говорил правду, он тем самым признавал бы над собою их власть; если бы он их не обкрадывал, он тем самым признавал бы законность их требований, права помещиков и справедливость судей"[11].

Сатирические сказки второй группы разоблачают недостатки другого рода - пороки в самом крестьянском быту и ставят задачей помочь народным массам избавиться от них. Сказки бичуют такие отрицательные черты, как болтливость, лень, упрямство, глупость, ложь, скупость, вероломство и пр. Особенно популярны сказки о глупцах. В некоторых сказках - анекдотах в качестве главного персонажа выступает "дурак набитый", который совершает поступки, резко противоречащие общепринятым нормам поведения. Согласно сюжету одной из них - "Сказке о глупце"[12], у одной вдовы был единственный сын. Звали его Кдыж (от слова "аҟды" - пень, бревно). Он был очень глупый.

Однажды Кдыж поехал в лес за дровами. Возвращаясь обратно, он нашел на дороге иголку. Кдыж поднял ее и бросил на арбу. Когда Кдыж приехал домой, он сказал матери:

- По дороге я нашел иголку и привез тебе.

- Где же она? - спросила мать.

- Я бросил ее на арбу, - ответил Кдыж.

Рассердилась мать.

- Глупец! Где ты видел, чтобы иголку возили на арбе? Ее закалывают на груди! - крикнула она сыну.

- Хорошо, запомню это, - сказал Кдыж.

Скоро он уехал из дому по другому делу. По дороге он увидел брошенного щенка, поднял его и стал прикалывать себе на грудь.

---

11 Герцен Н. Соч., М.-П., 1919, с. 444-445.

12 Абхазские сказки, с. 253-254.

Пока он возился, щенок издох. Кдыж вернулся домой, принес щенка матери и рассказал о своей неудаче.

- Несчастный, где ты видел, чтобы щенка прикалывали к груди?! Его подзывают, и он бежит вслед! - с огорчением стала укорять мать непутевого сына.

- В другой раз буду помнить, - сказал Кдыж и ушел в лес.

В лесу он встретил зайца и стал ласково подзывать его, но заяц испугался и убежал. Кдыж вернулся и рассказал об этом матери.

- Ах ты, пропащий, - крикнула мать. - Разве зайца подзывают? Его убивают выстрелом или ударом топора.

- Хорошо, запомню, - сказал Кдыж и ушел. По дороге он увидел людей. Эти люди пахали на быках. Кдыж бросил топор и перебил ногу одному быку.

- Кто родил этого дурака?! - крикнули люди, набросившись на него и избили до синяков. Возвратился Кдыж домой с плачем и рассказал обо всем матери.

- Ах ты, пропащий! Нужно было сказать: "Пусть спорится ваша работа!" - рассердилась мать.

Другой раз буду помнить, - ответил Кдыж и снова ушел из дому. По дороге он встретил похоронную процессию, хоронили какую-то женщину.

- Пусть спорится ваша работа! - крикнул Кдыж.

- Чтоб тебе не было добра, разве ты не видишь, что мы делаем?! - закричали участники траурной процессии и прогнали Кдыжа.

Когда он вернулся и рассказал об этом матери, она ему сказала:

- Ах, ты, дурак! Надо было оплакать покойницу.

- Хорошо, я запомню это, - сказал Кдыж. Вскоре после этого он попал на свадьбу. Гости и хозяева пировали, пели, танцевали. Кдыж тут же снял башлык и принялся бить себя по голове и громко плакать.

- Что ты делаешь? - закричали гости - Или ты пришел на похороны? Набросились все на Кдыжа с криками. "Откуда взялся этот дурак? Гоните его вон отсюда!" - и прогнали со двора.

Вернулся Кдыж домой, рассказал обо всем матери и прибавил, что не выйдет из дому до тех пор, пока мать его не женит . Мать пообещала.

- Я женю тебя, если ты заготовишь много дров.

- Хорошо, - сказал Кдыж и стал возить дрова. Тем временем мать нарядила деревянную лопату в женскую одежду и поставила в амхара.

- Иди сюда! - позвала она сына. - Довольно работать! Я привела тебе жену и оставила в амхара, - только смотри до вечера туда не входи!

Вечером Кдыж пришел в амхара и потянул к себе деревянную лопату. Лопата с грохотом упала и сильно ударила его по лбу. Пришел Кдыж к матери, стал ей жаловаться.

Мать сказала:

- Видно, ты не сумел, как должно, обращаться с девушкой. Вот она и обиделась, решила, что ты глупец, и ушла.

- Если так, я ее непременно найду и приведу обратно, -сказал Кдыж и отправился в путь.

Ушел он из дому, да и не вернулся обратно. Говорят, что он везде ищет свою невесту, а найти так и не может.

В данной сказке, как видим, сатирически рисуется образ глупца, набитого дурака, который делает все невпопад, вопреки здравому смыслу, не умея разумно пользоваться умными советами матери.

В бытовых сказках бывают и другие глупые персонажи: это может быть глупый муж, глупая жена, глупый сын, глупый зять, глупая невеста и т.д.

Следует отметить, что этот тип глупца в корне отличается от своеобразного персонажа волшебных сказок - притворяющегося дурачка, который, как правило, в начале внешне всегда выглядит дурачком, простачком, но затем, проявляя смелость, ум и хитрость, побеждает не только врагов, но и превосходит своей хитростью прославленных героев.

Среди положительных героев сказок второй группы нет батрака, бедняка, ловкого вора, противостоящих представителям господствующих классов. Противопоставление положительного героя отрицательным имеет здесь другой, более ограниченный смысл: ленивая жена - работящий муж; глупец - умный человек; вероломная жена - честный муж и т.д.

Герой абхазских бытовых сатирических сказок по своим типическим чертам отличается от положительного героя волшебных сказок. В волшебной сказке герой побеждает врага в силу морального превосходства над ним. Герой сатирической сказки побеждает благодаря уму и хитрости, так как изображенная в сказке борьба с коварным врагом требует находчивости, смекалки, ловкости.

Для героя волшебной сказки характерно простодушие, незлобливость, самоотвержение. Герой сатирической сказки для достижения цели не брезгует никакими средствами, с врагами он может быть и жестоким.

Несмотря на различие, оба эти образа являются подлинно народными.

Положительный герой сатирической сказки по сравнению с героем волшебной сказки является новым, более поздним этапом в развитии художественного мышления народа, отразившим социальные отношения, классовую борьбу эпохи позднего феодализма.

Напечатано по постановлению Редакционно-издательского совета Академии наук Грузинской ССР

ИБ 3382

Редактор издательства И. Е. Герсамия
Худож. редактор И. А. Сихарулидзе
Техредактор Н. А. Шовнадзе
Корректор Л. Ш. Джаши
Выпускающий Е. Г. Майсурадзе

Сдано в набор 20.VI.1988; Подписано к печати 3.VI 1988; Формат бумаги 60×90 1/16; Бумага офсетная; Печать офсетная; Усл. печ. л. 9,25; Уч.-изд. л. 8,34; Усл. кр.-отт. 9,48;

УЭ 02390; Заказ 2193; Тираж 500;

Цена 1 руб. 70 коп.

Издательство «Мецниереба», Тбилиси, 380060, ул. Кутузова, 19
გამომცემლობა „მეცნიერება“, თბილისი, 380060, კუტუზოვის ქ., 19

Типография АН Грузинской ССР, Тбилиси, 380060, ул. Кутузова, 19
საქართველოს სსრ მეცნ. აკადემიის სტამბა, თბილისი 380060, კუტუზოვის ქ. 19